
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2021. Том 19, № 4

Содержание

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

- Головкин Н. В., Эртель И. И.* Дж. Лэдимен, Д. Деннет и Дж. Лоу: научный реализм и метафизика возможностей 5

Социальная философия

- Кудряшов И. С.* Феномен фуд-порн: философский и психоаналитический взгляд на современные алиментарные практики 34
- Бояркина С. И.* История институционализации вакцинационных практик в странах Западной Европы XVIII–XIX веков 52
- Овчаров А. О., Овчарова Т. Н.* Социальное государство на современном этапе 71
- Савельев Д. Б.* Коллегиально разделенная власть: определение и критерии 87
- Демин И. В.* Философский и социологический ракурсы рассмотрения проблемы идеологии 99

История философии

- Санжеников А. А.* Интенциональность в Средние века: Фома Аквинский, Дунс Скот, Уильям Оккам 117

Научная жизнь, полемика и дискуссии

<i>Трошкина И. Н., Чебодаева С. А.</i> Первый философ Хакасии (к 90-летию со дня рождения Виктора Семеновича Анжиганова)	136
<i>Баженова Е. А.</i> Сила и слабость логического позитивизма <i>Е. В. Булыгина.</i> Рец. на кн.: Как возможна логика в праве? / Под общ. ред. <i>М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова.</i> СПб.: Алетейя, 2021	145
<i>Головкин Н. В.</i> Метафизика как первая наука, снова: как возможен учебник по метафизике. Рец. на кн.: <i>Lowe E. J. The Possibility of Metaphysics: Substance, Identity, and Time.</i> Clarendon Press, 1998	155
Информация для авторов	164

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2021. Vol. 19, no. 4

Contents

Analytical Philosophy, Epistemology and Philosophy of Science

- Golovko N. V., Ertel I. I. J. Ladyman, D. Dennett and E. J. Lowe: Scientific Realism and Metaphysics of Possibilities* 5

Social Philosophy

- Kudryashov I. S. Food-Porn: Philosophical and Psychoanalytic Approach to Contemporary Alimentary Practices* 34
- Boyarkina S. I. The History of Institutionalization of Vaccination Practices in Western Europe (18th – 19th Centuries)* 52
- Ovcharov A. O., Ovcharova T. N. The Welfare State at the Present Stage: The Potential of Paternalism and Failures of Governance in Crisis Conditions* 71
- Savelyev D. B. Collegially Shared Power: Definition and Criteria* 87
- Demin I. V. Philosophical and Sociological Perspectives of Consideration of the Problem of Ideology* 99

History of Philosophy

- Sanzhenakov A. A. Intentionality in the Middle Ages: Thomas Aquinas, Duns Scotus, William of Ockham* 117

Scientific Life, Polemic and Discussions

<i>Troshkina I. N., Chebodaeva S. A.</i> The First Philosopher of Khakassia (On the 90 th Anniversary of Viktor Semyonovich Anzhiganov)	136
<i>Bazhenova E. A.</i> Strength and Weakness of E. V. Bulygin's Logical Positivism. Book Review: Antonov M. V., Lisanyuk E. N., Tonkov E. N. (eds.). How Is Logic in Law Possible? St. Petersburg, Aleteia, 2021	145
<i>Golovko N. V.</i> Metaphysics as a First Science, Again: How a Textbook on Metaphysics Is Possible. Book Review: Lowe E. J. The Possibility of Metaphysics: Substance, Identity, and Time. Clarendon Press, 1998	155
Instructions to Contributors	164

Научная статья

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-5-33

**Дж. Лэдимен, Д. Деннет и Дж. Лоу:
научный реализм и метафизика возможностей ***

Никита Владимирович Головкин¹

Илья Игоревич Эртель²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

^{1,2} Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

² ilyaehrtel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0891-0709>

Аннотация

Цель работы – показать, выбрав в качестве «объектной» онтологии концепцию реальных паттернов Д. Деннета, понимаемую как фундаментальная концепция существования (Д. Росс, Дж. Лэдимен), а в качестве «базовой» – концепцию четырехкатегориальной онтологии Дж. Лоу, мы можем получить оригинальную концепцию научного реализма, которая будет не только успешно конкурировать в плане традиционных аргументов за и против научного реализма или в плане трактовки требований, диктуемых современной наукой, с другими, но и будет успешна как самостоятельная концепция метафизики, задающая оригинальные представления о субстанциальности, идентичности, модальности и причинности. Переход к «серьезному эссенциализму» Дж. Лоу помогает решить проблему онтического структурного реализма Дж. Лэдимена с отождествлением номологической (естественной) и метафизической модальностей. Установка Дж. Лоу, что «предмет метафизики – возможное, но только наука может сказать, какая из альтернативных метафизических возможностей достигается актуально», закрепляет требуемое отношение науки и метафизики. Тот факт, что мы выбираем нео-аристотелевский, а не куайновский тип метафизики

* Статья представляет собой развернутую версию доклада, представленного онлайн на философском семинаре Института философии НАН Беларуси 24 ноября 2021. URI: <http://philosophy.by/ru/news/event-2021-11-24/> (дата обращения: 29.11.2021).

зики, помогает сформулировать достаточные условия существования паттерна, а также перейти к пониманию причинности в терминах «сил», «предрасположенностей» и «манифестаций», связанных формальным (не реальным!) онтологическим отношением метафизической зависимости. В этом смысле, отвечая на вопрос Х. Патнэма, «что же такое реализм есть», мы можем ответить, что научный реализм является упражнением в эпистемологии модальности, связанным с прояснением сущности объектов научной теории в терминах «базовой» философской онтологии.

Ключевые слова

онтический структурный реализм, верификационизм, диспозиционализм, модальность, метафизическая необходимость, сущность, метафизическая зависимость, причинность, претерпевание, онтология паттернов

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00120 «Метафизические основания научной онтологии: реальные паттерны и проект метафизики»

Для цитирования

Головко Н. В., Эртель И. И. Дж. Лэдимен, Д. Деннет и Дж. Лоу: научный реализм и метафизика возможностей // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 4. С. 5–33. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-5-33

J. Ladyman, D. Dennett and E. J. Lowe: Scientific Realism and Metaphysics of Possibilities

Nikita V. Golovko ¹, Ilya I. Ertel ²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

^{1,2} Institute of Philosophy and Law
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

² ilyaehrtel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0891-0709>

Abstract

The paper aims to show that combining D. Dennett's conception of real patterns as the "object" ontology, understood as the fundamental concept of existence (D. Ross, J. Ladyman), and E. J. Lowe's four-category ontology as the "base", we can get an original conception of scientific realism, which will compete successfully with others in terms of traditional arguments for and against scientific realism, or in terms of interpreting the requirements posed by modern science, and will also be successful as an independent conception of metaphysics, setting original ideas about substantiality, identity, modality and causality. The adoption of E. J. Low's "serious essentialism" helps to solve the problem of J. Ladyman's ontic structural realism about the matching of nomological (natural) and metaphysical modalities. E. J. Lowe's statement that "the subject of metaphysics is the possible, but only science can say which of the alternative metaphysical possibilities is actual" reinforces the required relationship between science and metaphysics. The fact that we choose the neo-Aristotelian rather than the Quinean type of metaphysics helps to formulate sufficient conditions for the pattern existence, as well as to adopt an understanding of causality in terms of "forces", "predispositions" and "manifestations", connected by a formal

(not real!) ontological relation of metaphysical dependence. In this sense, dealing with H. Putnam's question "what realism is", we can answer that scientific realism is an exercise in the epistemology of modality, associated with clarifying the essence of the objects of scientific theory in terms of "basic" philosophical ontology.

Keywords

ontic structural realism, verificationism, disposition, modality, metaphysical necessity, essence, metaphysical dependence, causality, persistence, pattern ontology

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to research project no. 19-011-00120 "Metaphysical Foundations for Natural Science Ontology: Real Patterns and Metametaphysics Project"

For citation

Golovko N. V., Ertel I. I. J. Ladyman, D. Dennett and E. J. Lowe: Scientific Realism and Metaphysics of Possibilities. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 5–33. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-5-33

«В наши дни все больше и больше философов говорят о реализме; однако мало говорится о том, что же такое реализм есть» [Putnam, 1978, p. 18]. При этом, несмотря на риторику аргумента «чудеса не принимаются», ответ самого Х. Патнэма, естественно, не выходит за рамки «семантической парадигмы». Тезис о том, что реализм является «всеохватывающей (*over-arching*) эмпирической гипотезой» [Ibid., p. 19], как следствие предположения, что истинность теории является единственно возможным объяснением эмпирического факта, что научные теории делают успешные предсказания, на самом деле не требует большего «приближения к реальности», чем это было актуально, например, для Р. Карнапа или Г. Рейхенбаха: «Модель Рейхенбаха – Карнапа отчасти справедлива, как подход к использованию и пониманию языка [разница в значении отражает разницу в весах, которые приписываются предложениям в данной ситуации]... такая форма верификационизма совместима с реализмом» [Ibid., p. 113]. Как следствие, «мы принимаем разновидность "верификационистской" семантики в смысле указания, которое определяется социальными практиками и актуальными физическими парадигмами [экспертными мнениями]... соответствие (*correspondence*) между словами и вещами является частью объяснения взаимодействия говорящего и окружающей среды» [Ibid., p. 129]. Х. Патнэм говорит о «внутреннем реализме», частью которого является представление об истинности как «идеализированной рациональной приемлемости» и «невразумительности (*unintelligibility*)» тезиса метафизических реалистов о том, что «идеальная [истинная] теория, удовлетворяющая всем операциональным [и теоретическим] ограничениям, может быть ложной» [Ibid., p. 126]. Впоследствии М. Девитт будет говорить о том, что «реализм не влечет (*entail*) какую-либо концепцию истины. Никакая концепция истины, даже корреспондентная, не влечет реализм» [Devitt,

1997, р. 304] (первое издание книги вышло в 1984 г.), – но и это может не приблизить нас к более реалистскому пониманию, «что же такое реализм есть». С точки зрения «семантической парадигмы», предписывающей всегда оставаться «минимальным» реалистом по отношению к объектам на уровне здравого смысла (*common-sense realism*), а к остальным видам реализма относиться с осторожностью, подход М. Девитта можно не интерпретировать как разрыв с традицией. Его концепцию можно представить как не нарушающее канон развития представления о «натурализованной семантике» (см., например: [Devitt, 1996]), – в том же самом смысле, как, например, «семантический реализм» Г. Фейгля [Feigl, 1950] не нарушает позитивистскую логику обсуждения «экзистенциальных гипотез» (см., например: [Головко, 2007; 2008; 2013a]). Содержательный ответ на вопрос «что же такое реализм есть» можно получить, только если с точки зрения анализа общих постановок философских вопросов и способов их решения мы сделаем шаг назад и вернемся к тому метафизическому дискурсу, против которого, по сути, и выступает вся позитивистская (аналитическая) «семантическая парадигма».

Научный реализм в первую очередь должен быть метафизической концепцией о существовании теоретических объектов, постулируемых успешными научными теориями, он должен быть метафизическим реализмом. Чтобы ответить на вопрос «что же такое реализм есть», мы должны иметь возможность прямо сказать, чем в метафизическом смысле является тот объект, который сопоставляется чувственно воспринимаемому / теоретическому объекту, описываемому научной теорией. При этом такой ход рассуждений не обязательно должен начинаться с «возвращения к Пармениду»¹. То, как это можно сделать в наше время, продемонстрировали Д. Росс и Дж. Лэдимен в начале 2000-х, представив концепцию «реальных паттернов» Д. Деннета как фундаментальную концепцию существования (см.: [Ladyman et al., 2007]). Наша исходная гипотеза заключалась в том, что одной собственно «объектной» онтологии, как это сделали Д. Росс и Дж. Лэдимен, недостаточно для того, чтобы полностью охватить «метафизический уровень аргументации» (см., например: [Головко, 2010; 2021]). С одной стороны, поскольку мы говорим о реализме, философская теория должна трактовать только метафизические объекты, которые существуют вне и независимо от деятельности сознания. И в этом смысле объект как сущность должен обладать

¹ В определенном смысле онтологический монизм и ленинское определение материи могут играть роль «метафизического тезиса» диалектического материализма (см., например: [Константинов, Марахов, 1981]) как адекватной (в том числе с точки зрения возможной трактовки результатов современного естествознания) метафизической концепции научного реализма (см.: [Головко, 2006; 2010; 2013б]).

определенными условиями тождественности, для закрепления которых и вводится «объектная» онтология. С другой стороны, включение объекта в онтологию оправдано тем, что оно увеличивает объяснительную силу теории, а значит, так или иначе мы должны иметь возможность обсуждать то, насколько предполагаемая трактовка существования объекта будет состоятельной именно в метафизическом плане, в том числе по отношению к другим метафизическим концепциям. Это уровень «базовой» метафизической онтологии. И поскольку речь идет о научном реализме, то произвол в выборе онтологий, отвечающих обозначенным уровням, должен определяться не только многообразием существующих и появлением новых метафизических проектов (что должно отражаться на нашем понимании метафизики науки!), но и требованиями к построению концепции научного реализма, диктуемыми развитием современной науки. Как более общими, такими, например, как требование натурализации представлений в области метафизики науки: «Под натурализованной метафизикой мы понимаем метафизику, мотивированную исключительно попытками унифицировать теории и гипотезы, всерьез принимаемые современной наукой... не существует другого вида метафизики, который можно было бы рассматривать как часть нашей коллективной попытки смоделировать структуру объективной реальности» [Ladyman et al., 2007, p. 1], или требование отказаться интерпретировать физическую теорию в терминах индивидуальных объектов и их внутренних характеристик и тем самым «пересмотреть то, что является базовым онтологическим допущением в том, что касается существования объектов... Индивидуальные объекты, воспринимаемые как носители характеристик, и которые находятся в отношениях друг с другом, являются метафизически бесполезными» [Chakravartty, 2003, p. 868–869], поскольку «эквивалентность между конвенциональной моделью индивидуального объекта и моделью того, что существует, является ошибочным представлением, подменяющим философские обобщения практическим удобством» [Ladyman et al., 2007, p. 228]. Так и более специальными: такими, например, как требования отрицания редукционизма (Р. Баттерман), «масштабной относительности» онтологий частных наук (Д. Росс), отсутствия «фундаментального уровня» описания реальности (Дж. Шаффер), критика неосохоластики (Дж. Лэдимен) и т. д. Мы полагаем, что, выбрав в качестве «объектной» онтологии концепцию реальных паттернов Д. Деннета, понимаемую как фундаментальная концепция существования (Д. Росс, Дж. Лэдимен), а в качестве «базовой» – концепцию четырехкатегориальной онтологии Дж. Лоу, мы получим такую концепцию научного реализма, которая будет не только успешно конкурировать в плане традиционных аргументов за и против научного реализма, или в плане трактовки требований, диктуемых современной наукой, с другими, но

и будет успешна как самостоятельная концепция метафизики, задающая свои представления о субстанциальности, идентичности, модальности, причинности, претерпевании, пространстве и времени.

Ниже мы отдельно остановимся на ключевых моментах в построении теоретико-информационного структурного реализма [Ladyman et al., 2007], в частности, коснемся оснований «верификационизма» Дж. Лэдимена и проблем в трактовке модальности в онтическом структурном реализме, а также покажем то, в каком смысле переход к «серьезному эссенциализму» Дж. Лоу может закрепить такую интерпретацию научного реализма, в которой сам «научный реализм» есть не что иное, как упражнение в эпистемологии модальности.

Верификационизм Дж. Лэдимена

Исходный пункт наших рассуждений – онтический структурный реализм². Однако существует проблема понимания того, какого рода метафизику представляет собой онтический структурный реализм в интерпретации Дж. Лэдимена. В частности, как отмечают И. Хирвонен и И. Паттиниеми: «Модальный

² Отметим, что достаточно сложно сходу указать каноническую формулировку онтического структурного реализма, которая одновременно была бы и в меру общей для сравнения с другими видами научного реализма, и достаточно содержательной для его детального анализа. В частности, уже потому, что, как правило, онтический структурный реализм определяется относительно эпистемического структурного реализма (условно, в эпистемическом структурном реализме «структура» – это то единственное, что мы можем знать о «ненаблюдаемых» объектах, а в онтическом структурном реализме не существует ничего кроме «структуры»), а также потому, что его формулировка, как правило, сопровождается различными уточняющими тезисами, такими, например, как «независимо существующие индивидуальные объекты, обладающие внутренними характеристиками, играют лишь вспомогательную эвристическую роль», «структура несет всю онтологическую нагрузку» и т. д., которые включаются в общую канву именно структурного реализма. К примеру, в статье «Структурный реализм» Стэнфордской энциклопедии Дж. Лэдимен приводит семь различных вариантов «уточняющих тезисов», каждый из которых, по его мнению, вместе с основным тезисом может образовывать свою «независимую» версию онтического структурного реализма. См: Ladyman J. Structural Realism. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2020 Edition). E. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/structural-realism/> (дата обращения 29.11.2021). При этом подчеркивается, что онтический структурный реализм изначально строится в русле критики «традиционных метафизических представлений», опираясь на то, что философская концепция, по сути, должна быть продиктована современными научными представлениями и что потенциально мы говорим не об одной, а о целом семействе концепций: «Сторонники онтического структурного реализма утверждают, что физика говорит нам о том, что современные представления о природе пространства, времени и материи несовместимы с традиционными метафизическими взглядами на онтологические отношения между объектами и их характеристиками... в широком смысле, онтический структурный реализм – это *любая форма структурного реализма, которая подчеркивает онтологический приоритет структуры и отношений*» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Ibid.].

реализм Дж. Лэдимена противоречит самим же им развиваемой программе натурализованной метафизики» [Hirvonen, Pattiniemi, 2015, p. 361]. С точки зрения Дж. Лэдимена: «мир имеет объективную модальную структуру, которая репрезентируется теоретической структурой наших лучших научных теорий» [Berenstain, Ladyman, 2012, p. 149]. При этом он опирается на два нетривиальных допущения: 1) «модальность» понимается им через призму «естественной необходимости» – в смысле необходимости, диктуемой наличием законов и выявляемых причинно-следственных связей в естественных науках; и 2) он постулирует объективный характер этой модальности: «Модальные утверждения, такие как эти [материальные тела не могут двигаться со скоростью больше скорости света] имеют истинностные значения независимо от современных теорий» [Ibid., p. 150]. Проблема заключается в том, что в общем случае естественная модальность не является метафизической. И если мы говорим об онтическом структурном реализме Дж. Лэдимена как о полноценной метафизической концепции, то требуется показать, в каком смысле здесь естественная модальность может (должна) играть роль метафизической.

Одна из отличительных особенностей концепции Дж. Лэдимена заключается в том, что он считает свою позицию разновидностью «верификационизма»: «Все еще следуя Патнэму (1995), мы можем отметить отличия нашей прагматической позиции в отношении метафизики от отношения позитивистов... Наш верификационизм, в отличие от верификационизма логических позитивистов, это не позиция относительно значения. Утверждение “Элвис стал причиной Большого взрыва” является осмысленным... мы говорим, что утверждение “не осмысленно” (*pointless*), только если оно ничего не добавляет к объективному анализу происходящего... Хорошая (*sound*) метафизика должна отвечать серьезным (*substantial*) научным результатам... [поскольку] эпистемическое превосходство (*supremacy*) науки опирается на институциональный контроль ошибок... Следуя Пирсу, а не позитивистам, наш верификационизм отвечает институциональной практике науки... в этом смысле утверждение “Элвис стал причиной Большого взрыва” будет не осмысленной спекуляцией, потому что у нас нет данных в его пользу, оно не интересно [ученым]» [Ladyman et al., 2007, p. 29–30]. Более того, «наше обращение к прагматизму, в том числе, обусловлено метаметодологическим требованием, что не существует такой вещи, как “научный метод”, как специфического множества правил, которым должны следовать все ученые [только специфический институциональный характер науки индуктивно устанавливает ее эпистемическую достоверность]... Поскольку наука *есть* множество институциональных фильтров, нацеленных на получение объективного знания о мире, в науке нет ограничений на область исследования, у нее нет конкурентов (таких

как естественная теология или спекулятивная метафизика» [Ibid., p. 28]. Любая натурализованная философия представляет собой верификационизм определенного вида. Это следует, например, если посмотреть на то, как Ф. Китчер или Л. Лаудан интерпретируют «натурализованную эпистемологию»: «эпистемология превращается в своего рода метаметодологию: анализ знания и соответствующих философских вопросов может быть релевантным только в свете анализа конкретных исторических способов, посредством которых действительно проводятся научные исследования» [Kitcher, 1992, p. 69] и «натурализованная эпистемология фактически является метаметодологией, в которой методологические принципы представляют собой гипотетические императивы, достоверность которых напрямую зависит от имеющихся эмпирических данных в отношении применения этих правил» [Laudan, 1990, p. 46]. Аналогично мы можем говорить о натурализованной онтологии, натурализованной семантике и т. д. (см., например: [Головкин, 2007]). В этом смысле слова Дж. Лэдимена: «Некоторые научные утверждения будут достаточно общими для того, чтобы быть метафизическими. Наше представление о метафизике является рекурсивным и не нуждается в том, чтобы проводить границу между научными и философскими утверждениями» [Ladyman et al., 2007, p. 45] имеют смысл, поскольку в рамках «натурализованной философии» у нас появляется возможность рассматривать «научные» и «философские» утверждения на одном основании. Теоретически такой ход рассуждений можно использовать как исходный пункт для того, чтобы показать, в каком смысле мы можем интерпретировать естественную модальность как метафизическую. Остановимся на паре моментов, которые, на наш взгляд, являются одними из ключевых дополнений «верификационизма» Дж. Лэдимена.

Тот факт, что «не существует научного метода», ставит перед Дж. Лэдименом сложный вопрос о том, как описать соотношение между фундаментальной физикой и специальными науками: «Если фундаментальные соотношения в физике описываются симметричными математическими соотношениями, это же самое, конечно, нельзя сказать о наиболее важных обобщениях, например, в биологии или экономике. Даже если мы считаем, что квантовая запутанность отрицает индивидуальность объектов в фундаментальной физике, то, как правило, считается, что это представление не “распространяется” (*percolate*) на более высокие уровни описания... Отрицание индивидуальности объектов отрицается в фундаментальной физике, но сохранение этого представления в метафизике специальных наук оставляет два варианта. *Либо мы должны быть инструменталистами в том, что касается трактовки последних*, – как вариант, мы принимаем редукционизм и различные варианты неосхоластики, *либо мы должны отказаться от представления об унификации*» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Ladyman

et al., 2007, p. 196] ³. Как следствие, именно для того чтобы сохранить установку на важность требования унификации научного знания, отрицая необходимость редукционизма и саму логику неосхоластики, Дж. Лэдимен формулирует основные тезисы своей натурализованной метафизики ⁴. С точки зрения обсуждаемого представления о модальности Дж. Лэдимен пишет: «Открыть закон, в конце концов, это просто корректно описать паттерн. Мы не согласны, что все реальные паттерны, в частности паттерны, описываемые (*identified*) фундаментальной физикой, являются причинными паттернами... Тот факт, что информация о реальных паттернах, описываемых фундаментальной физикой, доступна в любой точке Вселенной, делает фундаментальную физику исключительной. С точки зрения ученых, занимающихся специальной наукой, фундаментальная физика задает модальную структуру мира. Для философов, которые настаивают на том, что разговор о “высших и низших порядках необходимости” сводит на нет (*nonsense*) саму идею необходимости, – то, что выделено курсивом выше, отражает то, что мы думаем об этом» [Ibid., p. 288]. В то же время, с точки зрения описания модальности утверждений в фундаментальной физике и одновременно, скажем, в биологии, у нас могут возникнуть сомнения, что одного представления о модальности будет достаточно, чтобы охватить и фундаментальный (философский)

³ Специальные науки Дж. Лэдимен определяет следующим образом: «Операционализируя понятие специальной науки, отметим следующее: специальная наука – это наука, которая направлена на получение обобщений, измерения, которые являются потенциальными источниками подтверждения и/или фальсификации этих обобщений, для которых могут быть сделаны только в данной ограниченной области Вселенной и/или в ограниченном масштабе» [Ladyman et al., 2007, p. 195]. Более того, «поскольку специальные науки, как правило, являются науками о вещах и их причинных силах (физика не приписывает “причинные силы” фундаментальным аспектам реальности), то их метафизический статус неведом (*mysterious*) [был бы, если бы не попытка описать их в терминах реальных паттернов]» [Ibid., p. 193].

⁴ Речь идет о так называемых «принципе натуралистического замыкания» (*principle of naturalistic closure*) и «принципе первичности физики» (*primacy of physics constraint*). Первый утверждает: «...метафизическое утверждение принимается в момент времени *t*, если можно продемонстрировать, что две (или более) фундаментальные гипотезы (по крайней мере одна из которых принадлежит области фундаментальной физики) могут совместно объяснить нечто большее, чем объясняет сумма этих гипотез, взятых отдельно друг от друга» [Ladyman et al., 2007, p. 37]. Второй: «Гипотезы в специальных науках, противоречащие фундаментальной физике, следует отбросить только по одной этой причине: фундаментальные гипотезы не являются заложниками выводов, полученных специальными науками» [Ibid., p. 44]. Показательно то, как Дж. Лэдимен закрепляет натуралистический характер метафизики: «То, что практикующий физик интерпретирует идею модальной структуры, *не опираясь на представление о субстанциях или о другой природе фундаментальных сущностей*, является PNC-совместимым свидетельством того, что онтический структурный реализм нужно принимать всерьез, несмотря на его несовместимость с интуициями, воспитанными у современных философов посредством комбинации узких (*parochial*) требований, налагаемых нашей эволюцией и обучением метафизике по классическим текстам» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Ibid., p. 188].

характер одних (например, «материальные тела не могут двигаться со скоростью больше скорости света») и частный, зависящий от конкретной теории, характер других (например, «характерная форма тела не является исключительным признаком земноводных»).

Другим важным следствием принятой версии «верификационизма» является отрицание противопоставления «абстрактного» и «конкретного»: «Чтобы представить онтологию мира согласно, например, общей теории относительности, мы должны принять аппарат дифференциальной геометрии и затем объяснять топологию и другие характеристики конкретных моделей (или более строго, классов эквивалентных диффеоморфных моделей) систем уравнений, которые предположительно описывают реальный мир. К этому нечего добавить, мы не можем визуализировать происходящее в классических терминах. Математические структуры используются для представления физической структуры и отношений между объектами, и этот вид репрезентации нельзя элиминировать или свести к чему-то другому... Все это может подтолкнуть нас к отождествлению математических и физических структур и к отказу от различия между *абстрактными* структурами, используемыми в моделях, и *конкретными* структурами, которыми и являются физические объекты... Но есть и другие основания, чтобы исключить дихотомию абстрактного/конкретного. Например, зависимость физики от идеальных представлений (таких как точечная масса или движение по идеальной плоскости без трения) также может быть аргументом против этого деления» [Ladyman et al., 2007, p. 159–160]. Отметим, что деление между «абстрактными» и «конкретными» объектами является фундаментальной «классической дихотомией» (в терминологии Р. Рорти), и, поскольку мы говорим именно о натурализованной метафизике, а «натурализация» характеризуется избавлением от классических дихотомий (см., например: [Devitt, 1997]), то «стирание границы» может следовать автоматически. Однако это не все. Важным моментом того, как Дж. Лэдимен интерпретирует «стирание границы» между «абстрактными» и «конкретными» объектами, является то, что он делает это в контексте проблемы соотношения, условно, «фундаментального» и «второстепенного» уровней существования. И если «отсутствие научного метода» – это «внешний» (продиктованный тем, как Дж. Лэдимен в целом видит науку) аргумент в пользу унификации научного знания (в форме адаптации требования «отрицания редукционизма и супервентности» перед лицом требования «масштабной относительности» онтологии), то «стирание границы между абстрактным и конкретным» – это аргумент против метафоры «уровней реальности», который в том числе можно обозначить как еще один аргумент в пользу «онтологического монизма», содержание которого продиктовано выбранной «объект-

ной» онтологией⁵. При этом отмеченный аспект лэдименовской интерпретации «онтологического монизма», во-первых, находит отражения в «технике» представления онтологии, предполагающей «масштабную относительность» и интерпретирующую основные сущности, с которыми работает наука, – объекты, их характеристики, события и процессы, в терминах концепции реальных паттернов Д. Деннета. И, во-вторых, – в «метафизическом» плане, в частности, в плане критики классических представлений о «субстанциальном содержании» мира, что имеет непосредственное отношение к тезису «только паттерны» (*patterns all the way down*) и необходимости исключить из онтологии индивидуальный объект и в качестве базовой сущности ввести «структуру, которая несет всю онтологическую нагрузку»⁶. В этой ситуации очень сильной (и решающей, но не случай-

⁵ Интерпретация концепции реальных паттернов Д. Деннета как фундаментальной концепции существования и ее адаптация для нужд построения адекватной концепции научного реализма требовала ряда дополнений, в частности, условий, ограничивающих возможность инструменталистской трактовки паттернов. Как отмечает Д. Росс: «Если Д. Деннет действительно хочет отрицать инструментализм по отношению к интенциональным состояниям и другим сущностям, которые он относит к абстрактным, то у него нет оснований проводить границу между абстрактными и выводимыми объектами» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Ross, 2000, p. 160]. Здесь Д. Росс апеллирует к рейхенбаховскому делению абстрактных (*abstracta*), выводимых (*illata*) и конкретных (*concreta*), однако в данном случае это не существенно. Речь идет именно об отрицании метафоры «уровней реальности», которая, по мнению Д. Росса и Дж. Лэдимена, в частности, выступает основанием для инструментализма тем, что может предполагать, что один «уровень» может являться «более фундаментальным» по отношению к другому (см.: [Головкин, 2017]).

⁶ Как отмечает Дж. Лэдимен: «Деление на абстрактные и выводимые объекты не имеет научного обоснования... И ничего нельзя добавить [кроме того, что любой объект онтологии интерпретируется как паттерн] в контексте метафизической теории, защищаемой в этой книге... Основной онтологический вывод, который можно сделать из предложенной концепции существования, заключается в том, что реальность не является суммой сумм конкретных частных (particulars). Индивидуальные объекты, события и характеристики – это вспомогательные конструкции (*devices*), которые наблюдатель использует для ведения процесса познания, фиксируя то, что предмет исследования является достаточно стабильным во времени... Онтический структурный реализм отрицает, что паттерны “в своей основе” представляют собой индивидуальные самодостаточные объекты... мы ставим “в своей основе” в кавычки, потому что считаем, что метафора уровней ошибочна (*misleading*). Самая важная идея, которую мы отстаиваем в этой книге, заключается в том, что считать конвенциональную философскую модель индивидуального объекта эквивалентной тому, что есть, – означает отдавать приоритет практическому удобству вопреки [надлежащему] метафизическому обобщению» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Laduman et al., 2007, p. 228–229]. Также примечательно то, как Дж. Лэдимен демонстрирует свою неудовлетворенность «традиционными метафизическими представлениями»: «Среди философов нет единого мнения о том, что такое объекты, однако есть один нейтральный способ задать вопрос об их существовании – это спросить, существуют ли объекты в логическом смысле, как значения переменных в логике первого порядка, или же они существуют в более субстанциальном смысле, например, подчиняясь каким-то условиям тождественности или даже являясь субстанциями... Представим ситуацию, когда “формы”, “субстанции” и им подобное были отброшены. Как теперь представить “природу” атома? Атомы теперь понимаются как индивидуаль-

ной!) стала догадка Дж. Лэдимена операционализировать свое представление о верификационистской метафизике в терминах теории информации.

В самой идее прибегнуть к теории информации для того, чтобы представить «модальные характеристики» объектов в научном дискурсе, нет ничего странного: «Информация является фундаментальной концепцией для понимания объективной модальности мира, например, законов или причинности. Мы можем принять *теоретико-информационный фундаментализм в его дефляционной форме*: “невозможно операционально различить реальность и информацию, различие между этими понятиями должно быть отброшено” (Zeilinger 2004, 219)» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Ladyman et al., 2007, p. 189]⁷. Теория информации выступает средством, которое дает возможность выразить представление о том, что онтический структурный реализм схватывает «объективную модальность мира». И поскольку речь идет о натурализованной метафизике, то естественно, Дж. Лэдимен говорит о «номологической модальности» в смысле «естественной необходимости»: «Структурный реализм говорит о том, что наука описывает объективную модальную структуру мира. Под “модальной” можно понимать “номологическую”. Мы не говорим “причинную структуру”, поскольку она есть прагматически ориентированный заменитель (*proxy*) “модальной структуры”, который раскрывают специальные науки, но не фундаментальная физика... Индивидуальные объекты являются локально определяемыми (*focused*) абстракциями от *модальной структуры, под которой мы понимаем отношения между*

ные объекты. Больцман включил (*incorporated*) такое понимание природы атомов в свою механику... Обсуждение индивидуальности объектов в физике и в метафизике отношений дает понять, что стандартный научный реализм нагружен (*saddled*) традиционной метафизикой» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Ibid., p. 157].

⁷ Естественно, в данном случае речь не идет о том, что в традиционном философском дискурсе мы теперь должны каким-то образом заменить, например, понятие «материя» на понятие «инфовещество» (*infostuff*): «Информация удачно (*apt*) используется в квантовой механике, потому что она является модальным понятием. Тим Модлин показывает это, говоря, что информация может быть передана без передачи энергии или материи, просто в силу модальной структуры ситуации (2002)... Мир не сделан (*made*) из чего-то, понимаемого в классическом метафизическом субстанциальном смысле примитивной атомистской онтологии» [Ladyman et al., 2007, p. 188]. Буквально в самом начале книги Дж. Лэдимен отмечает, что «когда дело доходит до споров о природе материи в современной метафизике, обычно предполагается, что атомы существуют в смысле неделимых частиц [линия Демокрита], либо как “вещественная среда” (*gunk*), в смысле бесконечно делимой материи [линия Анаксагора]... Несмотря на развитие научного мировоззрения (материя с развитием физики становится все более эфемерной, теряя связь с представлением об абсолютном (*impenetrable*) веществе, которое заполняет мир), современные метафизики беспечно продолжают полагать, что дихотомия между атомами и “средой” остается актуальной и может быть оценена априори. Физика научила нас тому, что материя как протяженная среда [и, в более широком смысле, “инфовещество”] не имеет аналогов (*counterpart*) в фундаментальной онтологии» [Ibid., p. 20].

явлениями определяемыми (*tracked or located*) как вещи, характеристики, события и процессы, по отношению к которым справедливы (*pertain*) понятия необходимости, возможности, потенциальности и вероятности» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Ladyman et al., 2007, p. 153–154]⁸. При этом Дж. Лэдимен подчеркивает, что предполагаемая «информационная трактовка» является следствием принятия конкретной концепции «объектной» онтологии: «Деннет осознал, что существует класс не зависящих от наблюдателя фактов относительно динамики паттернов, которые непосредственно связаны с вопросом индивидуации паттернов, а не с вопросами их причинной эффективности. Это факты теории вычислимости, согласно которой существование паттерна связывается с понятием сжимаемости алгоритмов. Мы можем обратиться к реальности паттерна, не обращаясь к инструменталистской трактовке полезности выделения паттерна. Реальный паттерн, говорит Деннет, должен схватываться меньшим числом бит информации, чем побитный перенос множества данных, из которых мы вычитываем паттерн, это объективный процесс. Он говорит: “Реальные паттерны – это устойчивые элементы, которые мы выделяем из некоторого набора данных, если есть описание этого набора данных более эффективное, чем его побитное описание, независимо от того, может ли кто-либо его [паттерн] зафиксировать (*concoct*)” (1991, 34). Это не инструментализм» [Ibid., p. 202–203]⁹. Что касается представления собственно «модальных характеристик», Дж. Лэдимен отмечает следующее: «Центральное понятие в нашей онтологии (теории, которая делает

⁸ Более того: «С нашей точки зрения, все переживания по поводу несубстанциальной природы информации являются гипотетическими (*toot*) уже потому, что мы отрицаем дихотомию между абстрактным и конкретным, а также между субстанциальным и структурным... у теории информации не существует конкурентов в том, чтобы концептуализировать такие понятия как причинность или индуктивная проекция именно в контексте их унификации с понятиями в фундаментальной физике... Материальная мода не содержит других объектов, кроме мира и реальных паттернов, и мы будем использовать информационные понятия, чтобы определять эти реальные паттерны» [Ladyman et al., 2007, p. 186].

⁹ Естественно, реальные паттерны Д. Деннета переопределяются так, чтобы сочетать представление о «масштабной относительности» онтологий специальных наук и возможность их унификации с фундаментальной физикой: «Это не редукционизм. Порядок на данном масштабе не должен зависеть от любого выделенного порядка на другом масштабе, включая тот с позиции которого данный паттерн может быть выведен. В этом смысле, естественный отбор не будет виден для наблюдателя, который не поднимается на определенный масштаб наблюдения за животными. Более того, Деннет говорит, что одному набору данных может соответствовать много паттернов, выделяемых на разных масштабах, но мы не сможем сказать, что один из них в чем-то лучше (*superior*), например, просто потому что он более успешно предсказывает значения на других масштабах. Такая версия масштабной относительности помогает понять то, как современные физики моделируют реальность, предполагая (*incorporating*) не зависящие от наблюдателя или от теории характеристики, отслеживаемые (*tracked*) с помощью понятий суперпозиции и квантовой запутанности» [Ladyman et al., 2007, p. 203].

явным метафизическое утверждение “х существует”) имеет множество интерпретаций. Объективной мерой информационного содержания в абстрактном (не термодинамическом) [sic!] смысле являются логическая глубина и сжимаемость алгоритмов, которые задают структурную модель реального паттерна» [Ladyman et al., 2007, p. 220]¹⁰. Отметим, что параллельно с «логической глубиной» при обсуждении «информационного содержания» онтологий специальных наук также может использоваться понятие «термодинамическая глубина», а при обсуждении фундаментальной физики – понятие «квантовой информации». Как все эти типы информации будут связаны с заявленным представлением об объективной (номологической) модальности онтологии? С точки зрения И. Хирвонена и И. Паттиниеми, Дж. Лэдимен не дает ответа на этот вопрос, а просто «ограничивается перечислением возможных вариантов описания модальности, ссылаясь на то, что “модальные утверждения нельзя исключить из науки”» [Hirvonen, Pattiniemi, 2015, p. 361]. Из трех обозначенных Дж. Лэдименом типов «информации» только «термодинамическая глубина» может полностью соотноситься с номологической модальностью, например в смысле апелляции к законам специальных наук (биология, геология, экономика и др.). Термин «квантовая информация» в зависимости от принятой интерпретации может соотноситься и с номологической [Bub, 2004], и с логической [Duwell, 2003], и с эпистемической [Fuchs, Peres, 2000] модальностями, а «логическая глубина» как отражение логической модальности, с точки зрения Дж. Лэдимена, является необходимым средством выделения паттернов только в фундаментальной нау-

¹⁰ Понятия «логическая глубина» и «сжимаемость алгоритмов» играют решающее значение в построении теоретико-информационного структурного реализма, характеризующего «модальную структуру мира, которая проявляет себя в обнаруживаемых закономерностях... Сопоставим то, что мы говорим о закономерностях с деннетовским представлением о паттернах, используя дух, но не букву, следующего замечания Пола Дэвиса (1990, 63): “Существование закономерностей можно выразить тем, что мир является алгоритмически сжимаемым (*algorithmically compressible*)”. Как объясняет это Дэвис: “Перед лицом имеющегося множества данных работа ученого состоит в том, чтобы найти подходящие сжатия, которые будут выражать наличествующие (*involved*) причинные связи” (Там же). Отметим, что указание на “причинные связи” на уровне фундаментальной метафизики предполагает асимметричность по времени, поэтому вместо “причинный” мы будем подставлять “несущий информацию”. Пример, который приводит Дэвис на той же странице, вообще не затрагивает “причинную структуру”: “Расположение планет Солнечной системы, по прошествию некоторого периода времени от начального, представляет собой сжимаемое множество данных, потому что законы Ньютона могут быть использованы для того, чтобы сопоставить наблюдаемые значения положения (и скорости) с начальными. Здесь законы Ньютона представляют собой необходимый алгоритм для достижения сжатия” (Там же). Закономерности, которые выделяет теория Ньютона, будут сжимаемы (*compressible by*) в специальной теории относительности, которая сама по себе соответствующим образом будет сжимаема в общей теории относительности» [Ladyman et al., 2007, p. 221].

ке¹¹. Не вдаваясь в детали дальнейшего анализа представления паттернов в терминах теории информации (ключевую роль здесь будут играть понятие «проекция» и предложенное Дж. Колле сочетание «коммуникативной» (по Шеннону – Уиверу) и «термодинамической» (по Бриллюэну) трактовок информации, см.: [Ladyman et al., 2007, § 4.4]), отметим, что, по-видимому, Дж. Лэдимен не пошел дальше. Для него был важен именно операциональный критерий выделения паттерна, отвечающий новой онтологии «без индивидуальных объектов», занимающей «срединную» (условно между «конструктивным эмпиризмом» Б. Фраассена и «научным реализмом в семантической парадигме» Х. Патнэма) позицию, в которой у нас действительно есть средства схватить «объективную модальность»¹². В то же время с точки зрения канонического представления о метафизической теории разговор об «объективной модальности» не может вестись вне

¹¹ Дж. Лэдимен подчеркивает: «Различие между фундаментальной физикой и специальными науками априори опирается на понятия масштаба и независимости измерений. Существуют реальные паттерны, информация о которых (в логическом, но не в термодинамическом смысле) [sic!] несут измерения, сделанные в любом месте пространства-времени, на любом масштабе [паттерн Вселенной]. Фундаментальная физика – это именно та часть институциональной науки, которая отвечает за попытки открыть максимально избыточные (*redundant*) реальные паттерны» [Ladyman et al., 2007, p. 251].

¹² Как отмечает Дж. Лэдимен: «Грубо говоря, структурный реализм – это представление о том, что хорошие научные теории описывают структуру реальности лучше тех теорий, которые попросту “спасают” явление. Но их недостаточно для того, чтобы обеспечивать истинное описание природы предполагаемых ненаблюдаемых объектов, которые являются причиной наблюдаемых явлений» [Ladyman et al., 2007, p. 67]. Подчеркнем, «объективная модальность» – это то, что делает онтический структурный реализм именно научным реализмом в метафизическом смысле, без необходимости говорить об «онтологических допущениях» в стандартной (патнэмовской) версии научного реализма, понимаемых, например, с точки зрения семантических «условий истинности», характеризующих указание основных теоретических терминов теории. В данном случае сравнение с «конструктивным эмпиризмом» [van Fraassen, 1980] важно: «Когда Фраассен говорит о том, как научная теория описывает отношения между явлениями, он очень близко подходит к нашей точке зрения. Единственная разница между нами состоит в том, что мы понимаем рассматриваемые отношения как номологические или, в более широком смысле, – модальные, тогда как он понимает их как экстенциональные возникающие (*occurrent*) закономерности. Некоторые научные реалисты, разделяющие взгляды Юма, утверждают, что Фраассен прав. Мы утверждаем, что союз между научным реализмом и юмовской трактовкой модальности не может быть счастливым» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Ladyman et al., 2007, p. 79]. И далее: «Фраассен признает, что теорема Белла что-то говорит о модальной структуре мира, в частности, поскольку некоторые корреляции между физическими системами [нарушающие неравенства Белла] можно считать грубыми (*brute*), не поддающимися объяснению в терминах причинности... Мы утверждаем, что принятие таких грубых корреляций влечет за собой, как метафизическое допущение, представление о том, что фундаментальная физика что-то говорит нам об объективной модальной структуре мира, уже потому, что рассматриваемые корреляции являются вероятностными и, следовательно, модальными, а не просто возникающими» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Ibid., p. 187].

контекста метафизической модальности. В этом смысле, на наш взгляд, мы должны обратиться к анализу «базовой» онтологии, которая и способна ответить на вопрос о том, как связаны метафизическая модальность и естественная модальность, которую раскрывает онтический структурный реализм.

Научный реализм как упражнение в эпистемологии модальности

Дж. Лоу пишет: «Под “метафизической” необходимостью я понимаю самый сильный – *абсолютный* вид необходимости, который нельзя путать с “естественной” или “причинной”, которая есть разновидность *относительной* необходимости, собственно по отношению к естественным и причинным законам, которые проявляются актуально... Привести пример метафизически необходимой истины (не являющейся логически необходимой) достаточно сложно, гораздо проще привести пример метафизически *возможной* истины, – *из факта, что нечто существует, актуально следует, что оно возможно*; однако еще более интересный вопрос касается метафизически возможных истин, которые *не являются* актуальными истинами: как мы [люди как биологический вид с характерными когнитивными возможностями] можем *знать*, что данные неактуальные истины являются метафизически возможными? ...нужно *объяснить* способность (*capacity*) схватывать что то, что не является актуальным, *может быть* существующим (*case*), не постулируя специальную способность для этого» [Lowe, 2012, p. 919–921]¹³. Этот отрывок, по сути, раскрывает то, чего не хватает в оригинальной концепции Дж. Лэдимена. Чтобы быть полноценной метафизической концепцией, онтический структурный реализм должен не только постулировать связь между «метафизической модальностью» и «объективной модальностью в том виде, как она раскрывается в современной науке», но и *объяснять* ее. Дж. Лэдимен искусственно связывает номологическую (естественную) и метафизическую модальности, апеллируя к особому характеру «натурализованной философии», – для его интерпретации онтического структурного реализма это вообще не проблема. Однако если мы нацелены на то, чтобы интерпретировать онтический структурный реализм как самостоятельную метафизическую кон-

¹³ Что касается «логической необходимости», Дж. Лоу отмечает: «Это отдельный вопрос, является ли метафизическая необходимость тем же самым (*same*), что и логическая. Если логически необходимые истины являются законами логики или их следствиями, то тогда можно сказать, что логически необходимые истины являются подклассом метафизических... [я склоняюсь к тому, что] все логически необходимые истины являются метафизически необходимыми истинами, но не все метафизически необходимые истины являются логически необходимыми истинами» [Lowe, 2012, p. 920].

цепцию, то «что-нибудь еще должно быть сказано здесь». Мы должны объяснить, в каком смысле онтический структурный реализм является упражнением в эпистемологии модальности.

Следуя Дж. Лоу: «Метафизика сама по себе может сказать нам только то, что является метафизически возможным, а не то, какая из альтернативных метафизических возможностей достигается актуально. Тем самым мы постулируем существование *некоторых* метафизически *необходимых* положений дел... Основная задача – установить метафизическую возможность тех или иных положений дел, но не говорить, что такое-то и такое-то положение дел достигается актуально. Как ответить на вопрос, какая из нескольких метафизически возможных альтернатив достигается актуально? Ответ: с помощью опыта. Зная то, какой *может быть* фундаментальная структура мира, мы должны оценить то, какой он *есть*, посредством оценки того, насколько хорошо имеющийся опыт может быть соотнесен с той или другой возможностью. Суждение, что мир актуально проявляет (*exhibit*) данную метафизическую характеристику будет апостериорным, но содержание этого суждения будет иметь (*retain*) модальный характер в смысле метафизической возможности. Метафизика касается (*concern*) модальных истин, несмотря на то что вопросы актуальности имеют апостериорный характер... Не существует общего алгоритма ответа на вопрос, как опыт позволяет перейти от метафизической возможности к утверждению, что она актуализируется. Это одна из причин, почему дадметрианское представление решения проблем метафизики с помощью оценки применимости принципа бивалентности [семантическая парадигма] кажется проще... Многие философы смущаются (*uneasy*) такой комбинации эмпирического и метафизического, но это только потому, что они все еще стремятся (*hanker*) к невозможной “рационалистской” мечте определить фундаментальную структуру реальности априорно и с абсолютной достоверностью (*certainty*). Метафизика может быть [наукой] о реальности и не превращаться (*collapse*) в эмпирическую научную теорию, если мы согласимся с тем, что, рассуждая об актуальности, метафизика не может обеспечить (*provide*) достоверность» [Lowe, 1998, p. 22, 25]. Здесь фиксируется важная для научного реализма связь между наукой и метафизикой. «Метафизика первична по отношению к любой специальной науке, – эмпирическая наука сама по себе не может ответить на вопрос о метафизической возможности... эмпирические данные можно интерпретировать как данные в пользу истинности научной теории, только если ее [теории] гипотезы уже являются (*entitled*) выражением определенных метафизических возможностей: тот факт, что их [гипотезы] можно так интерпретировать, нельзя установить непосредственно на эмпирических основаниях» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Lowe, 2002, p. 332]. Является ли такая пози-

ция «срединной» условно между позициями Б. Фраассена (инструментализм) и Х. Патнэма (семантическая парадигма)? Отчасти да, это реалистская позиция (объективная реальность существует, в этом смысле метафизика является областью знаний о фундаментальной структуре реальности), но ее метод, описание взаимосвязи между «наукой» и «метафизикой», к которому апеллирует Дж. Лоу, радикально отличаются от постулирования первичности структуры сознания познающего субъекта (И. Кант), семантической структуры языка (Л. Витгенштейн / Б. Рассел / М. Даммит), или «эмпирической реальности» в смыслах Э. Гуссерля / М. Хайдеггера / А. Камю или Р. Карнапа / Б. Фраассена. Примечательно то, что зафиксированное Дж. Лоу отношение между наукой и метафизикой (что и делает метафизику Дж. Лоу метафизикой возможностей!) находит отражение в том, как связаны две из четырех основных категорий онтологии Дж. Лоу. Объект принадлежит данному виду (курица – птица) на том основании, что обладает определенным набором характеристик. В онтологии Дж. Лоу связь между «видом» (субстанциальная универсалия) и отвечающей ему «характеристикой» (не-субстанциальная универсалия) может быть метафизически контингентной: «Законы природы не являются – или, по крайней мере, не всегда являются – необходимыми положениями дел, но являются контингентными» [Lowe, 2006, p. 132]. Дж. Лоу пишет: «Почему так происходит, что среди всех возможных комбинаций сил только *некоторые* комбинации обнаруживаются в природе? ...только тот, кто всерьез воспринимает законы природы как обращающиеся к универсалиям, может это объяснить. Индивидуальные объекты, *демонстрирующие (exhibit)* другие возможные комбинации сил, не найдены просто потому, что нет таких субстанциальных видов, которые *проявляют (instantiate)* эти объекты... онтология, включающая субстанциальные и не-субстанциальные универсалии, законы, выражающие то, как последние характеризуют первых, обоснована (*justified*) обращением к выводу к лучшему объяснению порядка, постижимости и предсказуемости физической вселенной» [Ibid., p. 136]. Утверждение, что «законы природы могут быть именно такими, потому что нет других субстанциальных видов, которые могли бы проявлять объекты», – это, по сути, еще один пример того, что Дж. Лоу видит, как метафизическая возможность может актуализовываться. Дополняет такое представление о «законах природы» (в соответствии с которым теоретически Дж. Лэдимен мог бы сопоставить свое представление о «естественной необходимости» и как следствие о номологической модальности, которая раскрывает «объективную модальность») объяснение метафизической модальности в терминах сущности.

Как отмечает Т. Тахко: «[В современной литературе] понятие “сущность” это то, через что определяются (*identify*) естественные виды, к чему редуцируется

метафизическая модальность, и посредством чего определяются причинные силы... После работ Крипке и Патнэма модальная интерпретация сущности является стандартом [объект обладает характеристикой сущностно (*essentially*), если и только если он обладает характеристикой с необходимостью], но работы Файна и Лоу сделали популярным другое представление... не все необходимые истины об объекте являются эссенциально истинными, но все необходимые истины укоренены (*grounded in*) в эссенциальных истинах (не обязательно об этом же объекте)... *сущность онтологически и эпистемически предшествует модальности*» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Tahko, 2018, p. 97]. В онтологии Дж. Лоу «сущность» трактуется условно в аристотелевском или в локковском смысле как «условие идентичности» (*identity*) вещи. Знать сущность – это знать «условия идентичности» и «условия существования». При этом, согласно Дж. Лоу, сущность предшествует существованию, не является объектом определенного вида и задается реальным определением. Что касается соотношения «сущности» и «метафизической модальности», Дж. Лоу отмечает: «*Метафизическая модальность укоренена в сущности. Все истины о том, что метафизически необходимо или возможно, являются либо эссенциальными, либо зависят от сущностей других вещей*» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Lowe, 2012, p. 947]. Заметим, что у Дж. Лоу сущность укореняет модальность, но сама определяется в не-модальных терминах. Принимая то, что сущность вещи схватывается ее «реальным определением», Дж. Лоу хочет подчеркнуть следующее. Во-первых, мы можем работать с неполным определением сущности: «Нам нужно знать только *часть* сущности вещи, чтобы быть способным говорить и думать о ней... я не говорю, что я должен знать *все* о кошках [вид] или о Томе [индивидуальный представитель вида], чтобы говорить и осмысленно (*comprehendingly*) думать о нем» [Lowe, 2008, p. 36]. Это вполне объяснимо с точки зрения приведенного выше объяснения связи «объекта» и «характеристики»: «Диспозиционная предикация – это грамматическая форма для обозначения *приписывания* (*attribution*) характеристики в смысле универсалий, именно в смысле закона, который выражает обладание видов характеристиками» [Lowe, 2006, p. 127], при том что «схватывание сущности сводится к пониманию *реального определения*, т.е. к пониманию *пропозиции* определенного вида» [Lowe, 2012, p. 110]. На наш взгляд, все это не может противоречить представлению о «научном характере метафизики», развиваемому Дж. Лэдименом. В данном случае контингентный характер научного знания не является препятствием для рассуждений о естественной модальности как об «объективной». Во-вторых, «знание сущности вещи – это предмет понимания отношений эссенциальной зависимости, в которых она находится с другими вещами, чьи сущности мы уже знаем» [Lowe, 2016, p. 109]. Это важный момент, связанный с выбо-

ром нео-аристотелевской, а не куайновской парадигмы метафизики. Как отмечает Дж. Шаффер: «Существует противоречие (*tension*) в современной метафизике. С одной стороны, куайновский подход остается доминирующим. С другой стороны, возрождается интерес к вопросу, что такое есть фундаментальное, возрождается интерес к традиционной метафизике. Противоречие заключается в том, что постпозитивистский куайновский подход (по определению) не подходит для традиционных вопросов. Возрождение традиционной метафизики требует возрождения традиционного аристотелевского подхода, включающего понятия, которые не найти у Куайна или Карнапа... Например, допуская, что числа существуют, они либо должны считаться как субстанции [фундаментальные объекты], либо требуется объяснить, каким образом они укоренены в [других] реальных субстанциях. Вопросы существования трансформировались... они больше не выражают конец метафизического исследования. Поскольку мы все еще должны определить, является ли существующее (*existent*) укореняющим, отношением укоренения либо укореняемой сущностью (и если так, то как). ... “Для Аристотеля субстанция является комплексом не потому, что она является конгломератом различных абстрактных компонентов, таких как материя, форма или характеристики; субстанция является комплексом, поскольку эти предметы могут быть выделены (*separated out*) посредством абстрагирования” (Scaltsas, 1994. P. 107–128)... общая цель построения “аристотелевской” метафизики – построения “порядка вещей”, – определение того, какие вещи являются фундаментальными, какие – зависимыми, чтобы ответить на основной метафизический вопрос, который не о том, *существуют ли* сущности (*entities*), но только о том, *как* они существуют» [Schaffer, 2009, p. 353, 354, 363]. В этом смысле, соединив приведенные реконструкции «верификационизма» Дж. Лэдимена и основных черт метафизики Дж. Лоу, мы можем дать достаточно содержательный ответ на вопрос, «что же такое реализм есть».

Паттерны, сущность и реализм

Что из себя представляют достаточные условия существования паттерна в онтическом структурном реализме Дж. Лэдимена? Необходимым условием существования паттерна является условие его проецируемости как условие того, что «первый» паттерн обладает «нетривиальным» информационным содержанием – «содержит второй паттерн», в терминологии Дж. Лэдимена. Вариант достаточного условия существования паттерна, предложенный Дж. Лэдименом, связанный с его попыткой трактовать теорию информации как единственное инструментальное средство представления паттернов из заданного набора дан-

ных, не работает, в том числе из-за проблем с описанием модальности. В этой ситуации гораздо более выигрышным является именно метафизический ход рассуждений, который становится возможен только после того, как параллельно с «объектной» онтологией (концепцией реальных паттернов Д. Деннета как фундаментальной концепцией существования) вводится понятие «базовой» онтологии, роль которой играет четырехкатегориальная онтология Дж. Лоу. Интерпретируя метафизическое объяснение истинности утверждения о существовании паттерна как проблему существования «устанавливающего истину» (*truthmaker*) в онтологии Дж. Лоу, мы можем предположить, что между «первым» и «вторым» паттернами должно существовать отношение эссенциальной зависимости, при этом о «втором» паттерне следует говорить именно как о его сущности, схватываемой его реальным определением (определяется в ходе проверки требования проецируемости и других условий реальности «первого» паттерна), независимо от того, будет ли само существование «второго» паттерна когда-либо подтверждено (см.: [Головкин, 2019]). Достаточным условием существования «первого» паттерна является определение сущности его «второго» паттерна. Такая связь «первого» и «второго» паттернов а) не требует дополнительной концепции – теории информации как средства выделения паттерна; б) дает однозначную метафизическую трактовку утверждения Дж. Лэдимена: «Онтологическим устанавливающим истину для эпистемического факта [существования паттерна] является то, что этот факт должен быть реальным паттерном» [Ladyman et al., 2007, p. 230], которое в оригинале приводится без объяснения, и (в) помогает «решить» одну из «главных» проблем научного реализма – проблему пессимистической мета-индукции (исторической элиминации объектов). С. Карно и Л. Больцман используют разные онтологические допущения, описывая одни и те же тепловые явления. С нашей точки зрения, «перспективе Карно» и «перспективе Больцмана» будут соответствовать разные паттерны, и в этом смысле элиминация одних не имеет существенного значения, – мы просто переходим к более удобному способу описания явлений при условии, что между соответствующими паттернами, отвечающими разным «перспективам», существует зафиксированное отношение эссенциальной зависимости, которое можно интерпретировать как отношение между «первым» и «вторым» паттернами в более широкой «перспективе», в которой мы уже понимаем преимущества «молекулярного описания явлений теплоты перед субстанциальным».

Параллельно с закреплением необходимых и достаточных условий существования паттерна мы также можем ответить на замечание С. Псиллоса о том, что «онтический структурный реализм не может удовлетворительно представить (*accommodate*) причинность» [Psillos, 2006, p. 567]. Переходя к диспозиционной

трактовке причинности, мы можем говорить о причинности в терминах «обретения существования» и «исчезания» соответствующих индивидуальных характеристик, которые связаны идентифицирующим эссенциальным отношением, которое можно трактовать как формальное «причинное» отношение (см.: [Головко, 2021]). Важно, что отношение причинности в данном случае будет являться именно формальным, так как «реальность» отношения предполагает, что «должна существовать универсалия “причинность”, которая должна проявлять себя как устанавливающий истину предложения “А причина В”» [Lowe, 2016, p. 111]. В утверждении «удар ноги по мячу является причиной того, что мяч полетел» реляционная мода, выражающая частное проявление предполагаемой универсалии «причина», не существует; она не является устанавливающим истину для этого утверждения. Нога обладает «силой» придавать мячу ускорение, а мяч обладает «предрасположенностью» получать ускорение при ударе ногой, – здесь мы говорим о характеристиках, которые связаны эссенциально. При этом манифестацией предполагаемого «причинного отношения» является еще одна эссенциальная характеристика сущности мяча, которая отражает то, что происходит с мячом при ударе по нему ногой. Заметим, до удара по мячу «манифестация» не существует. Тот факт, что мяч летит после удара по нему ногой, является эссенциальным, и в этом смысле необходимым. Необходимость данного «причинного отношения» является следствием особого отношения экзистенциальной эссенциальной зависимости, связывающего «силу» и «манифестацию». В этом смысле остро замечания С. Псиллоса, на наш взгляд, была связана не с тем, что в онтическом структурном реализме мы действительно не можем «удовлетворительно представить причинность», а с тем, что С. Псиллос, как и многие критики Дж. Лэдимена, не готовы принять основной тезис онтологии Дж. Лэдимена о том, что «онтологически индивидуального объекта как носителя внутренних характеристик нет». Что касается онтологии паттернов, то будучи дополненной различными соображениями, она вполне успешно, как мы видим, может описать и условия существования «объекта», и модальность утверждений о нем, и даже причинность.

Следуя М. Девитту, мы можем дать следующее определение научному реализму: «Индивидуальные представители (*tokens*) большинства типов, постулируемых научными теориями (*unobservable scientific types*), существуют объективно и (приближенно) подчиняются научным законам» [Devitt, 1997, p. 47]. В данном случае для того, чтобы сказать, «что же такое реализм есть», это представление необходимо содержательно дополнить метафизической концепцией объекта, о существовании которого идет речь. Соглашаясь с общей логикой рассуждений онтического структурного реализма Дж. Лэдимена, мы говорим: «Объ-

ект существует как паттерн». И это «условие существования» также необходимо дополнить определенным «условием независимости» (см.: [Devitt, 1997, ch. 2]). При прочих равных, Д. Деннет и Дж. Лэдимен принимают «теоретико-информационный критерий» (представления об алгоритмическом сжатии и «информационной» глубине формируют достаточные условия объективности паттерна), но не попадают в то, что можно обозначить как «требования со стороны модальности», что критично, так как представления о возможном и необходимом по определению являются частью представления о существовании. Наша гипотеза заключается в том, что вместо «прямого» критерия объективности паттернов мы можем предложить «косвенный», связанный с успешностью выделения паттерна не только на «онтологическом» уровне объектов, закрепленных данной интенциональной перспективой, но и на «базовом» уровне собственно «онтических» представлений философской онтологии. В качестве аналогии можно вспомнить, что, говоря о науке, мы не принимаем результаты научного исследования, не прошедшие надлежащий «методологический» контроль, – науку наукой делает метод, – каждый результат должен быть соответствующим образом обоснован в том смысле, что мы можем обозначить набор средств работы с исходными данными, которые будут на определенном уровне гарантировать достоверность результата. Внимание к «методологическому» уровню (например, соответствующие требования к «чистоте» проведения экспериментов на данной установке, – нельзя измерять температуру «малого» объема воды «большим» термометром и т.д.) репрезентирует «косвенный» критерий объективности научного знания. Говоря о философской онтологии, говоря о том, что автомобилей, деревьев, демократии, любви, детерминизма, столов и электронов как индивидуальных объектов, идентичность которых, например, закрепляется их внутренними характеристиками, не существует, – они существуют как «структуры» – паттерны, выделяемые в определенных интенциональных перспективах, в качестве «косвенного» критерия объективности объекта, например, могут выступать соответствующие рассуждения о модальности, в которой мы описываем существование этих объектов в «базовой» онтологии.

Важно то, что в данном случае «базовая» онтология не является «еще одним» онтологическим уровнем. Как можно было бы подумать, если бы мы готовились обвинить Дж. Лоу в том, что он подменяет рассуждения на одном онтологическом уровне рассуждениями на другом. С точки зрения Дж. Лоу, в онтическом смысле объекты «базовой» онтологии (наиболее фундаментальные категории и отношения) существуют только как формальные объекты и отношения; сущность не является объектом специального вида – это его «реальное определение», пропозиция. В определенном смысле привлечение онтологии Дж. Лоу

в качестве «базовой», – это уровень именно «методологических» рассуждений, контролирующих объективность инструментализма, субъективизма и прагматики выделения объектов на «объектном» уровне онтологии. И тут установки Дж. Лоу, что «базовые» онтологические виды обязаны проявляться эмпирически, а законы природы, «связывающие виды и их характеристики как универсалии», могут быть контингентными, что сущность онтологически и эпистемически предшествует модальности, и что нам достаточно неполного определения сущности, – являются определяющими. В ходе исследования ученые прагматически постулируют существование объектов, которые по обнаруживаемым характеристикам классифицируются как принадлежащие соответствующему виду в том смысле, что в сущности объекта фиксируются «модальные истины», связанные с его существованием. При этом реальностью любого научного исследования является «онтологическая элиминация», предполагающая, что со временем и перед лицом новых данных принятая онтология может быть отброшена, т.е. по сути, – будут зафиксированы новые «виды» и отвечающие им «законы природы». И эта ключевая для научного реализма проблема схватывается здесь идеями «контингентности» (в плане связи «видов» и «характеристики») и «неполноты» (если мы говорим о сущностях определяемых объектов) системы категорий, которая сейчас описывает «объектную» онтологию. В этом смысле научный реализм является упражнением в эпистемологии модальности, связанным с прояснением сущности объектов научной теории в терминах «базовой» философской онтологии.

Список литературы

- Головко Н. В.** Натурализация эпистемологии и основные аргументы в пользу научного реализма // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2006. Т. 4. № 2. С. 51–57.
- Головко Н. В.** Теоретические и операциональные ограничения в эпистемологии науки: преодоление логицизма // Философия науки. 2007. № 1 (32). С. 33–69.
- Головко Н. В.** Семантический реализм Г. Фейгля и независимость истины // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2008. Т. 6. № 3. С. 22–27.
- Головко Н. В.** Натуралистический поворот: первичность метафизики // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2010. Т. 8. № 4. С. 33–38.
- Головко Н. В.** Научный реализм и натурализация семантики // Ценности и смыслы. 2013а. № 3 (25). С. 75–87.
- Головко Н. В.** Натурализация метафизики: научный реализм и диалектический материализм // Вопр. филос. 2013б. № 8. С. 24–33.

- Головкин Н. В.** Еще раз о Д. Деннетте и паттернах: Г. Рейхенбах, Дж. Хогеланд и новый эмпиризм // Сиб. филос. журн. 2017. Т. 15, № 2. С. 53–67.
- Головкин Н. В.** Дж. Лэдимен и Э. Лоу: паттерны, сущность и установление истины // Сиб. филос. журн. 2019. Т. 17, № 4. С. 63–77.
- Головкин Н. В.** Общая теория относительности и причинность, рассуждения «от метафизики» и онтология Дж. Лоу // Сиб. филос. журн. 2021. Т. 19, № 3. С. 5–32.
- Константинов Ф. В., Марахов В. Г.** (ред.). Объективная диалектика // Материалистическая диалектика [: в 5 т.] / Под общ. ред. Ф. В. Константинова, В. Г. Марахова. М.: Мысль, 1981. Т. 1.
- Berenstein N., Ladyman J.** On Structural Realism and Modality // E. Landry, D. Rickles (eds.) *Structural Realism: Structure, Object and Causality*. New York: Springer, 2012. P. 149–168.
- Bub J.** Why the Quantum? *Studies in History and Philosophy of Modern Physics*, 2004, vol. 35, p. 241–266.
- Chakravartty A.** The Structuralist Conception of Objects. *Philosophy of Science*, 2003, vol. 70, p. 867–878.
- Devitt M.** *Coming to Our Senses: A Naturalistic Program for Semantic Localism*. Cambridge University Press, 1996.
- Devitt M.** *Realism and Truth*. Princeton University Press, 1997.
- Duwell A.** Quantum Information Does Not Exist. *Studies in History and Philosophy of Modern Physics*, 2003, vol. 34, p. 479–499.
- Feigl H.** Existential Hypotheses. Realistic versus Phenomenalistic Interpretations. *Philosophy of Science*, 1950, vol. 17, no. 1, p. 35–62.
- Fuchs C., Peres, A.** Quantum Theory Needs No “Interpretation”. *Physics Today*, 2000, vol. 3, p. 70–71.
- Hirvonen I., Pattiniemi I.** Scientific Structuralism Does Not Necessitate Modal Realism // Book of Abstracts. 15th Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science (University of Helsinki, 3–8 August 2015). University of Helsinki, 2015, p. 361.
- Kitcher P.** The Naturalists Return. *Philosophical Review*, 1992, vol. 101, no. 1, p. 53–114.
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*. Oxford University Press, 2007.
- Laudan L.** Normative Naturalism. *Philosophy of Science*, 1990, vol. 57, no. 1, p. 44–59.
- Lowe E. J.** *The Possibility of Metaphysics*. Clarendon Press, 1998.
- Lowe E. J.** *A Survey of Metaphysics*. Oxford University Press, 2002.

- Lowe E. J.** *The Four-Category Ontology: A Metaphysical Foundation for Natural Science*. Clarendon Press, 2006.
- Lowe E. J.** Two Notions of Being: Entity and Essence. *Royal Institute of Philosophy Supplement*, 2008, vol. 62, p. 23–48
- Lowe E. J.** What is the Source of Our Knowledge of Modal Truths? *Mind*, 2012, vol. 121, p. 919–950.
- Psillos S.** The Structure, The Whole Structure And Nothing But The Structure. *Philosophy of Science*, 2006, vol. 73, p. 560-570.
- Putnam H.** *Meaning and the Moral Sciences*. Routledge & Kegan Paul, 1978.
- Ross D.** Rainforest Realism: A Dennettian Theory of Existence. In: Brook A., Ross D., Thompson D. (eds.). *Dennett's Philosophy: A Comprehensive Assessment*. MIT Press, 2000, p. 147–168.
- Schaffer J.** On What Grounds What. In: D. Chalmers, D. Manley, R. Wasserman (eds.). *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology*. Oxford University Press, 2009, p. 347–383
- Tahko T.** The Epistemology of Essence. In: A. Carruth, S. Gibb, J. Heil (eds.). *Ontology, Modality and Mind. Themes from the Metaphysics of E.J. Lowe*. Oxford University Press, 2018, p. 93-110.
- van Fraassen B.** *The Scientific Image*. Oxford University Press, 1980.

References

- Berenstain N., Ladyman J.** On Structural Realism and Modality // E. Landry, D. Rickles (eds.) *Structural Realism: Structure, Object and Causality*. New York: Springer, 2012. P. 149–168.
- Bub J.** Why the Quantum? *Studies in History and Philosophy of Modern Physics*, 2004, vol. 35, p. 241–266.
- Chakravartty A.** The Structuralist Conception of Objects. *Philosophy of Science*, 2003, vol. 70, p. 867–878.
- Devitt M.** *Coming to Our Senses: A Naturalistic Program for Semantic Localism*. Cambridge University Press, 1996.
- Devitt M.** *Realism and Truth*. Princeton University Press, 1997.
- Duwell A.** Quantum Information Does Not Exist. *Studies in History and Philosophy of Modern Physics*, 2003, vol. 34, p. 479–499.
- Feigl H.** Existential Hypotheses. Realistic versus Phenomenalistic Interpretations. *Philosophy of Science*, 1950, vol. 17, no. 1, p. 35–62.
- Fuchs C., Peres, A.** Quantum Theory Needs No “Interpretation”. *Physics Today*, 2000, vol. 3, p. 70–71.

- Golovko N. J.** Ladyman and E. J. Lowe: Patterns, Essence, and Truthmaking. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 63–77. (in Russ.)
- Golovko N.** On D. Dennett and His Patterns Again: H. Reichenbach, J. Haugeland, and a New Empiricism [Eschsho raz o D. Dennete i patternah: G. Reichenbach, Dzh. Hogeland i novyi empirizm]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2017, vol. 15, no. 2, p. 53–67. (in Russ.)
- Golovko N. V.** Naturalization of metaphysics: scientific realism and dialectical materialism [Naturalizatsiya metafiziki: nauchnyi realizm i dialekticheskii materializm]. *Voprosy filosofii*, 2013, no. 8, p. 24–33 (in Russ.)
- Golovko N. V.** Naturalizatsiya epistemologii i osnovnye argumenty v polzu nauchnogo realizma [Naturalization of Epistemology and the Basic Arguments For Scientific Realism]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2006, vol. 4, no. 2, p. 51–57. (in Russ.)
- Golovko N. V.** Scientific Realism and Naturalization of Semantics [Nauchnyi realizm i naturalizatsiya semantiki]. *Tsennosti i Smysly*, 2013a, vol. 3, p. 75–87.
- Golovko N. V.** Theoretical and operational constraints in epistemology of science: overcoming of logicism [Teoreticheskie i operatsionalnye ogranicheniya v epistemologii nauki: preodolenie logitsizma]. *Philosophy of Science*, 2007v, no. 1, p. 33–69. (in Russ.)
- Golovko N.** General relativity and causality, reasoning from metaphysics, and E. J. Lowe's ontology. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 63–77. (in Russ.)
- Golovko N. V.** Naturalistic Turn: Putting Metaphysics First [Naturalisticheskii povorot: pervichnoct metafiziki]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2010, vol. 8, no. 4, p. 33–38. (in Russ.)
- Golovko N. V.** Semantic Realism by H. Feigl and Independence of Truth [Semanticheskii realizm G. Feiglya i nezavisimost' istiny]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2008, vol. 6, no. 3, p. 22–27. (in Russ.)
- Hirvonen I., Pattiniemi I.** Scientific Structuralism Does Not Necessitate Modal Realism // Book of Abstracts. 15th Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science (University of Helsinki, 3–8 August 2015). University of Helsinki, 2015, p. 361.
- Kitcher P.** The Naturalists Return. *Philosophical Review*, 1992, vol. 101, no. 1, p. 53–114.
- Konstantinov F. V., Marakhov V. G.** (ed.). Objective dialectics [Ob'ektivnaya dialektika] / Materialistic dialectics [Materialisticheskaya dialektika] [in 5 vols.]: Vol. 1. Moscow: Mysl', 1981.

- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*. Oxford University Press, 2007.
- Laudan L.** Normative Naturalism. *Philosophy of Science*, 1990, vol. 57, no. 1, p. 44–59.
- Lowe E. J.** *A Survey of Metaphysics*. Oxford University Press, 2002.
- Lowe E. J.** *The Four-Category Ontology: A Metaphysical Foundation for Natural Science*. Clarendon Press, 2006.
- Lowe E. J.** *The Possibility of Metaphysics*. Clarendon Press, 1998.
- Lowe E. J.** Two Notions of Being: Entity and Essence. *Royal Institute of Philosophy Supplement*, 2008, vol. 62, p. 23–48
- Lowe E. J.** What is the Source of Our Knowledge of Modal Truths? *Mind*, 2012, vol. 121, p. 919–950.
- Psillos S.** The Structure, The Whole Structure And Nothing But The Structure. *Philosophy of Science*, 2006, vol. 73, p. 560–570.
- Putnam H.** *Meaning and the Moral Sciences*. Routledge & Kegan Paul, 1978.
- Ross D.** Rainforest Realism: A Dennettian Theory of Existence. In: Brook A., Ross D., Thompson D. (eds.). *Dennett's Philosophy: A Comprehensive Assessment*. MIT Press, 2000, p. 147–168.
- Schaffer J.** On What Grounds What. In: D. Chalmers, D. Manley, R. Wasserman (eds.). *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology*. Oxford University Press, 2009, p. 347–383
- Tahko T.** The Epistemology of Essence. In: A. Carruth, S. Gibb, J. Heil (eds.). *Ontology, Modality and Mind. Themes from the Metaphysics of E.J. Lowe*. Oxford University Press, 2018, p. 93–110.
- van Fraassen B.** *The Scientific Image*. Oxford University Press, 1980.

Информация об авторах

Никита Владимирович Головкин, доктор философских наук, доцент

¹ Заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки
Новосибирского государственного университета;

² Ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН

Илья Игоревич Эртель, аспирант Института философии и права СО РАН

Information about the Authors

Nikita Golovko, Doctor of Sciences (Philosophy)

¹ Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science,
Novosibirsk State University;

² Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

Ilya Ertel, PhD-student, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 29.11.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.01.2022
The article was submitted 05.10.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.01.2022*

Научная статья

УДК 101.1:316.33 + 141.319.8 + 159.964.2

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-34-51

Феномен фуд-порн: философский и психоаналитический взгляд на современные алиментарные практики

Иван Сергеевич Кудряшов

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный медицинский университет

Новосибирск, Россия.

i.kudriashov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3877-8953>

Аннотация

В работе проведен анализ двух алиментарных феноменов современного мира (фуд-порн и мокпан) с целью понимания оснований для исследования подобных явлений в социальных и антропологических науках о еде. В качестве концептуальных подходов были выбраны концепция гиперреальности Ж. Бодрийера и современная версия психоанализа (структурный психоанализ Ж. Лакана). На основании этих двух подходов продемонстрирована одна из ключевых сложностей методологии современного исследования практик питания. Она состоит в необходимости выбора между поиском оснований в концепциях общества или в антропологических моделях, а также в необходимости рассмотрения подобных феноменов не только в перспективе значения, но и в плане удовольствия.

Ключевые слова

алиментарная антропология, социология еды, методология социальных наук, фуд-порн, мокпан, алиментарные практики, медиатизированные практики, гиперреальность, психоанализ

Для цитирования

Кудряшов И. С. Феномен фуд-порн: философский и психоаналитический взгляд на современные алиментарные практики // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 4. С. 34–51. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-34-51

© Кудряшов И. С., 2021

Food-Porn: Philosophical and Psychoanalytic Approach to Contemporary Alimentary Practices

Ivan S. Kudryashov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State Medical University
Novosibirsk, Russian Federation

i.kudriashov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3877-8953>

Abstract

The paper deals with two contemporary alimentary phenomena (food porn and mukbang) in order to understand the basis for researching such phenomena in the social and anthropological sciences about food. As conceptual approaches, we choose the conception of hyperreality of J. Baudrillard and the modern version of psychoanalysis (structural psychoanalysis of J. Lacan). Based on these two approaches, we demonstrated one of the key complexities of the methodology of contemporary research on alimentary practices. It consists in the problematic choice between the search for basis in the global representation of society or in anthropological models. We also need to consider such phenomena not only in the perspective of meaning, but also in terms of pleasure.

Keywords

alimentary anthropology, sociology of food, methodology of social sciences, food porn, mukbang, alimentary practices, media practices, hyperreality, psychoanalysis

For citation

Kudryashov I. S. Food-Porn: Philosophical and Psychoanalytic Approach to Contemporary Alimentary Practices. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 34–51. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-34-51

Алиментарная антропология и социология еды – молодые дисциплины, ставящие, однако, уже много методологических вопросов о том, как именно могут быть исследованы практики, ареалы и особенности питания, а также их взаимодействие с другими социальными практиками. Алиментарную антропологию (от фр. *alimentaire* – еда, пища, продовольствие, съедобное) (также *anthropology of food*; *nutritional anthropology*) можно определить как «антропологическое изучение еды», которое в отличие от других дисциплин «сосредоточено на еде

в культурном и часто межкультурном контексте»¹. Антропологи изучают «людей и человеческую культуру в пространстве и времени; это включает изучение собственной культуры и социальных институтов. Подполя антропологического изучения пищи включают культурную, лингвистическую, биологическую и археологическую антропологию. ... Темы антропологического исследования пищи в рамках культурной системы включают экономику, неравенство, пол, статус, охотников-собирателей и пищу как символ»². Под социологией еды (также *sociological studies of food*) мы понимаем раздел социологии, изучающий еду социологическими средствами, поскольку она связана с историей и развитием общества. Подобные исследования включают социологические аспекты производства, приготовления, употребления, распространения пищи, а также ее медицинского, духовного, этического применения (включая экологические и трудовые вопросы). Растущий социологический интерес к еде «очевидно проистекает из растущего социального и культурного значения еды в процветающих индустриальных обществах и является его отражением»³. Как отмечает Анне Муркотт: «Социология еды – это не про принятие пищи, а про серьезную работу ума» [Murcott, 2019].

По мысли классика антропологических исследований еды С. Минца, исследования питания уже смогли пролить свет на широкие социальные процессы, такие как создание политико-экономической ценности, создание символической ценности и социальное конструирование памяти [Mintz, Du Bois, 2002]. К сожалению, в отечественной социальной философии многие темы, связанные с дискурсом кулинарии, диетами или визуальной подачей блюд, игнорируются, так как считаются предметом этнографии или психологии. Интерес общества к вопросам связи гастрономии с различными аспектами нашей жизни стремительно растет, но философским дисциплинам на это нечего ответить – мы не знаем ни причин этого интереса, ни как на него реагировать. На наш взгляд, значительная часть алиментарных практик играет огромную роль в понимании современного общества, а прежде всего в области социальных статусов и их проявления/распознавания в новых медиа, прежде всего в социальных сетях. Язык и медиа, а вовсе не индексы и показатели, остаются главными инструментами диаг-

¹ См.: Anthropology and Food // Encyclopedia of Food and Culture. Encyclopedia.com. URL: <https://www.encyclopedia.com/food/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/anthropology-and-food> (дата обращения 25.10.2021).

² Там же.

³ См. Sociological studies of food // A Dictionary of Sociology. Encyclopedia.com. URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences/dictionaries-thesauruses-pictures-and-press-releases/food-sociological-studies> (дата обращения 25. 10.2021).

ности многих процессов в обществе, которые важно уметь распознать и интерпретировать. Что особенно прискорбно, российская наука имела все шансы оказаться пионером подобных исследований, а не догонять коллег из Франции, Италии, Великобритании и США. Как отмечает А. В. Павловская, в России еще в 1885 г. Д. В. Каншин выпустил «Энциклопедию питания», в которой изложил свои идеи и видение будущей гастрономической науки [см. Павловская, 2015]. Этот проект предполагал создание Академии питания, в чьи задачи входило бы изучение физиологических и культурных аспектов пищи, а также философия питания.

На наш взгляд, существует проблема: как на базовом уровне определить ключевые причины, факторы и сущность явлений, которые одновременно касаются и социальных отношений, и сферы желаний / потребностей, и медиа-репрезентации пищи в образах и дискурсах? Одним из решений является последовательное приложение разработанной методологической основы к некоторым ярким примерам, что позволит выработать своего рода парадигму, которая уже сможет использовать и интерпретировать данные эмпирических методов. В этой статье мы рассмотрим два конкурирующих подхода к пониманию такого яркого феномена современных медиатизированных алиментарных практик, как фуд-порн (или фуд-порно): анализ с точки зрения современной континентальной философии и теории медиа и реконструкцию специфических отношений с пищей в рамках структурного психоанализа. Феномен фуд-порн, а также близкий к нему мокпан (поедание пищи в прямом эфире), мы и рассмотрим в перспективе двух подходов. Мы считаем, что эти два подхода хорошо показывают принципиальное концептуально-методологическое расхождение внутри любого исследования современных алиментарных практик. Первый подход обобщает и резюмирует феномены еды в рамках модели современного общества. Второй же подход заставляет продумывать и пересматривать рабочую (для исследования) модель человека, чтобы учесть многообразие индивидуальных вариаций и даже противоречивость мотиваций внутри алиментарных практик.

Общее описание феноменов фуд-порн и мокпан и их истории

Фуд-порн – это намеренное, чрезмерно эстетизированное изображение еды в визуальных медиа. Название произошло как контаминация двух морфем английского языка: *food* («еда») и *porn* («порнография»). Отсылка к порнографии изначально имела пейоративный смысл: впервые термин использован в 1979 г. в Бюллетене о здоровом питании «Центра науки в общественных интересах» (Center for Science in the Public Interest, Вашингтон) Майклом Ф. Джекобсоном,

который предложил противопоставить «правильные вещи» (*right staff*) и фуд-порн (*food porno*), где последнее означало жирную и сладкую пищу (а само слово «порнография» использовалось как синоним вульгарности и непристойности). Однако это значение не прижилось, в таком смысле сегодня обычно используют словосочетание джанк-фуд (*junk-food*, т. е. «мусорная еда», нездоровая пища). В современном употреблении связка с порнографией призвана подчеркнуть один или несколько из трех ключевых моментов. Во-первых, визуальная и словесная подача блюд в фуд-порн призвана вызывать желание у зрителя: желание пробовать, разглядывать, прикасаться, что явно ассоциируется со стремлением вызвать возбуждение в порнопродукции. Во-вторых, фуд-порн часто делает акцент не на желании, а на запретном удовольствии, которое провоцирует пища. Так, в целой серии фото или кулинарных шоу важный элемент презентации – это именно люди, которые позволяют себе подобные удовольствия (в том числе нездоровую, но очень вкусную пищу). В ряде случаев это реализовано в эротизированных жестах (вроде облизывания крема), речевых формулах с двойным смыслом, а также в хештегах в соцсетях (например, наряду с *#foodporn* широко распространен *#foodgasm*). В-третьих, ощутимы также аналогии приемов фуд-порн с современными гиперреалистическими порнографическими изображениями, например, акцент на макросъемке или определенная антропоморфизация блюд (обычно с сексуальными ассоциациями). Таким образом, на сегодняшний день термин фуд-порн обозначает очень широкий спектр стилистических приемов: не только визуальных, но и дискурсивных (с переносом сексуальных метафор на описание приготовления или употребления пищи). Хотя иногда словом фуд-порн обозначают не все явление, а лишь набор стилистических приемов для аппетитного изображения еды.

Впервые визуальную сторону фуд-порн в 1977 г. описал публицист Александр Кокбёрн, обративший внимание на новую тенденцию в оформлении кулинарных книг. Он отметил, что смелые и сексуальные образы в иллюстрациях блюд стремились включить в себя элемент вуаеризма, а чтение текстов рецептов явно напоминает руководства по сексуальным техникам. Однако для описания Кокбёрн использовал слово «гастро-порн» [Cockburn, 1977], которое не прижилось. В научной литературе термин фуд-порн (а точнее, словосочетание «пищевая порнография») впервые попыталась осмыслить Розалинд Коуард, которая считала подобную практику частью идеологического «порабощения». По ее мнению, эстетизация еды – часть процесса символического принуждения, так как приучает рассматривать «еду как символ желания и удовольствия от обслуживания других» [Coward, 1984]. В итоге, как отмечает Анне Макбрайд, в 1980–1990-е термин фуд-порн использовался в обоих (позитивном и негативном) значениях, пре-

имущественно в описательном смысле, но с развитием цифрового производства стал все больше ассоциироваться со сценами в телешоу и социальными практиками, призванными подчеркнуть особый стиль потребления пищи [McBride, 2010].

Определенная эротизация или эстетизации пищи встречается в искусстве разных эпох, а сами приемы фотографирования блюд, которые лягут в основу фуд-порн, формируются уже в 1960-е гг. Однако как самостоятельный социальный феномен фуд-порн может быть выделен только с конца XX в.: сперва в кулинарных шоу на ТВ, а затем с распространением интернет-сайтов, ориентированных на фотографию (Flickr, Instagram, Pinterest и др.). Возможность поставить тематическую метку (хештег) к фотографии привела к популяризации хештегов, связанных с фуд-порн: *#food-porno* (еда-порно), *#foodgasm* (еда-(ор)газм), *#foodlove* (еда-любовь), а также *#instafood* (инста(грам)-еда). В 2005 г. слово фуд-порн зафиксировал онлайн-словарь сленговых выражений Urban Dictionary⁴. Стоит также отметить, что в Японии термин фуд-порн был передан словосочетанием «меш-теро» (*meshi-tero*, сочетание слов «еда» и «терроризм»). Поскольку пользователи социальных сетей загружают фотографии, рассчитанные вызывать не только аппетит, но и зависть у других, само явление было ассоциировано не с порнографией, а с терроризированием окружающих.

Влияние подобной манеры изображать пищу заметно в других медиа: например, в кино и видеоиграх. Влияние фуд-порн на культуру также видят в распространении других сетевых явлений, например, фуд-блогинг, мокпан (поедание блюд на камеру), ASMR⁵ с едой и др. Обратим также внимание на мокпан (альтернативные транслитерации: мукбанг, мокбан). Этим термином был назван подвид видеоблогинга, обычно в прямом эфире (стрим-трансляция), на котором ведущий блога (виджей) поедает много пищи и общается с аудиторией. Данное явление возникло около 2010 г. в Южной Корее, а затем стремительно набирало популярность в интернете (Urban Dictionary зафиксировал это слово впервые в 2016⁶, а в 2020 словарь Коллинза рассматривал его в шорт-листе на звание «Слова года»⁷). И хотя мокпан не всегда ориентирован на эстетизацию блюд как

⁴ См. Food Porn // Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Food%20Porn&page=2> (дата обращения 14.11.2021).

⁵ От англ. *Autonomous sensory meridian response* – феномен восприятия (парестезия или тактильно-слуховая синестезия), которому характерны приятные непродолжительные ощущения покалывания или мурашек в теле.

⁶ См. Mukbang // Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Mukbang> (дата обращения 14.11.2021).

⁷ См. “Mukbang” joins 10 picks as Collins Word of 2020 // Pulse. – November 11, 2020. URL: <https://pulsenews.co.kr/view.php?year=2020&no=1158464> (дата обращения 22.10.2021).

фуд-порн, в нем присутствует несколько аналогий с порнографией: еды должно быть много, процесс ее поедания стремится провоцировать аппетит у других, а сама демонстрация приема пищи частично связана с эффектом нарушения границ приватного.

Популярные подходы к оценке и объяснению феноменов

Теоретическое объяснение и оценка фуд-порн – предмет многочисленных дискуссий, выходящих за рамки анализа современной культуры, поскольку соседство темы еды и сексуальности регулярно обнаруживается в философии, искусстве, истории и антропологии (см.: [Belasco, 2008; Павловская, 2015]). Впрочем, из-за новизны данных явлений многие остаются в рамках оценочной критики. Фуд-порн традиционно критикуют за формирование привычки к нездоровой (жирной, сладкой, жареной и т. д.) пище, особенно у молодого поколения. Как и в случае с порнографией присутствует обвинение в том, что объективация предметов фотографирования не просто вырабатывает ложные стереотипы (как о сексуальности, так и о гастрономическом удовольствии), но и уводит наш взгляд от эксплуатации, скрытой по ту сторону красивого образа. Мокпан критикуют за пропаганду переедания и заедания проблем (в том числе одиночества), а также за расточительство (последнее стало даже предметом обсуждения в Компартии Китая⁸). В обоих случаях критика указывает на непродуктивность и бессмысленность усилий, которые предпринимаются людьми в попытках соответствовать нужному образу (например, фотографируя еду). Однако подобные реплики могли бы быть ценны только после того, как мы смогли объяснить суть феноменов и понять, что именно заставляет людей тратить время на подобные вещи.

Можно выделить несколько очевидных линий изучения и теоретизации этих явлений. Первая – это исследования влияния фуд-порн на психику и мозг человека. В данном ракурсе посредством эволюционных и физиологических объяснений, с опорой на эмпирический материал (например, томограммы активности зон мозга) можно сделать определенные выводы как о причинах популярности феномена, так и о весьма вероятных последствиях увлечения им. В большинстве работ фуд-порн-изображения определяются как «сверхнормальные стимулы» (термин ввел Николас Тинберген), а также связываются понятием «дофаминовое поощрение» (например, [Spence et al., 2016]). Подробных нейрофизиологических

⁸ См. 习近平作出重要指示强调 坚决制止餐饮浪费行为切实培养节约习惯 在全社会营造浪费可耻 节约为荣的氛围 // Xinhuanet. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-08/11/c_1126353394.htm (дата обращения 14.11.2021).

исследований мокпана пока нет, однако и его можно рассмотреть через призму сверхнормальных стимулов и работы зеркальных нейронов (их возбуждение при наблюдении за другими также может вызывать удовольствие).

Особенность сверхнормальных стимулов в том, что они заставляют игнорировать другие (например, испытывать желание поесть без голода или вопреки рекомендациям врача) [Simmons et al., 2005], что в итоге приводит к истощению дофаминовых рецепторов, а это снижает не только способность получать удовольствие, но и мотивацию к другим видам деятельности. Эволюционное прошлое человечества адаптировало нас под условия крайне ограниченных ресурсов, поэтому пищевое изобилие, доступное современному человеку, – уже аномалия, на которую наши биологические склонности неспособны адекватно отреагировать.

Впрочем, не все исследования столь однозначны: в отличие от животных (например, птиц, которые пытаются высидеть более крупное и яркое яйцо кукушки вместо своих) у людей нельзя сбросить со счетов ни культурные, ни социальные факторы. Не только биологическая предыстория, но и сотни лет существования обществ вынуждали культуру как-то обходиться с голодом и недоеданием – и значит, определенные способы регулировать свое поведение были наработаны. Более того, целый ряд терминов, которые используют с подачи ученых современные специалисты по питанию (например, «визуальный голод», «цифровое кусочничество» и др.) требуют проверки, а возможно, и критики.

Второй подход к теме фуд-порн и, шире, алиментарных практик – это социологические и семиотические подходы, которые изучают прежде всего кодификацию еды в разных эпохах и культурах. Несмотря на разницу подходов и те, и другие рассматривают фотографию фуд-порн как род прямого или косвенного высказывания о своем статусе, идентификации или отношении к определенным нормам общества (от норм этикета и общих рекомендаций по питанию до отношения к экологии, роскоши или чьей-то культуре в целом). Подобные исследования в области социологического подхода восходят к работам Торстейна Веблена о демонстративном потреблении праздного класса и небольшому тексту Георга Зиммеля «Экскурс о социологии чувств» (1923). Семиотический подход к вопросам еды и ее подачи в СМК одним из первых стал разрабатывать Ролан Барт в работе «Мифологии» (1957). Сегодня на основе этих подходов многие исследователи сходятся в том, что фуд-порн является частью демонстративного потребления, призванного показывать имидж и идентичность через вещи. Как отмечает австрийский специалист по питанию Ханни Рюцлер, пища легко стано-

вится посредником в сообщении о ценностях и предпочтениях индивидуума⁹. При этом, как утверждает Эрин Макдоннел, пища оказывается объектом приемлемой демонстрации социального положения, в отличие от роскоши¹⁰. Вместе с тем семиотико-дискурсивный анализ фуд-порн (фото и подписей к ним в интернете), проведенный Лоранс Розье и Рено Маэ, показывает, что такое обозначение обычно указывает на разрыв с определенными нормами питания (нездоровая пища, слишком сладкая, невегетарианская, подчеркнуто веганская и т. п.) [Rosier, Maes, 2016].

Продолжая критическую линию Барта, некоторые теоретики также обратили внимание, что фуд-порн тесно связан со стремлением сократить дистанцию между зрителем и объектом (через крупный план, тактильные метафоры и т. д.), сохраняя недоступность, что также ассоциируется с эротико-порнографическим контентом (например, [Барт, 1996; Şoitu, 2019]). Фуд-порн фигурирует в социально-политическом анализе современных конфликтов. Например, Себастьяно Бенассо и Луиза Стаги в работе «Итальянцы и еда» [Benasso, Stagi, 2019] рассматривают фуд-порн как одну из составляющих «гастро-национализма», объясняющего серию конфликтов в медиа, в том числе так называемый «Карбонарагейт».

Социологические объяснения мопкана во многом ориентированы на простые выводы из данных о структуре общества. Появление и популярность этого феномена в Южной Корее тесно связана с сочетанием двух факторов [Kircaburn et al., 2020]. С одной стороны, рост числа одиноких людей (в 2012 г. более четверти домохозяйств состояли из одного человека), а с другой стороны, культурные традиции корейцев, тесно связывающие семейственность, заботу и трапезу. Таким образом, по мнению социологов, просмотр видео с человеком, поглощающим пищу – способ справиться с одиночеством. Некоторые высказывают предположение, что существуют дополнительные личные причины интереса к отдельным виджеем мопкана; обычно это внешность (многие виджеи – симпатичные молодые девушки), харизма и артистизм, ASMR-удовольствие от звуков поедания пищи.

Существует также серия критических – феминистских, культурологических и медиатеоретических – обращений к современным алиментарным практикам (где упоминается и фуд-порн). Их можно как выделить в отдельные группы под-

⁹ См. «Food Porn»: Warum posten so viele Menschen Bilder von Essen? Interview mit Trendforscherin Hanni Rützler // General-Anzeiger. – September 28, 2015. URL: https://ga.de/news/panorama/food-porn-warum-posten-so-viele-menschen-bilder-von-essen_aid-42536973 (дата обращения 22.10.2021).

¹⁰ См. «The #foodporn phenomenon began with porn» // Playboy. – December 13, 2017. URL: <https://www.playboy.com/read/the-foodporn-phenomenon-began-with-porn> (дата обращения 22.10.2021).

ходов, так и считать продолжением выше обозначенного. Особо это актуально для междисциплинарных исследований медиа, которые во многом продолжают семиотику и социальные науки о коммуникации. В то же время стоит отметить, что для теорий в духе фемкритики или разоблачения идеологии (например, франкфуртская школа, политэкономия медиа и др.) подобные феномены сами по себе не представляют интереса: они всегда уже включены в множество феноменов угнетения / отчуждения, порождаемых культурными и / или социально-экономическими факторами (патриархальный строй, культурный капитализм и др.). В таком ракурсе теория уступает место политическому активизму, а весь анализ сводится к вопросу о том, как бороться с феноменами, а не адекватно понять и описать их.

Опыт философского прочтения феноменов фуд-порн и мокпан

Современные философские подходы не противоречат естественнонаучным, социологическим, антропологическим, культуролого-семиотическим и другим подходам. Они используют их в качестве основы для рефлексии и интерпретации сущности изучаемого предмета. Однако ценность философского взгляда заключается в осмыслении оснований для того или иного способа рассмотрения, что позволяет помимо традиционной логики объяснения как подведения частного феномена под общие представления (фуд-порн как проявление тенденций современного общества), делать интерпретации общего через призму существования конкретных событий (фуд-порн как пример, корректирующий наши взгляды на современность). В этом плане мы также попытаемся связать феномены фуд-порн и мокпан с некоторым образом современности.

Существуют сходства между современной манерой фотосъемки и тенденциями гипер- и фото-реализма в искусстве XX–XXI вв. Реагируя на широкое распространение аналоговой фотографии, живопись и меньше скульптура в 60–70-х гг. XX в. попытались переосмыслить и даже усилить способность изображения детально описывать вещи. Возникновение цифровой фотографии и определенное влияние философии постмодернизма привело к появлению современной версии гиперреализма (изначально термин предложен Изи Брашо в 1973 г. как синоним фотореализма). Теперь художники стремились изобразить сам эффект реальности и присутствия, создавая объекты, которые «кажутся более реальными, чем сама реальность». Фотография была переосмыслена в конце XX в. сперва философами (например, Р. Барт, Ф. Киттлер, В. Флюссер), а затем художниками как аппарат по производству эффекта реальности [см. например, Барт, 2011; Флюссер, 2007]. В работах гиперреалистов ощутимо влияние и концепции симу-

лякров Ж. Бодрийяра. Именно его идеи позволяют органично интерпретировать фуд-порн как одно из проявлений гиперреальности, которую Ж. Бодрийяр считал общей чертой культуры постмодерна. Еще в «Соблазне» (1979 г.) он предложил свой анализ феномена порнографии, который затем перенёс на другие явления культуры. Это особенно актуально для фуд-порн, где подобную параллель провели независимо от мысли философа.

По мысли Ж. Бодрийяра, соблазн и порнография структурно противоположны. Соблазн «отнимает одно измерение у реального пространства сексуальности» [Бодрийяр, 2000, с. 70], создаёт иллюзию и загадку. Порнография «привносит дополнительное измерение в пространство пола, делает его реальной реальностью» [Там же]. Ж. Бодрийяр сравнивает подобный эффект с квадрофонией («порнография – квадрофония секса» [Там же, с. 72]), так как здесь возникает искусственный эффект от использования четырех независимых каналов записи звука. Подобная схема блокирует индивидуальные фантазии (что похоже на идею сверхнормальных стимулов), а «непристойность выжигает и истребляет свои объекты» [Там же, с. 71]. Поэтому феномены гиперреальности не являются формами вуаеризма (где нужна рамка фантазии и дистанция), они похожи на наваждение, захватывающее ощущение избытка реальности и потери дистанции. То же самое применимо к еде, музыке, культурным ценностям, словом, любой области репрезентации, так как именно здесь возможно появление симулякров.

Симулякры Ж. Бодрийяр определяет как образ отсутствующей действительности, пустая форма, знак, за которым не стоит какая-либо реальность. Подобные копии без оригинала, по его мнению, доминируют в культуре постмодерна. На это указывает все более широкое распространение виртуальной, знаковой реальности, а также развитие средств манипуляции репрезентациями (в том числе цифровая фотография, графические редакторы, фильтры и ассеты постобработки изображений). Это и есть гиперреальность – мир, в котором все больше информации и все меньше смысла. Действительно, фуд-порн вызывает противоречивые впечатления, так как кажется уже не изображением-посредником, а сверхплотным образом, который провоцирует желания и аффекты, но ни к чему не отсылает, кроме других подобных изображений. По аналогии с описанием порнографии Ж. Бодрийяром, феномен фуд-порн можно назвать бесконечной аккумуляцией знаков привлекательной еды, которая одновременно указывает на конец идеи «просто пищи». Там, где еду фотографируют и через это выстраивают свой образ или коммуникацию с другими, очевидная потребность утолить голод уже не так очевидна, скорее, почти исчезает из вида.

При этом линия рассуждения Ж. Бодрийяра в «Соблазне» предвосхищает и идею макдональдизации Дж. Ричера, и современные рассуждения о том, что феномен фуд-порн поддержали прежде всего экономические интересы. Так, он пишет: «Всё должно производиться, прочитываться, выражаться в реальном, видимом, в показателях эффективности, все должно транскрибироваться в силовые отношения, в системы понятий или вычисляемую энергию, все должно быть сказано, аккумулировано, переписано, взято на учет: таков секс в порнографии – но разве не тем же самым занимается вообще вся наша культура...» [Бодрийяр, 2000, с. 75]. В отношении фуд-порн стоит обратить внимание на необычную попытку совмещения рекламного стиля, обращений к искусству и повседневных практик. Производство, если не сказать перепроизводство фуд-порн изображений и видео с мокпан – это то, что указывает на укоренившуюся в обществе логику маркетологизации и монетизации любых элементов быта.

Д. Сибрук предложил назвать это «внутренним маркетологом»: если вы часто сталкиваетесь с проявлениями продвижения и рекламы, то постепенно у вас возникнет неосознанная компетенция в этих вопросах [Сибрук, 2017]. Отсюда общая культурная тенденция, хорошо заметная в фуд-порн: то, что кажется на первый взгляд эстетикой или личным выбором, может обернуться прагматикой продвижения себя как бренда, некоторых товаров, услуг или ценностей. Также, например, В. В. Савчук обращал внимание на рост значимости эстетического оформления любого контента в современных медиа, своего рода экспансии арт-стратегий в повседневную жизнь [Савчук, 2018]. Это можно интерпретировать как еще один стимул к избыточному дизайну блюд, рассчитанному на красивые фотографии. Последнее имеет и экономический мотив (что не исключает и идеологического послания): такие фото служат бесплатной и эффективной рекламой, а также позволяют отслеживать вкусы аудитории. Поэтому неудивительно, что в современных вестернизированных обществах феномен фуд-порн не только прижился, но и стал порождать специфические ответвления в виде мокпана или ASMR-видео с едой.

Опыт психоаналитического прочтения феноменов фуд-порн и мокпан

Идея связать тему отношения к еде с индивидуальными влечениями и культурными мотивами кажется очевидной. Хотя слишком простой перенос психоаналитических терминов на культурные феномены будет лишь поверхностным описанием. Например, Дж. Фаррер высказал мнение, что фуд-порн может быть объяснен как форма сублимации, то есть через проекцию противоречивых от-

ношений с сексуальностью на другие социальные практики¹¹. Явным примером можно считать перенос акцента с прямых удовольствий (сексуальных, пищевых, тактильных) на статус и оценку других в публичной демонстрации роскоши.

Впрочем, Дж. Фаррер говорит скорее об обыденном понимании сублимации как переносе запретных влечений в область допустимого. Но психоаналитическое прочтение феномена фуд-порн отмечает рост ограничений и запретов в области питания, которые способны провоцировать желания и фантазмы, однако не сводит всё к простой проекции. Тем более что для психоанализа та же порнография – сложный феномен, не сводимый только к вызову возбуждения.

Пытаясь найти некую результирующую в фуд-порн, обычно говорят либо о сублимации (еда вместо секса), либо о перверсии (еда и есть секс). Современный лакановский подход предлагает третью версию: фуд-порн – это симптом (еда как означающее, нагруженное сексуальным смыслом). Психоаналитический подход строится на соответствующей этике, требующей нейтрального или даже уважительного отношения к симптому (не как к проблеме, которую нужно отделить и устранить): симптом – это бессознательная конструкция, уже проведенная субъектом работа по самоизлечению или защите от определенных проблем (см.: [Миллер, 2017]). При этом крайне интересно то, что подобный симптом становится широко распространенным (вроде анорексии и булимии, которые тоже получила широкое распространение относительно недавно).

В соответствии со структурным подходом психоанализ обращает внимание на субъекта, испытывающего повышенный интерес к фуд-порн. Такой тип субъекта плохо вписывается в классические рамки невроза, перверсии или психоза, он ближе к пограничному неврозу или ординарному психозу. У людей с подобной психической структурой ощутимы проблемы сепарации и индивидуации, несмотря на то что они осознают реальность и часто хорошо встроены в нее. В отличие от психотика эти структуры чувствительны к интерпретациям, но болезненно относятся к теме собственного Я. Представление о себе у пограничных невротиков полно противоречий и разрывов, поэтому они избегают подробных и внятных описаний себя. В этом смысле любитель фуд-порно скрывается за фотографией собственного обеда, делая вид, что она исчерпывающе его характеризует. Эта структура всё чаще встречается у людей и часто соседствует с другими проблемами (психосоматика, депрессии, панические атаки и т. п.). Также у них встречаются серьезные проблемы со способностью откладывать удовольствие или, напротив, как-то распорядиться возможностью его получить.

¹¹ См. «The #foodporn phenomenon began with porn» // Playboy. December 13. 2017. URL: <https://www.playboy.com/read/the-foodporn-phenomenon-began-with-porn> (дата обращения 22.10.2021).

Психоаналитический ракурс позволяет увидеть в фуд-порн функцию защиты для некоторых людей. Она наиболее полно воплощается в расщеплении, в неспособности эго интегрировать две стороны пищи. Еда – амбивалентный феномен, она может нести как удовольствие (и орально-вкусовое, и визуальное), общение, успокоение / чувство бодрости, так и напротив – боли, тяжесть, усталость и бессилие, изоляцию или неодобрение других. Негативные ощущения не только повышают уровень тревоги, но и актуализируют вопросы идентичности (кто я?). Не в силах принять и адекватно символизировать эту амбивалентность, такой субъект попросту придумывает две «еды»: одна – «хорошая» (она желанна уже потому, что кажется своего рода беспроблемным партнером), другая – «плохая». Черты, по которым еда обозначается как «плохая», довольно разнообразны, они возникают биографически или заимствуются из общественного дискурса.

Фуд-порн – не просто реализация иллюзии, что наслаждение сохраняется в еде, но и способ убежать от необходимости интегрировать негативные феномены (касающиеся пищи). Фуд-порн возник на почве проблемных дискурсов о еде, но внутри него нет ни единого намека на проблемы и последствия. Проблемы (гастрит, ожирение, стесненность во времени и средствах, недоступность качественной пищи / воды, даже банальное отсутствие аппетита) вытесняются, в то время как в реальном мире еда – всегда компромисс. Ведь мы едим не только то, что хотим, но ищем баланс между тем, что ещё нужно / полезно или просто тем, что нам доступно (но и баланс не всегда возможен, что тоже ведет к компромиссам). Психоаналитический взгляд на фуд-порн таков: это симптоматическая попытка изображения фантазма современного человека о еде, в котором удовольствие отделено от любых негативных проявлений питания. В этом плане, как и порнография, фуд-порн сохраняет иллюзию существования доступного и подконтрольного наслаждения, таким образом выполняя защитную функцию. В качестве вторичной символической обработки изображения могут становиться знаками идентификации с другими людьми (например, с этносом).

Резюме

Пример разработки сущности сложного культурно-пищевого явления с двух разных позиций позволяет нам увидеть два значимых методологических основания для будущего социально-философского анализа алиментарных практик. Во-первых, важно понимать, какой подход будет применяться, а главное, насколько обобщающим он будет. В одних случаях конкретная практика будет определена как проявление более фундаментальных социальных (и иных) процессов. В таком случае пища, ритуалы ее употребления, смыслы и приемы ком-

муникации по ее поводу должны быть переопределены как гомологичные проявления человеческого поведения, сводимые к рациональным суждениям или решениям. Подобный взгляд восходит к «социальному действию» М. Вебера, так как по сути ищет схожие целеполагания или взаимообусловленности в практиках, которые привыкли понимать как удовлетворение базовой потребности или индивидуальное удовольствие. Однако не лишен смысла и обратный подход, который мы видели в психоаналитическом ракурсе: можно ограничиться схожими структурами или функциями, оговаривая при этом широкий спектр и волатильность личных нюансов использования практик. Часть функций окажется бессознательно мотивированной, а вероятно и противоречащей декларируемым (сознательным) целям. В таких случаях конкретная алиментарная практика не требует окончательного теоретического выбора в духе «служит эта деятельность коллективной идентификации или личной форме защиты / удовольствия?». Поскольку если структура позволяет подобные вариации, то на индивидуальном уровне будут индивиды, занимающие как диаметрально противоположные, так и совмещающие их.

Во-вторых, обращение к алиментарной практике в конкретном сообществе явно затрагивает вопрос об основании: глобальная концепция общества / культуры или определенная модель человека? Очевидно, что важную роль здесь играет дисциплинарная рамка, но не только она. Так для алиментарной антропологии основание логично искать в современной эволюционной модели человека, психоаналитической концепции субъекта, теориях философской антропологии (например, М. Шеллера, Х. Плеснера, А. Гелена, Э. Кассирера, Э. Ротхакаера и др.) или религиозно-философских концептах человека. Для социологии еды, напротив, нужна некоторая теория современности, например, теории о состоянии постмодерна (Ж. Бодрийяр, И. Хасан, Ж.-Ф. Лиотар и др.), концепции постиндустриального общества и современного типа капитализма (Д. Белл, Э. Тоффлер, Дж. Рифкин, П.Ф. Друкер, Дж. Нейсбит, Ф. Джеймисон и мн. др.). Стоит отметить, что практические задачи исследования также могут влиять на смещение рамки: например, для изучения социальных изменений отношения к удовольствию от еды потребуется более сложная антропология (чем просто наивная вера в одинаковую способность получать и осмысливать удовольствие у всех людей одного типа общества).

В конечном счете предложенные два взгляда на фуд-порн и мокпан позволяют занять критическую позицию по отношению ко всякой непродуманной и схематичной психологии питания (где фигурируют лишь «потребность» и идея однозначных стимулов), имплицитно включаемой в исследования. Реальные феномены сталкивают нас с проблематичным сочетанием удовольствия и смыс-

ла, где и смысл тоже (принадлежность к идентичности, отличие и самобытность Я, воображаемые послания социальному Другому) сопряжен со своим прибавочным удовольствием. Вместе с тем реалистичность и здравый смысл – не лучшие ориентиры в анализе медийной сферы. Следует также отказаться от упрощенных моделей коммуникации (восходящих к инструментальным теориям языка и медиа) в анализе алиментарных практик. Тренды и моды, противоречивые сочетания смыслов и двойные сообщения – не рассказывают стройных историй о себе, и поиск какой-то логики их сочетания (особенно в популярных явлениях) – задача современного теоретика. Но решение таких задач вполне может обещать новый и довольно солидный вклад в антропологическое знание от исследований питания.

Список литературы

- Барт Р.** Camera lucida. Комментарий к фотографии / пер. с фр., послесл. и коммент. М. Рыклина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2011.
- Барт Р.** Мифологии / пер., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
- Бодрийяр Ж.** Соблазн. М.: Ад Маргинем Пресс, 2000.
- Миллер Ж.-А.** Введение в клинику лакановского психоанализа. Девять испанских лекций. М.: Логос / Гнозис, 2017.
- Павловская А. В.** Нужна ли нам наука о еде? // Еда и культура [сборник статей] Отв. ред. А. В. Павловская и др. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2015. С. 7–43.
- Савчук В. В.** Политики медиа и эстетика. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 4. С. 585–596.
- Сибрук Д., Nobrow.** Культура маркетинга. Маркетинг культуры. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Флюссер В.** За философию фотографии / пер. с нем. Г. Р. Хайдаровой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
- Belasco W.** Food: The Key Concepts. Oxford, United Kingdom, Berg, 2008.
- Benasso S., Stagi L.** The Carbonara-Gate: Food Porn and Gastro-Nationalism. In: Sassatelli R. (eds.). Italians and Food. Consumption and Public Life. Cham, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 237–267.
- Cockburn A.** Gastro-Porn. *The New York Review of Books*, 1977, vol. 24, no. 20, pp. 5–18.
- Coward R.** Female Desire: Women's Sexuality Today. London, Paladin, 1984.
- Kircaburun K., Harris A., Calado F., Griffiths M. D.** The Psychology of Mukbang Watching: A Scoping Review of the Academic and Non-academic Literature. *In-*

ternational Journal of Mental Health and Addiction, 2020, no. 19 (4), pp. 1190–1213.

Mcbride A. E. Food Porn. *Gastronomica*, 2010, vol. 10, no. 1, pp. 38–46.

Mintz S. W., Du Bois C. M. The Anthropology of Food and Eating. *Annual Review of Anthropology*, 2002, no. 31, pp. 99–119.

Simmons W. K., Martin A., Barsalou L. W. Pictures of appetizing foods activate gustatory cortices for taste and reward. *Cereb Cortex*, 2005, no. 15 (10), pp. 1602–1608.

Şoitu P. Food Porn at the Crossroads: Between Postmodernism and Digimodernism in Stephanie Sarley's (Un)orthodox Visual Art. *Metacritic Journal for Comparative Studies and Theory*, 2019, no. 5.2.

Spence C., Okajima K., Cheok A. D., Petit O., Michel C. Eating with our eyes: From visual hunger to digital satiation. *Brain and Cognition*, 2016, vol. 110, pp. 53–63.

References

Bart R. Camera lucida. Kommentarii k fotografii [Camera lucida. Comment to photography]. Moscow, Ad Marginem Press, 2011. (in Russ.)

Bart R. Mifologii. [Mythologies]. Moscow, Publishing House of Sabashnikovyh, 1996. (in Russ.)

Belasco W. Food: The Key Concepts. Oxford, United Kingdom, Berg, 2008.

Benasso S., Stagi L. The Carbonara-Gate: Food Porn and Gastro-Nationalism. In: Sassatelli R. (eds.). *Italians and Food. Consumption and Public Life*. Cham, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 237–267.

Bodriyar Zh. Soblazn [The Seduction] Moscow, Ad Marginem Press, 2000. (in Russ.)

Cockburn A. Gastro-Porn. *The New York Review of Books*, 1977, vol. 24, no. 20, pp. 5–18.

Coward R. Female Desire: Women's Sexuality Today. London, Paladin, 1984.

Flusser V. Za filosofiiu fotografii [For philosophy of photography]. St. Petersburg, Publishing of SPb University, 2007. (in Russ.)

Kircaburun K., Harris A., Calado F., Griffiths M. D. The Psychology of Mukbang Watching: A Scoping Review of the Academic and Non-academic Literature. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2020, no. 19 (4), pp. 1190–1213.

Mcbride A. E. Food Porn. *Gastronomica*, 2010, vol. 10, no. 1, pp. 38–46.

Miller Zh.-A. Vvedenie v kliniku lakanovskogo psihoanaliza [Introduction to clinic of lacanian psychoanalysis]. Moscow, Logos-Gnozis, 2017. (in Russ.)

Mintz S. W., Du Bois C. M. The Anthropology of Food and Eating. *Annual Review of Anthropology*, 2002, no. 31, pp. 99–119.

- Pavlovskaya A. V.** Nuzhna li nam nauka o ede? [Do we need the science about food?]. In: *Eda i kultura* [Food and culture]. Moscow, Centre of researching interaction of cultures, 2015, pp. 7–43. (in Russ.)
- Savchuk V. V.** Politiki media i estetika [Politics of media and aesthetic]. *Vestnik SPb University*, 2018, vol. 34, no. 4, pp. 585–596. (in Russ.)
- Sibruk D. Nobrow.** Kultura marketinga. Marketing kulturny [Nobrow. Culture of marketing. Marketing of culture]. Moscow, Ad Marginem Press, 2017. (in Russ.)
- Simmons W. K., Martin A., Barsalou L. W.** Pictures of appetizing foods activate gustatory cortices for taste and reward. *Cereb Cortex*, 2005, no. 15 (10), pp. 1602–1608.
- Şoitu P.** Food Porn at the Crossroads: Between Postmodernism and Digimodernism in Stephanie Sarley's (Un)orthodox Visual Art. *Metacritic Journal for Comparative Studies and Theory*, 2019, no. 5.2.
- Spence C., Okajima K., Cheok A. D., Petit O., Michel C.** Eating with our eyes: From visual hunger to digital satiation. *Brain and Cognition*, 2016, vol. 110, pp. 53–63.

Информация об авторе

Иван Сергеевич Кудряшов, кандидат философских наук

¹ Доцент кафедры философии, факультет социальной работы и клинической психологии НГМУ

² Доцент кафедры социальной философии и политологии института философии и права НГУ

Information about the Author

Ivan S. Kudryashov, Candidate of Sciences (Philosophy)

¹ Docent of philosophy chair, social work and clinical psychology department, Novosibirsk state medical university

² Docent of social philosophy and political science, institute of philosophy and law, Novosibirsk state university

Статья поступила в редколлегию 21.12.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.01.2022
The article was submitted 21.12.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.01.2022

Научная статья

УДК 316.334

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-52-70

История институционализации вакцинационных практик в странах Западной Европы XVIII–XIX веков

Сания Исааковна Бояркина

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
s.boiarкина@socinst.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3944-0076>

Аннотация

В статье рассматривается процесс исторического развития социального института вакцинации в условиях эпидемий оспы, протекавших на территориях европейских государств. Анализ хода исторических событий позволил выявить три основных этапа институционализации: (1) с момента появления вариоляции как социальной инновации до ее смены вакцинациями, (2) их законодательной легитимации, сопровождавшейся выработкой формальных стандартов и процедур, апробацией неформальных методов убеждения и мотивации и (3) дальнейшей реконструкции отношений между государством и обществом.

Сформированные в ходе истории способы взаимодействия между ключевыми социальными агентами способствовали трансформированию института вакцинации из совокупности политически производимых и контролируемых норм в многокомпонентный комплекс нормативно-ценностных регуляторов эпидемических рисков, что позволило отдельным европейским обществам усовершенствовать систему охраны здоровья населения и использовать полученные преимущества в демографическом и социальном развитии.

Ключевые слова

история Европы, вариоляция, вакцинация, социальный институт, властные элиты, политика, убеждения, мотивация

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00314 «Социальный порядок в условиях эпидемии: социально-философский анализ»

Для цитирования

Бояркина С. И. История институционализации вакцинационных практик в странах Западной Европы XVIII–XIX веков // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 4. С. 52–70. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-52-70

© Бояркина С. И., 2021

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 4. С. 52–xx
Siberian Journal of Philosophy, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 52–xx

The History of Institutionalization of Vaccination Practices in Western Europe (18th – 19th Centuries)

Saniya I. Boyarkina

The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russian Federation

s.boyarkina@socinst.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3944-0076>

Abstract

The article is devoted to the historical development of the vaccination practices institutionalization in the context of smallpox epidemics in Europe. Historical analysis allows identify three stages of institutionalization. The first lasted from the emergence of variolation as a social innovation until 1800 when it was replaced by vaccination. The second stage – when political and legislative legitimization of vaccination was accomplished. And the third one – when economic and moral-ethical persuasion methods of constructing public beliefs were developed. All of these led to reconstructing of relationships between state and society.

The relationship between the key social factors contributed to the transformation of vaccination institute from politically legitimized rules and strict sanctions for their violation to the balanced system of normative and value regulators of epidemic risks, which allowed certain European societies to perfect the system of public health protection and use the advantages in demographic and social development.

Keywords

European history, variolation, vaccination, social institution, power elites, politics, beliefs, motivation

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project no. 20-011-00314 “Social order in the conditions of epidemic: socio-philosophical analysis”

For citation

Boyarkina S.I. The History of Institutionalization of Vaccination Practices in Western Europe (18th – 19th Centuries). *Siberian Journal of Philosophy*. 2021, vol. 19, no. 4, pp. 52–70. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-52-70

Введение

Борьба с вирусными заболеваниями, начатая в европейских странах несколько столетий тому назад, не прекращается и сегодня. Новые вирусы, более сложные, подготовленные предшествующей эволюцией к наступлению на здоровье современных людей, продолжают собирать с человечества ежегодную дань смерти. В последние десятилетия, с развитием иммунологии и генной инженерии, были найдены медицинские решения, позволяющие приостановить пагубные влияния отдельных инфекций на организм человека, однако, как и раньше, наиболее действенным методом предотвращения большинства вирусных болезней является профилактическая вакцинация.

История возникновения первых практик вакцинации началась в эпоху Просвещения, когда в европейских странах распространился вирус натуральной оспы, массово поражавший взрослое население, приводивший к развитию тяжелых инвалидизирующих осложнений (слепоты, поражений костно-суставного аппарата и др.) и смерти 25–40 % заболевших ¹.

Оспа присутствовала в европейской популяции постоянно, ее симптомы описывались в трудах древнегреческих врачей, и до середины XVII века болезнь считалась «детской», не представляющей смертельной опасности для взрослого населения [Михель, 2007, с. 17–40]. Однако с середины XVII столетия одновременно с эпидемией чумы, с территорий Англии и Италии в другие страны Европы распространилась новая форма заболевания, жертвами которой в Лондоне в 1634 г. стали 12,6 % населения, умершего не от чумы. За период с 1649 по 1688 г. доля умерших от оспы составляла около 8 % от общей смертности, и к концу XVII в. оспа заняла одно из лидирующих мест в рейтинге причин смерти [Carmichael et al., 1987, p. 147–168]. На фоне отступающей чумы оспа становилась наиболее распространенным инфекционным заболеванием. Только за период с 1660 по 1799 г. в Лондоне было зарегистрировано 37 эпидемий оспы, сопровождавшихся ростом показателей смертности от этого заболевания [Duncan, 1994, p. 255–256]; в Берлине во время эпидемий 1766, 1786 и 1801 годов оспа становилась причиной более 20 % смертей от их общего числа [Hüntelmann, 2020, p. 292].

Как и большинство вирусных заболеваний, оспа являлась статусно-нейтральной болезнью, от нее страдали представители всех социальных страт, независимо от уровня достатка, условий и образа жизни. Оспа наносила удары и по беднякам, и по членам королевских фамилий: только на протяжении XVIII века в Европе погибли пять правящих монархов. В Австрии оспа привела к изменению линии наследования престола четырежды на протяжении четырех поколений ², в Англии во время эпидемии 1707 г. погиб наследник трона – последний представитель линии Стюартов, что привело к смене правящей династии и вступлению на престол Георга I, курфюрста Ганновера. Во Франции в 1774 г., брошенный своими испуганными родными и придворными, от натуральной оспы скончался король Людовик XV [Святловский, 1891, с. 26].

¹ См.: Ладный И. Д., Лобан К. М., Кесарева В. П., Маренникова С. С. Оспа натуральная. Большая медицинская энциклопедия / Под ред. Б. В. Петровского. 3-е изд. Т. 17. URL: https://бмэ.орг/index.php/ОСПА_НАТУРАЛЬНАЯ (дата обращения 29.04.2021).

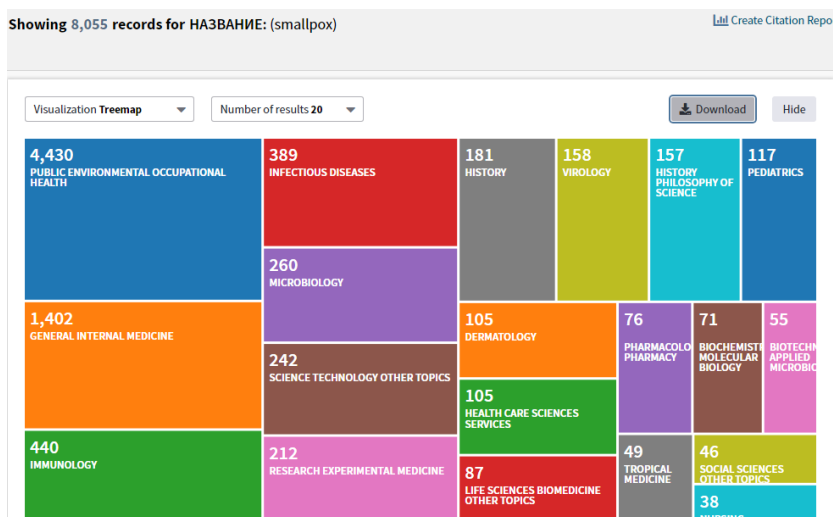
² См.: Глобальная ликвидация оспы. Заключительный доклад Глобальной комиссии по удостоверению ликвидации оспы. ВОЗ. Женева, 1980. С. 16. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/90863/a41438_rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 29.04.2021).

Борьба с болезнью, начатая в XVIII веке в условиях практически поголовной заболеваемости населения европейских стран, привела к появлению первых попыток профилактической вакцинации и их дальнейшей легитимации в первой половине XIX века. Отдельные исследователи полагают, что именно вакцинационные практики и сопутствовавшее им развитие медицины стали первым шагом на пути к последовавшей медикализации и формированию биомедицинской модели здоровья [Huerkamp, 1985, p. 7].

Процесс институционального становления вакцинационных практик с момента их возникновения до момента издания первых законов об обязательной вакцинации протекал в условиях изменения политических оснований функционирования европейских обществ, их социальной структуры, зарождения гражданских инициатив и протестных движений, становления новой системы взаимодействий между гражданином и государством. Этот процесс не был безболезненным для общества, он сопровождался идеологическим противостоянием сторонников и противников зарождавшейся политики здравоохранения, оказавшим существенное влияние на историю формирования и развития структурно-функциональных оснований института вакцинации.

В итоге созданные и закреплённые паттерны поведения ключевых социальных агентов – государства, представителей политических, экономических, культурных элит, профессионального медицинского сообщества и граждан – позволили ликвидировать болезнь в XX столетии и сформировать принципы международной системы предотвращения эпидемических угроз. Однако и в современных условиях эпидемические процессы сопровождаются социальными конфликтами, причины которых кроются в способах институционального взаимодействия социальных агентов, сформировавшихся несколько столетий тому назад, во времена эпидемий оспы, что позволяет говорить об актуальности проблемы их воспроизводства и сопутствующих рисков распространения инфекционных заболеваний.

В западной литературе обнаруживается относительно немного работ, посвящённых анализу истории становления вакцинационных практик в странах Западной Европы. В результате проведения в апреле 2021 г. сплошного поискового библиометрического анализа метаданных публикаций, размещённых в международной базе научной литературы Web of Science (WoS): Core Collection, было выявлено, что среди 8055 работ, опубликованных с 1900 г., в названии которых встречается термин «smallpox» (оспа), доминируют работы представителей медицинских наук, посвящённые исследованию инвайронментальных проблем здоровья (4430 работ), при этом количество исторических, историко-философских и социологических публикаций крайне мало (181, 157 и 46 статей соответственно) (см. рисунок).

Распределение публикаций по исследовательским областям, размещенных в базе Web of science, в заголовках которых содержится термин «smallpox» (оспа)
 Distribution of publications by research area, hosted in the Web of Science database, the titles of which contain the term “smallpox”

Та же тенденция сохраняется при проведении поискового запроса по ключевым словам «smallpox, vaccina*» (звездочка указывает поисковой системе на то, что окончание слова может быть любым). Из 1398 публикаций, изданных с 1900 г., из которых 659 – исследовательские статьи, система обнаружила всего 60 публикаций по истории, истории философии науки и социальным наукам (21, 33 и 6 соответственно), посвященных исследованиям вакцинопрофилактики оспы.

Результаты анализа метаданных научной литературы позволяют полагать, что исторические аспекты институционализации практики вакцинации в европейских государствах в периоды эпидемий оспы мало изучены представителями социальных наук.

Теоретико-методологические основания исследования

Современные схемы институционального анализа предполагают выявление структурно-функциональных характеристик, которые в самом общем виде у различных авторов описываются схожим образом и включают в себя: правила, обеспечивающие нормативное поведение и его координацию; убеждения и нормы, создающие мотивацию для следования этим правилам; и организации –

формальные или неформальные, которые производят и распространяют правила, поддерживают убеждения и нормы и тем самым предопределяют поведенческие проявления.

Детальный анализ функциональных особенностей, приписываемых социальным институтам, позволяет обозначить три основных подхода: «институты как правила», «институты как власть» и «институты как равновесия».

В рамках первого подхода предполагается, что институты – это формальные и неформальные правила вместе с механизмами обеспечения их исполнения. С этой точки зрения институциональный анализ предполагает изучение влияния, оказываемого ограничениями на поведение людей в конкретных ситуациях [North, 1989, p. 1319–1332].

Авторы второго подхода уточняют, что возникновение и функционирование социальных институтов обеспечивается интересами властных и экономических элит, наделяющих себя правом устанавливать правила и вводить санкции за их невыполнение [Acemoglu, 2012]. Поэтому анализ должен быть сфокусирован на изучении властных структур, политически активных акторов и социально-политических процессов.

Третий (интегративный) подход предполагает, что институты представляя собой равновесные системы, в которых соблюдение правил обеспечивается не столько наличием властных структур и налагаемых санкций за их невыполнение, сколько убежденностью в том, что учреждаемые институты обоснованы и полезны [Грейф, 2012, с. 36]. В случае отсутствия мотивации их легитимность может оспариваться так же, как и политическая борьба вокруг институтов и необходимость наказания тех, кто нарушает правила. С этой точки зрения центральным элементом институционального анализа должна быть мотивация следования норме и определение того, почему одним правилам люди готовы следовать, а другим – нет [Мокир, 2010, с. 34–83].

Представленные теоретические основания позволяют обозначить в качестве основных задач исследования истории институционализации вакцинационных практик выявление основных факторов возникновения функционально специфических структур и методов формального и неформального регулирования поведения людей в условиях эпидемии, анализ роли ключевых политически активных акторов.

*История возникновения и легитимации практик профилактики оспы
на протяжении XVIII–XIX вв.*

К моменту, когда натуральная оспа пришла на европейские территории, она была хорошо известна в других частях света. Оспа была эндемичным заболева-

нием, характерным для территорий Африки и Османской империи, жители которых в целях профилактики болезни применяли вариоляцию (инокуляцию натуральной оспы), представляющую собой прививку вируса, взятого от больного человека и переданного ребенку. В Европе о возможности прививания оспы впервые узнали в начале XVIII в. из отчета о распространении вариоляции в столице Османской империи, опубликованного в очередном выпуске «Философских трудов» Лондонского королевского общества³ 1714 г. [Weber, 2010, p. 664–669].

Однако начало практическому применению вариоляции было положено Мэри Монтегю, супругой посла Англии в Константинополе, которая в 1718 г., познакомившись с турецким способом инокуляции, решила на прививку для себя и своего сына. После удачного исхода эксперимента она начала пропагандировать инокуляцию среди английской аристократии [Микиртичан, 2016, с. 55–62]. В условиях происходивших эпидемий, сопровождавшихся потерями, которые несли даже члены королевской семьи, представители политических и экономических элит согласились с необходимостью использования нового метода. Одной из первых в 1721 г. ее сделала своим детям английская королева Каролина, за ней последовали представители других аристократических семейств Англии и Шотландии.

Эти изменения в отношении к здоровью и способам его поддержания противоречили существовавшим религиозным представлениям о телесности и роли болезни в жизни человека. Проводившаяся духовенством пропаганда бедности и смирения, распространенность представлений о болезнях как «божественном порядке» и «наказании за грехи» предполагали отказ от попыток борьбы со смертью. В 1722 г. инокуляция была осуждена католической церковью и между ее представителями, авторитетными врачами-инокуляторами и философами-просветителями разгорелась оживленная дискуссия, в результате которой убежденность первых в том, что «болезнь – Божья кара» сменилась убежденностью в том, что «вариоляция – Божий дар». Обсуждение религиозных и этических соображений оставалось важным для радикалов эпохи Просвещения, их активность и готовность отстаивать свои убеждения позволили привлечь духовных лидеров в ряды сторонников вакцинации [Eriksen, 2013, p. 516–536].

³ Лондонское королевское общество (Королевское общество) – ведущее научное общество Великобритании, одно из старейших в мире, создано в 1660 г. и утверждено королевской хартией в 1662 г. Предшественником Королевского общества была Незримая коллегия (Invisible College). Это был частный клуб интеллектуалов-единомышленников, собиравшийся с 1645 г. в Лондоне и с 1648 г. в Оксфорде.

Английский опыт внедрения вариоляционных практик оказал влияние и на королевские дворы других стран, в результате чего процедура получила королевский патронаж. Вслед за Англией эта практика профилактики оспы распространилась во Франции, Испании, Швеции, Пруссии, Италии [Михель, 2007, с. 17–40]. В середине XVIII века в ряде европейских стран были основаны специальные дома для проведения инокуляций, работа которых многократно подтверждала эффективность метода.

В 1778 г. врач Джон Хейгарт (John Haygarth) предложил схему борьбы с оспой, предполагавшую совмещение проведения прививок с карантинными мероприятиями. В 1784 г. была опубликована его работа «Исследование о том, как предотвратить оспу», в котором утверждалось, что оспа распространяется только заражением от инфицированных людей, которых следует изолировать. По его инициативе в Честере было создано первое «Общество по борьбе с оспой» («Smallpox society»). Несмотря на успех в своей стране и известность за ее пределами, идея Дж. Хейгарта не привела к возникновению национальной программы вакцинации. Однако начатые в английских деревнях с 1770-х гг. массовые прививки и попытки создать общие «правила профилактики» способствовали пониманию того, что вопрос эффективной защиты от оспы – это вопрос политический, предполагающий решение на коллективном уровне «общественного здравоохранения» [Eriksen, 2013, p. 516–536].

Несмотря на свидетельства пользы вариоляции, она оставалась рискованной процедурой, к которой относительно безопасно могли прибегать лишь немногие представители высших классов, имевшие возможность позволить себе оплачивать услуги опытных врачей, способных не только сделать прививку, но и контролировать течение последующих осложнений [Duncan et al., 1994, p. 255–271]. Среди простого народа прививку проводили полуграмотные инокуляторы, зачастую заражавшие целые семьи и населенные деревень, что вызывало локальные вспышки болезни и стихийные протесты.

Действительно, вариоляция периодически приводила к развитию тяжелых форм заболевания, что вызывало скептическое отношение со стороны медиков и препятствовало дальнейшему распространению оспопрививания. Более того, в Англии были опубликованы результаты наблюдения авторитетного врача У. Гебердена, основателя практики клинических исследований, члена Лондонского королевского общества, доказывающие, что за 40 лет проведения инокуляции в одном Лондоне умерло на 25 тысяч людей больше, чем за столько же лет до введения прививок. Эта публикация была с воодушевлением воспринята представителями оппозиции, убедительным доводом которой стало то, что прививка способствует распространению оспы и вызывает эпидемии. Постепенно все

меньше европейцев стали добровольно подвергать себя этой процедуре. Под влиянием противников вариоляция во многих странах не получила массового распространения, а в некоторых была законодательно запрещена [Микиртичан, 2016, с. 55–62].

Многочисленные сообщения об опасности вариоляций способствовали поиску альтернативных методов защиты от оспы. В то время в сельских районах бытовало убеждение, что доярки, заразившиеся от коров болезнью с высыпаниями, похожими на оспенные, не болеют натуральной оспой. В 1765 г. английский врач Джон Фьюстер (John Fewster) провел серию экспериментов и, убедившись в правоте народного наблюдения, сообщил о результатах своих исследований Лондонскому королевскому обществу, которое признало их случайностью, не заслуживающей внимания [Микиртичан, 2016, с. 55–62].

Однако летом 1798 г. Эдвард Дженнер – сельский врач, выходец из семьи преуспевающих церковнослужителей, ученик сельского хирурга, – после проведения ряда опытов, повторивших результат Д. Фьюстера, направил в Королевское общество свою работу «Исследование причин и действий коровьей оспы», которая полностью изменила представления о методах вакцинопрофилактики оспы. Первой реакцией общественности на публикацию было полное непонимание и неприятие фактов, излагаемых Э. Дженнером, не имевшим сколько-нибудь значимого научного авторитета. Уважаемые врачи критиковали его «унизительные опыты по смешиванию человека со скотом»; идея прививания оспы от коровы к человеку была непонятна и профессионалам, и обывателям. Юмористические журналы публиковали карикатуры, на которых изображались вакцинированные люди, с вырвавшимися из разных частей человеческого тела рогами, копытами⁴, в печатных изданиях его называли шарлатаном и лжецом. Преодолеть насмешки и сопротивление внедрению инновации в повседневную практику помогла поддержка врачей, поверивших Дженнеру и начавших практиковать оспопрививание в Англии, а затем и в других европейских странах.

После нескольких лет успешных вакцинаций по приказу главных военачальников – герцога Йоркского и Вильгельма IV – с 1800 г. оспопрививание было объявлено обязательным в английских войсках и флоте, после чего эта практика быстро распространилась по всей Европе, несмотря на противодействие несогласных. В Испании в 1803 г. Карл IV организовал распространение вакцины

⁴ См. History of Vaccines. URL: <https://vaccines.procon.org/history-of-vaccines/> (date of access: 05.05.2021).

в доминионы, разбросанные по всему миру⁵. Эти события ознаменовали собой начало следующего этапа истории институционализации вакцинаций, сопровождавшегося становлением организационной структуры и нормативных основ регулирования эпидемических рисков.

Первыми вакцинацию приняли и ввели в качестве меры охраны общественного здоровья правительства Дании, Швеции, Норвегии и Пруссии, где во многих городах возникли оспопрививательные учреждения и профильные административные структуры.

Одним из первых появилось Королевское Дженнеровское общество (Royal Jennerian Society), основанное в 1803 г. в Лондоне⁶, пожизненным председателем которого стал Э. Дженнер. Благодаря его усилиям по всей стране были открыты оспопрививательные приюты, а при крещении детей священники выдавали родителям печатные наставления о пользе оспопрививания [Святловский, 1891, с. 49]. Целью этого общества было широкое внедрение вакцинации в Англии. За первые 18 месяцев при активном участии Э. Дженнера было привито 12 тысяч человек, в результате чего смертность от оспы в последующие годы снизилась более чем в три раза⁷.

В то же время повсеместно проводившиеся в поисках подтверждения эффективности вакцины исследования приводили к противоречивым результатам, что было связано с общим технологическим несовершенством медицины и отсутствием представлений о санитарии и гигиене. Для проверки изобретения Э. Дженнера и вынесения окончательного вердикта в 1807 г. по решению парламента была создана врачебная комиссия, состоявшая из представителей элиты медицинского сообщества Англии, которая единогласно признала, что вакцинация является лучшей санитарной мерой для борьбы с натуральной оспой. В следующем году по инициативе Коллегии врачей был основан Национальный институт вакцинации (National Vaccine Establishment), в уставе которого были указаны имена авторитетных вакцинователей и описаны процедуры проведения прививки и последующего лечения осложнений⁸.

⁵ См. Глобальная ликвидация оспы. Заключительный доклад Глобальной комиссии по удостоверению ликвидации оспы. ВОЗ. Женева, 1980. С. 16. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/90863/a41438_rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 29.04.2021).

⁶ См. Royal Jennerian Society. URL: <https://archive.org/details/b30362714> (date of access: 05.05.2021).

⁷ См. Баландин И. Г. Дженнер Эдуард. Большая медицинская энциклопедия (БМЭ) / Под ред. Б. В. Петровского. 3-е изд. Т. 7. URL: https://бмэ.орг/index.php/ДЖЕННЕР_Эдуард (дата обращения 29.04.2021).

⁸ См. National Vaccine Establishment. URL: <https://archive.org/details/b21362956/page/14/mode/2up> (date of access: 05.05.2021).

Вскоре после этого вакцинация широко распространилась в большинстве европейских стран, в первую очередь благодаря покровительству представителей властной элиты, заботившихся не только о собственной физической безопасности, но и о сохранности источника пополнения казны – населения подвластных территорий. Из соображений охраны общественного здоровья европейские правительства одно за другим начали вводить законы об обязательной вакцинации.

Первыми стали государства Германии. В 1807 г. Бавария первой ввела обязательное оспопрививание, за ней последовали Баден и Хессен-Кассель (1815), Нассау и Вюртемберг (1818), Ганновер (1821) [Hüntelmann, 2020, p. 292]. В качестве наказания для избегавших вакцинацию закон предусматривал штрафы, которые налагались на родителей за смерть детей от натуральной оспы.

Для расширения охвата вакцинацией максимального количества людей власти европейских стран использовали и не силовые методы убеждения. Во Франции, Италии и землях Германии проводились агитационные кампании, в которых принимали участие дипломированные доктора, сельские хирурги, учителя, духовенство, местные чиновники. В Баварии в качестве поощрения всем пациентам, независимо от уровня их благополучия, местные власти выплачивали небольшое вознаграждение за каждого привитого ребенка [Huerkamp, 1985, p. 617–635].

Эпидемии оспы, поразившие европейские страны в 1817–1819 и 1824–1825 гг., когда заболели многие вакцинированные люди, нанесли серьезный удар по теории Дженнера. Оказалось, что однажды сделанная прививка не гарантирует человеку пожизненный иммунитет против натуральной оспы, и чтобы вновь застраховать организм, нужна вторичная вакцинация, что было оперативно воспринято правительствами наиболее крупных государств Германии, в которых в период с 1829 по 1868 г. ревакцинация стала обязательной для военнослужащих [Hüntelmann, 2020, p. 292].

В то же время массовая заболеваемость и резкий рост смертности привели к обострению отношений между сторонниками и противниками двух альтернативных методов оспопрививания. Чем больше обнаруживалось вреда и неудач после инокуляций коровьей оспы (вакцинаций), тем большую популярность вновь завоевывала инокуляция натуральной оспы (вариоляция). В 1840 г. коллегия врачей подала петицию в парламент, предлагая запретить вариолярные инокуляции и обеспечить государственную поддержку вакцинаций. Они полагали, что эпидемия 1838–1839 гг. возникла из-за прививок натуральной оспы, распространенных в среде необразованных бедняков – сельских жителей и рабочих, не доверявших новому методу и прибегавших к услугам не имеющих отношения

к медицине неграмотных оспопрививателей. В ответ на запрос профессионального сообщества в том же году был принят закон, полностью запрещающий инокуляции натуральной оспы (наказанием за нарушение было тюремное заключение) и разрешающий проведение инокуляций коровьей оспы только врачам⁹.

После принятия в Великобритании первого закона о вакцинации начался новый этап расширения масштабов охвата населения профилактическими вакцинами: дети, отправляющиеся в школу, и кандидаты при устройстве на работу должны были предъявлять специальные свидетельства о наличии у них прививки от оспы. Однако этого оказалось недостаточно. После очередной эпидемической вспышки, произошедшей в 1852 г., по инициативе Комитета вакцинации Эпидемиологического общества в 1853 г. парламентом был принят закон об обязательной вакцинации детей первых трех месяцев жизни, предусматривавший наказание для родителей, не соблюдающих закон, в виде штрафа и/или тюремного заключения. Для дальнейшего увеличения числа вакцинированных в 1867 г. был принят новый закон, предусматривавший обязательное прививание детей в возрасте до 14 лет и сохранявший возможность применения наказания к нарушителям. Для их выявления в 1871 г. было принято решение о назначении территориально закрепленных должностных лиц [Weber, 2010].

На фоне снижения смертности от оспы и нарастающего административного давления со стороны государственных властей из стихийных протестов против обязательной вакцинации зародилось социальное движение. В развернувшейся дискуссии сторонников и противников вакцинации центральное место занимали понятия гражданских прав и обязанностей. Первые представляли процедуру как гражданскую обязанность участвовать в обеспечении эпидемической безопасности населения страны. Вторые говорили о том, что государственная легализация вакцинации означает легализацию телесных повреждений и нанесения ущерба здоровью гражданам страны, а политическое давление, оказываемое на представителей социальных низов, нарушает их гражданские права.

Основными участниками первых антивакцинационных кампаний 1850–1870-х гг. стали оппозиционно настроенные врачи – сторонники вариоляционных практик, сомневавшиеся в безопасности вакцины; высокопоставленные религиозные деятели, считавшие прививку коровьей оспы смертным грехом; юристы – защитники медицинских свобод граждан; активисты – представители верхушки рабочего класса, борцы за права рабочих, сопротивлявшиеся любому

⁹ См.: Крейтон Ч. Дженнер и прививки. Странная глава истории медицины. Лондон, 1889. URL: <https://1796web.com/vaccines/opinions/creighton/creighton.htm> (дата обращения 29.04.2021).

политико-экономическому давлению; простой народ, больше доверявший знахарям, чем врачам.

Наиболее масштабные акции проходили в Англии, где протесты были спровоцированы жесткой политикой властей и действиями правоохранительных органов, которые, руководствуясь законами о бедных (Poor Laws), принудительно направляли бедняков и рабочих к государственным вакцинаторам, преследовали родителей, не соблюдавших закон 1867 г. об обязательной вакцинации. В результате в том же году была создана Национальная Лига противников обязательной вакцинации (National Anti-Compulsory Vaccination League), члены которой приводили в качестве аргументов против вакцинации сомнительную эффективность и опасность прививок для здоровья, посприание религиозных убеждений и гражданских прав личности. Их требования сводились к трем основным пунктам: недопущению посягательств на частную жизнь, уважению личности, ее убеждений и права выбора, и проведению вакцинации исключительно на добровольной основе [Этика вакцинации, 2018].

Наибольшую активность члены организации проявляли в 1870–1880-х гг.: по их инициативе были основаны специализированные журналы, публиковались брошюры и книги. В 1885 г. в Лестере прошла демонстрация, привлекая около 100 тысяч человек. В результате для рассмотрения жалоб противников вакцинации и аргументов, предъявляемых ее сторонниками, была назначена Королевская комиссия, которая к 1896 г. пришла к выводу о неоспоримой пользе вакцинации, и, в качестве уступки требованиям оппозиционеров, рекомендовала отмену штрафов. Новый закон о вакцинации в 1898 года содержал «положение о совести» и предусматривал возможность получить сертификат об освобождении от вакцинации для родителей, которые не считали вакцинацию эффективной или безопасной [Swales, 1992, p. 1019–1021]. К 1907 г. Комиссия приняла решение о предоставлении гражданам Великобритании права по личным соображениям отказаться от прививки [Hennock, 1998, p. 49–71].

В Германии, в землях которой введение обязательной вакцинации началось почти на полвека раньше, чем в Англии, антивакционные настроения были подавлены в период франко-прусской войны 1870–1871 гг., продемонстрировавшей эффективность вакцины на фоне случившейся эпидемии оспы. За два года в армии Пруссии, имевшей под ружьем 800 тысяч привитых и ревакцинированных солдат, заболели 8463 человек и умерли 5,4 % из них. Французская армия из 125 тысяч невакцинированных солдат потеряла 18,7 % умершими от оспы. После окончания войны в 1874 г. в парламенте объединенной Германии состоялось обсуждение закона об обязательной вакцинации. В ходе дискуссии национал-либеральная партия проводила кампанию за индивидуальные права человека;

члены прогрессивной партии называли противников закона «антимодернистами»; консерваторы и военные высказывали сомнения в том, что неграмотные сельские жители и представители низших классов смогут оценить преимущества и риски вакцинации, и подчеркивали, что государство несет патерналистскую ответственность за безопасность населения. После долгих дебатов, многочисленных пересмотров и смягчения положений о нормах применения санкций закон был принят [Hüntelmann, 1985, p. 292].

Франко-прусская война стала триггером последней пандемии оспы, обрушившейся на европейские государства – Францию, Германию, Италию, Англию, Испанию, Голландию, Австрию, – в результате которой в течение пяти лет после окончания военных действий погибло не менее полумиллиона человек. Данные о смертности населения в 1870–1875 гг. свидетельствуют о том, что в странах, где сформировалась система государственной вакцинационной политики, включавшая в себя массовую вакцинацию и карантинные меры, число людей, умирающих от оспы, было в несколько раз ниже [Williams, 1994, p. 396–412].

К 1890-м гг. в большинстве стран Европы, накопивших опыт борьбы с эпидемиями, сложился социальный институт регулирования эпидемического благополучия, включавший в себя политически легитимированные нормы охраны общественного здоровья; государственные учреждения и профессиональные организации, ответственные за выработку формальных правил и процедур, используемых для борьбы с оспой; формальные и неформальные организации, участвовавшие во всестороннем обсуждении этих норм и правил и формировании общественного мнения.

Выводы

Борьба с эпидемиями оспы, начатая в Европе в XVIII столетии, преследовала в первую очередь политические интересы правительств. Помимо ущерба, наносимого численности населения, эпидемии угрожали преемственности высшей власти, сохранению военной мощи и территориальной автономии, экономическому росту государств, приводили к социальной дестабилизации, нарушениям общественного порядка. Поэтому становление вакцинации как политически производимой нормы представляло собой «кодификацию» убеждения [Мокир, 2010, с. 37] элит о необходимости борьбы с эпидемическими рисками.

Эти риски воспринимались особенно остро в условиях тотальной трансформации социетальных оснований обществ. Научно-техническая и индустриальная революции сопровождались геополитической перегруппировкой сил: в число ведущих промышленных держав вышла Англия [Робертс, 2019, с. 593–595], что сделало ее лидером, на которого ориентировались другие страны. Это прослежи-

вается в динамике исторических событий, связанных с распространением вариоляции и вакцинации на территории Европы.

Происходившие социальные изменения сопровождались развитием ранее не существовавших институтов, призванных регулировать жизненно важные социальные сферы. Зарождение института вакцинации было спровоцировано эпидемической обстановкой и необходимостью преодоления угроз здоровью европейцев. И в этом смысле его развитие было тесно взаимосвязано с более общими социальными процессами, направленными на организацию системы охраны общественного здоровья и дальнейшее становление государства благосостояния.

На протяжении XIX века формировались структура и правила функционирования формальных элементов института – появились законодательные нормы, соответствующие организации и реализуемые ими административные методы внедрения профилактических правил, усовершенствовалась государственная система эпидемиологического мониторинга, статистического учета заболеваемости и смертности, возникла практика клинических исследований безопасности и эффективности вакцин.

Существенные трансформации происходили и в системе ценностей европейцев: зарождение гражданского общества и осознание ценности жизни и свободы личности привели к изменению роли индивида в поддержании собственного здоровья, осознанию права медицинского выбора, что повлекло за собой необходимость изменения методов регулирования поведения.

Последовавшие смягчения законодательных норм и санкций, их дополнение экономическими и морально-этическими методами мотивации, рост возможностей информационного воздействия позволили расширить спектр инструментов охраны общественного здоровья, предоставляя использующих их обществам аккумулировать преимущества для демографического роста и дальнейшего социального прогресса.

Список литературы

- Баландин И. Г.** Дженнер Эдуард. Большая медицинская энциклопедия (БМЭ) / Под ред. Б. В. Петровского 3-е изд. Т. 7. URL: https://бмэ.орг/index.php/ДЖЕННЕР_Эдуард (дата обращения 29.04.2021).
- Глобальная ликвидация оспы. Заключительный доклад Глобальной комиссии по удостоверению ликвидации оспы. ВОЗ. Женева, 1980. С. 16. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/90863/a41438_rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 29.04.2021).
- Грейф А.** Институты и путь к современной экономике: уроки средневековой торговли // Экон. социология. 2012. Т. 13, № 2. С. 35–58.

- Крейтон Ч.** Дженнер и прививки. Странная глава истории медицины. Лондон, 1889. URL: <https://1796web.com/vaccines/opinions/creighton/creighton.htm> (дата обращения 29.04.2021).
- Ладный И. Д., Лобан К. М., Кесарева В. П., Маренникова С. С.** Оспа натуральная. Большая медицинская энциклопедия / Под ред. Б. В. Петровского. 3-е изд. Т. 17. URL: https://бмэ.орг/index.php/ОСПА_НАТУРАЛЬНАЯ (дата обращения 29.04.2021).
- Микиртичан Г. Л.** Из истории вакцинопрофилактики: оспопрививание // Рос. педиатр. журн. 2016. № 1. С. 55–62.
- Михель Д. В.** Оспа в контексте истории // Логос. 2007. № 6 (63). С. 17–40.
- Мокир Д.** Культура, институты и экономический рост // Materials of the Conference “Understanding Institutions and Development Economics” (November 4–6, 2010). 2010. С. 34–83.
- Робертс Дж. М., Уэстад О. А.** Мировая история. М.: Центрполиграф, 2019. 1247 с.
- Святловский В. В.** Эдуард Дженнер. Его жизнь и научная деятельность. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1891.
- Этика вакцинации (критерий научного и гуманитарного прорыва) / Под ред. О. И. Кубарь. СПб.: ФБУН НИИЭМ им. Пастера, 2018. 176 с.
- Acemoglu D., Robinson J. A.** Why Nations fail—the origins of power, prosperity and poverty. New York, Crown Business, 2012, 529 p.
- Carmichael A. G., Silverstein A. M.** Smallpox in Europe before the Seventeenth Century: Virulent Killer or Benign Disease? *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*, 1987, vol. 42, pp. 147–168.
- Duncan S. R., Scott S., Duncan C. J.** Smallpox Epidemics in Cities in Britain. *Journal of Interdisciplinary History*, 1994, vol. 25 (2), pp. 255–271.
- Eriksen A.** Cure or Protection? The meaning of smallpox inoculation, ca 1750–1775. *Medical History*, 2013, vol. 57(4), pp. 516–536.
- Fenner F., Henderson D. A., Arita I., Jezek Z., Ladnyi I. D. et al.** Smallpox and its eradication. World Health Organization, 1988. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/39485> (date of access: 05.05.2021).
- Hennock E. P.** Vaccination Policy Against Smallpox, 1835–1914: A Comparison of England with Prussia and Imperial Germany. *Social History of Medicine*, 1998, vol. 11, iss. 1, pp. 49–71.
- History of Vaccines. URL: <https://vaccines.procon.org/history-of-vaccines/> (date of access: 05.05.2021).
- Huerkamp C.** The History of Smallpox Vaccination in Germany: A First Step in the Medicalization of the General Public. *Journal of Contemporary History. Medicine, History and Society*, 1985, vol. 20, no. 4, pp. 617–635.

- Hüntelmann A. C.** Smallpox vaccination in the German Empire. Vaccination between biopolitics and moral economy. *Asclepio. Revista de Historia de la Medicina y de la Ciencia*, 2020, vol. 72, no. 1, p. 292.
- National Vaccine Establishment. URL: <https://archive.org/details/b21362956/page/14/mode/2up> (date of access: 05.05.2021).
- North D. C.** Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development*, 1989, vol. 17, no. 9, pp. 1319–1332.
- Royal Jennerian Society. URL: <https://archive.org/details/b30362714> (date of access: 05.05.2021).
- Swales J. D.** The Leicester anti-vaccination movement. *The Lancet*, 1992, vol. 340, no. 8826, pp. 1019–1021.
- Weber T. P.** Alfred Russel Wallace and the antivaccination movement in Victorian England. *Emerging infectious diseases*, 2010, vol. 16, no. 4, pp. 664–669.
- Williams N.** The implementation of compulsory health legislation: infant smallpox vaccination in England and Wales, 1840–1890. *Journal of Historical Geography*, 1994, vol. 20, no. 4, pp. 396–412.

References

- Acemoglu D., Robinson J. A.** Why Nations fail—the origins of power, prosperity and poverty. New York, Crown Business, 2012, 529 p.
- Balandin I. G.** Dzhenner Eduard [Eduard Dzhenner]. In: Petrovsky B. V. (ed.). Bol'shaya Medicinskaya Enciklopediya (BME). 3rd ed. Vol. 7. (in Russ.) URL: https://bme.org/index.php/DZHENNER_Eduard (date of access: 29.04.2021).
- Carmichael A. G., Silverstein A. M.** Smallpox in Europe before the Seventeenth Century: Virulent Killer or Benign Disease? *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*, 1987, vol. 42, pp. 147–168.
- Duncan S. R., Scott S., Duncan C. J.** Smallpox Epidemics in Cities in Britain. *Journal of Interdisciplinary History*, 1994, vol. 25 (2), pp. 255–271.
- Eriksen A.** Cure or Protection? The meaning of smallpox inoculation, ca 1750–1775. *Medical History*, 2013, vol. 57(4), pp. 516–536.
- Fenner F., Henderson D. A., Arita I., Jezek Z., Ladnyi I. D. et al.** Smallpox and its eradication. World Health Organization, 1988. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/39485> (date of access: 05.05.2021).
- Global'naya likvidaciya ospy. Zaklyuchitel'nyj doklad Global'noj komissii po udostovereniyu likvidacii ospy [The global eradication of smallpox: final report of the Global Commission for the Certification of Smallpox Eradication]. VOZ. Zheneva, 1980. S. 16. (in Russ.) URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/>

10665/90863/a41438_rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y (date of access: 29.04.2021).

- Grejf A.** Instituty i put' k sovremennoj ekonomike: uroki srednevekovoj torgovli [Institutions and the Path to a Modern Economy: Lessons from Medieval Trade]. *Ekonomicheskaya sociologiya*, 2012, vol. 13, no. 2, pp. 35–58. (in Russ.)
- Hennock E. P.** Vaccination Policy Against Smallpox, 1835–1914: A Comparison of England with Prussia and Imperial Germany. *Social History of Medicine*, 1998, vol. 11, iss. 1, pp. 49–71.
- History of Vaccines. URL: <https://vaccines.procon.org/history-of-vaccines/> (date of access: 05.05.2021).
- Huerkamp C.** The History of Smallpox Vaccination in Germany: A First Step in the Medicalization of the General Public. *Journal of Contemporary History. Medicine, History and Society*, 1985, vol. 20, no. 4, pp. 617–635.
- Hüntelmann A. C.** Smallpox vaccination in the German Empire. Vaccination between biopolitics and moral economy. *Asclepio. Revista de Historia de la Medicina y de la Ciencia*, 2020, vol. 72, no. 1, p. 292.
- Krejton Ch.** Dzhenner i privivki. Strannaya glava istorii mediciny [Jenner and vaccinations. A strange chapter in the history of medicine]. London, 1889. (in Russ.) URL: <https://1796web.com/vaccines/opinions/creighton/creighton.htm> (date of access: 29.04.2021).
- Kubar O. I.** (ed.). Etika vakcinacii (kriterij nauchnogo i gumanitarnogo proryva). St. Petersburg, FBUN NIIEM imeni Pastera, 2018, 176 p. St. Petersburg.
- Ladnyj I. D., Loban K. M., Kesareva V. P., Marennikova S. S.** Ospa natural'naya [Smallpox]. Bol'shaya medicinskaya enciklopediya. Pod redakciej Petrovskogo B.V., 3-e izdanie. Tom 17. (in Russ.) URL: https://bme.org/index.php/OSPA_NATURAL'NAYA (date of access: 29.04.2021)
- Mihel D. V.** Ospa v kontekste istorii. *Logos*, 2007, no. 6 (63), pp. 17–40. (in Russ.)
- Mikirtichan G. L.** Iz istorii vakcinoprofilaktiki: ospoprivivanie [From the history of vaccination: smallpox vaccination]. *Rossijskij pediatricheskij zhurnal*, 2016, no. 1, pp. 55–62. (in Russ.)
- Mokir D.** Kul'tura, instituty i ekonomicheskij rost [Culture, institutions and economic growth]. In: Materials of the Conference “Understanding Institutions and Development Economics” (November 4–6, 2010). 2010, pp. 34–83. (in Russ.)
- National Vaccine Establishment. URL: <https://archive.org/details/b21362956/page/14/mode/2up> (date of access: 05.05.2021).
- North D. C.** Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development*, 1989, vol. 17, no. 9, pp. 1319–1332.

- Roberts Dzh. M., Uestad O. A.** Mirovaya istoriya [World History]. Moscow, Centrpoligraf, 2019, 1247 p. (in Russ.)
Royal Jennerian Society. URL: <https://archive.org/details/b30362714> (date of access: 05.05.2021).
- Svyatlovsky V. V.** Eduard Dzhenner. Ego zhizn' i nauchnaya deyatel'nost' [Edward Jenner. His life and scientific activity]. St. Petersburg, Tip. Yu. N. Erlih, 1891. (in Russ.)
- Swales J. D.** The Leicester anti-vaccination movement. *The Lancet*, 1992, vol. 340, no. 8826, pp. 1019–1021.
- Weber T. P.** Alfred Russel Wallace and the antivaccination movement in Victorian England. *Emerging infectious diseases*, 2010, vol. 16, no. 4, pp. 664–669.
- Williams N.** The implementation of compulsory health legislation: infant smallpox vaccination in England and Wales, 1840–1890. *Journal of Historical Geography*, 1994, vol. 20, no. 4, pp. 396–412.

Информация об авторе

Сания Исааковна Бояркина, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала Федерального Научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Information about the Author

Saniya I. Boyarkina, Senior Research Fellow, Associate professor, Candidate of Science in Sociology, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редколлегию 08.11.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.01.2022
*The article was submitted 08.11.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.01.2022*

Научная статья

УДК 316.4

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-71-86

Социальное государство на современном этапе: потенциал патернализма и провалы управления в условиях кризиса

Антон Олегович Овчаров¹

Татьяна Николаевна Овчарова²

^{1,2} Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия

¹ anton19742006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4921-7780>

² ovcharovat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7313-3168>

Аннотация

Осуществлен анализ имеющихся в литературе точек зрения на современное состояние социального государства и на патернализм как его управленческий принцип. Вопрос трансформации социального государства рассмотрен сквозь призму новых форм патернализма. Дана оценка конкретной формы патернализма, сформировавшейся в РФ, обоснована ее востребованность в условиях кризиса. Исследована проблема неэффективного государственного управления, указаны причины управленческих провалов. Сделан вывод о потенциале патерналистского социального государства в РФ для снятия социальной напряженности и смягчения негативных последствий кризиса.

Ключевые слова

социальное государство, кризис, патернализм, социальное иждивенчество, государственное управление, имитация

Благодарности

Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ, проект № 0729-2020-0056 «Современные методы и модели диагностики, мониторинга, предупреждения и преодоления кризисных явлений в экономике в условиях цифровизации как способ обеспечения экономической безопасности Российской Федерации»

Для цитирования

Овчаров А. О., Овчарова Т. Н. Социальное государство на современном этапе: потенциал патернализма и провалы управления в условиях системного кризиса // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 4. С. 71–86. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-71-86

© Овчаров А. О., Овчарова Т. Н., 2021

The Welfare State at the Present Stage: The Potential of Paternalism and Failures of Governance in Crisis Conditions

Anton O. Ovcharov¹, Tatiana N. Ovcharova²

^{1,2} Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹ anton19742006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4921-7780>

² ovcharovat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7313-3168>

Abstract

The paper offers an analysis of the positions available in the literature on the current state of the social state and paternalism as its managerial principle. The transformation of the welfare state is considered through the prism of new forms of paternalism. The analysis provides an assessment of a specific form of paternalism formed in Russia; its relevance in the conditions of the crisis is substantiated. The article also deals with the problem of inefficient public administration and indicates reasons for managerial failures. The conclusion is made about the potential of the paternalistic social state in Russia to relieve social tension and mitigate the negative consequences of the crisis.

Keywords

welfare state, crisis, paternalism, social dependency, public administration, imitation

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of the basic part of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project no. 0729-2020-0056 "Modern methods and models for diagnosing, monitoring, preventing and overcoming crisis phenomena in the economy in the context of digitalization as a way to ensure the economic security of the Russian Federation"

For citation

Ovcharov A. O., Ovcharova T. N. The Welfare State at the Present Stage: The Potential of Paternalism and Failures of Governance in Crisis Conditions. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 71–86. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-71-86

Актуальность темы социального государства обусловлена тем, что в основе его деятельности лежит создание условий для развития человека и его достойной жизни, обеспечение социальных прав и защита интересов большинства, что имеет особое значение в условиях кризиса. Переживаемый в настоящее время Россией кризис, в отличие от финансово-экономического кризиса 2009 г., «в подавляющей своей части является кризисом социальным, когда в наибольшей мере снижаются показатели благосостояния народа» [Аганбегян, 2020, с. 6]. Социальные реформы последнего времени говорят о том, что государство все больше «уходит» из социальной сферы, перекладывая на самих граждан всю полноту ответственности за свою жизнь и жизнь своей семьи, прослеживается тенденция

снижения государственного патернализма, и это, на наш взгляд, не способствует преодолению негативных последствий системного кризиса, переживаемого страной.

Проблематика социального государства является предметом исследования различных наук. Каждая из них изучает тот или иной аспект этого сложного общественного явления, научные исследования ведутся на эмпирическом и нормативном уровнях с преобладанием социально-экономического и правового подходов. Из современных тем при анализе социального государства, или, как терминологически более привычно для зарубежной литературы – государства всеобщего благосостояния, следует отметить тему развития государств всеобщего благосостояния в направлении экогосударств [Ottelin et al., 2018]. Рассматривается противоречивый характер связи социальных программ и преступности (негативная и позитивная роль социального обеспечения в государстве всеобщего благосостояния) [Rudolph, Starke, 2020]. В специальном выпуске журнала Европейских исследований [Polese et al., 2015] содержатся статьи о будущем государства всеобщего благосостояния в постсоциалистической Восточной Европе, которое видится авторам в двух основных направлениях: постсоциалистические государства будут развивать социальную политику по западноевропейским образцам или пойдут по другому, нетрадиционному, пути, создавая альтернативы капиталистической модели. Статьи этого выпуска имеют много общего, авторы исследуют «неформальность» как инструмент постсоциалистического общества, который дополняет формальные структуры социального обеспечения. Если государство всеобщего благосостояния в силу определенных обстоятельств не может в полной мере обеспечить то, что обещало, и возникает разрыв между правовыми положениями и фактическим выполнением, то это ведет к созданию неформальных структур и институтов социального обеспечения. Реформы, результатом которых стала «индивидуализация» социального обеспечения, отказ от обеспечения широкого слоя граждан и возложение бремени обеспечения на отдельных лиц и их семьи, означают введение неполного государственного обеспечения. И восполняют эту неполноту неформальные процессы и институты. Неформальность, определяемая как виды деятельности, которые выходят за рамки контроля государства, приносит пользу определенной части населения. Граждане полагаются на деятельность неформальных структур в ответ на неэффективное социальное обеспечение государства, его недостатки и неполноту.

Подобная тема находит отражение и в отечественной литературе. В статье [Плискевич, 2019] указывается на такие формы негосударственной поддержки населения, как сетевые сообщества, волонтерство, благотворительность и др., которые создаются для помощи тем, кто нуждается. Характеризуются они как

«коллективизм снизу» и этим отличаются от форм государственной опеки, основанных на «коллективизме сверху». Вопросы социальной помощи и поддержки рассматриваются в контексте проблемы патернализма, и новые формы негосударственного патернализма, основанные на самоорганизации, «коллективизме снизу», можно оценить как одно из направлений трансформирования патерналистского социального государства.

В отечественной и зарубежной литературе представлено немалое количество работ, в которых анализируются различные виды кризисов, выясняются их причины, оцениваются последствия. Наиболее исследованными в отечественной и зарубежной литературе оказываются финансово-экономические кризисы, см., например в работах [Игонина, 2019; Mohseni-Cheraghlou, 2016; Paul, 2020]. Но в современном мире кризис не может быть жестко привязанным к какой-либо отдельной подсистеме (сфере) общественной жизни, не затрагивая других. Парадигма локального кризиса в современных условиях исчерпала себя, кризисные явления в отдельной подсистеме общества так или иначе сказываются и на других его подсистемах, т.е. кризис обретает качество системного, затрагивает общество в целом и потому предполагает сопряженность с государственным управлением.

Однако специальных исследований, рассматривающих социальное государство и патернализм как его управленческий принцип в условиях системного кризиса, практически нет. Заслуживает внимания работа по теме государственного патернализма, в которой анализируются так называемые «патерналистские провалы», включая «управленческий провал», предопределяющие ухудшение благосостояния людей [Рубинштейн, Городецкий, 2018]. Поскольку снижение уровня благосостояния населения выступает важнейшим показателем современного кризиса, то, на наш взгляд, авторский концепт «управленческого провала» имеет методологическое значение при анализе особенностей государственного управления в условиях кризиса, о чем будет сказано далее.

Впервые понятие «социальное государство» было введено в конце XIX в. немецким ученым Л. фон Штейном и предполагало обязанность государства способствовать достижению блага для всех (в этом смысле социальное государство имеет черты патерналистского, хотя и не тождественно ему). Государственное управление должно работать на преодоление социального неравенства, восстановление социальной справедливости, создавать условия для развития каждой личности. Государство должно служить всему обществу, а не частным, групповым интересам.

Зародившись на Западе в условиях индустриального общества, социальное государство выступило институтом компромисса, снимающим риски конфлик-

тогенности, революционных потрясений по причине несовпадения интересов буржуазии и большинства трудящегося населения. Осознание политической элитой угроз своему положению со стороны рабочего движения, трезвая оценка социально-экономического положения работодателями привели к возникновению социального государства, которое сочетало экономическую эффективность рынка и принцип социальной справедливости, обеспечивало перераспределение доходов в пользу малоимущих слоев населения.

Европейская модель государства всеобщего благосостояния, как она сложилась в Германии, Швеции и других странах, имела высокую степень привлекательности. Но с середины 1970-х гг. идея социального государства стала терять свою значимость. Сегодня растет число исследований, в которых анализируются не просто проблемы и трудности социального государства, а ставится вопрос о кризисе социального государства в том виде, в каком оно сложилось к середине XX в. [Долматова, 2019; Лоскутова и др., 2020].

Кризис социального государства большинство авторов связывают с высокими и неэффективными расходами государственных бюджетов на социальные нужды, которые не стимулируют рост производительности труда, не способствуют трудовой мотивации. Приверженцы либеральной идеологии критикуют патерналистское социальное государство за то, что оно поощряет иждивенчество, не учитывает происходящие в обществе демографические и другие изменения, ущемляет права состоятельных граждан. И практически все сходятся в том, что социальное государство и патернализм как его основа нуждаются в трансформировании.

В развитых странах идут поиски новой модели социального государства. Предлагаются такие концепции, как, например, концепция безусловного основного дохода, концепция государства социального инвестирования [Социальное государство в странах ЕС, 2016]. Среди современных форм патернализма выделяют либертарианский, асимметричный, архаичный и др., также в литературе анализируются этапы государственного патернализма, который менял свое содержание и направленность в зависимости от экономической модели государства [Рубинштейн, Городецкий, 2018].

Как реакция на историческую исчерпанность той формы патернализма, которая предполагает поддержку государством всех членов общества, независимо от их социальной принадлежности, возникает такая его разновидность, как либертарианский, или новый патернализм. Авторы теории либертарианского патернализма Р. Галер и К. Санстейн первоначально изложили ее в ряде статей, а широкую известность она получила после выхода книги «Nudge» («Подталкивание»). На первый взгляд, выражение «либертарианский патернализм» кажется

сочетанием несочетаемого (оксюмороном), но авторы считают, что их версия патернализма, допускающая централизованное управление, вполне согласуется с либеральным принципом свободы выбора. Основой либертарианского патернализма выступает идея «подталкивания» человека к принятию индивидуально и общественно оптимальных решений в направлении, которое будет способствовать улучшению его благосостояния, не лишая возможности выбрать альтернативу.

В условиях рыночной экономики помощь со стороны государства, по мнению новых патерналистов, должны получать граждане, у которых не сформированы навыки, необходимые для рыночной экономики. Поэтому нужны специальные меры со стороны государства, чтобы такие граждане избежали принятия неправильных решений в силу ограниченной рациональности («нерационального выбора»). Государство может через социальные программы мягко повлиять на поведение граждан, «подтолкнуть» к принятию наилучшего решения, чтобы превратить их в рациональных субъектов. Подобные патерналистские действия государства предпринимаются, по мнению сторонников нового патернализма, в интересах самих граждан.

Оценка нового патернализма неоднозначная, о его позитивных моментах и благоприятных перспективах развития «в виде адресной государственной поддержки хозяйствующих субъектов» говорится, например, в [Родь и др., 2019, с. 11]. Критическое отношение высказывает Т. В. Чубарова, замечая, что данный патернализм может рассматриваться как «политически привлекательная форма свертывания социальных программ», когда его меры «направлены не на реальную помощь бедным и улучшение их положения, а на экономию средств путем ограничения круга получателей такой помощи» [Чубарова, 2017, с. 47]. На потенциальные проблемы «поведенческого подталкивания», которые «в ряде случаев могут оказаться весьма серьезными и даже перевесить преимущества» либертарианского патернализма, указывает А. В. Белянин [Белянин, 2018., с. 21–22]. В частности, он обращает внимание на возможность использования поведенческих знаний для целей манипулирования свободным выбором человека в эгоистических, а не общественных интересах, на неочевидность принимаемых решений как оптимальных с точки зрения человека, который изначально не склонен был их принять.

Патернализм в той или иной степени присущ любому государству, без определенной государственной опеки общество не может существовать. Но патернализм имеет разные исторические формы, его разновидности определяются критерием соотношения активности государства в решении социальных проблем и инициативности граждан в решении проблем благосостояния. «Старый патер-

нализм», свойственный ранним этапам социального государства, основывается на идее государственной опеки над всей социальной сферой, сосредоточением ресурсов для социальной защиты населения в руках государства, наличием у государства функции принуждения населения к определенному поведению. Стремление государства к такой отеческой заботе «от колыбели до могилы», отношение к гражданину как объекту управления для достижения заданных целей, приводит к нежелательным последствиям, в частности к разрушению личной свободы. Такой патернализм может быть назван «жестким» патернализмом.

Новый патернализм опирается на идеи поведенческой экономики, и его методы государственного управления представляют собой набор рекомендаций индивиду со стороны государства, с помощью которых государство приближает поведение индивидов к идеалу полной рациональности. Такой патернализм может быть назван «мягким», государство-патер помогает людям достичь благосостояния, не ограничивая при этом их свободу выбора. В либертарианском патернализме, можно сказать, представлен один из вариантов патерналистских установок социального государства, способного к трансформированию. При этом отметим, что концепция нового патернализма далеко не однозначная. Наряду с имеющимся потенциалом для повышения эффективности государственного управления в ней присутствуют недостатки, связанные с политикой «Nudge», что подвергается серьезной критике. Детальный разбор недостатков требует специального исследования и выходит за рамки данной статьи.

Патерналистское социальное государство способно к трансформированию, в ходе которого оно должно обрести новое качество, что позволит осуществлять его социальные функции в современных условиях более эффективно. Социально-экономическое развитие государства сегодня невозможно без проявления личной инициативы и постоянной заботы каждого о собственной судьбе. Социальное государство не должно монополизировать право на принятие решений, касающихся благополучия ее граждан, такое государство разрушает свободу человека и делает его пассивным перед государственными инициативами, Новое качество патерналистского социального государства основано на признании неотъемлемых прав личности на человеческое достоинство и свободное развитие, самоопределение, личную ответственность граждан за свое материальное благополучие.

Что касается России, то законодательное закрепление положения о РФ как социальном государстве еще не означает воплощения идеи социального государства на практике. Достаточно обоснованной, с нашей точки зрения, выглядит утверждение, что «сегодня ее следует считать минималистским социальным государством по форме (конституционный принцип) и несоциальным (и даже

в ряде случаев антисоциальным) по сути» [Резник, 2019, с. 48]. В России наблюдается чрезмерная дифференциация доходов, что подтверждают данные Росстата¹, и, как следствие, – неравный доступ населения к социальным благам. Это является показателем нарушения базового принципа социального государства – социальной справедливости.

Несмотря на социальную риторику, государство сегодня выражает интересы не большинства населения, а крупного капитала, в результате происходит нарастание социального неравенства, что, в свою очередь, порождает риски для власти и бизнеса. С нашей точки зрения, развитие и укрепление социального государства имеет значение не только для снятия социальной напряженности в обществе, но и для проведения государственной антикризисной политики.

Для России как государства всегда была характерна патерналистская система общественных отношений, предполагающая «отеческую» заботу государства о гражданах. На исторические корни и социокультурные основания этого положения обращают внимание многие авторы [см., например, Лубский, 2016; Гончаров, Прудников, 2018]. Конкретная форма патернализма, сформировавшаяся в России, обозначается как архаичный патернализм [Плискевич, 2019, с. 102]. Для архаичного патернализма характерно стремление государства расширять сферы своего влияния, беря под свой контроль и свою ответственность все большее количество областей общественной жизни. Российские граждане благосклонно оценивают такой патернализм. На вопрос о том, как должны складываться отношения между государством и его гражданами, 60 % ответили, что государство должно заботиться о своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни, и только 7 % респондентов поддержали ограничение вмешательства государства в жизнь и экономическую активность граждан².

Неизбежным спутником социальной политики патерналистского государства, по мнению ряда авторов, выступает социальное иждивенчество [Карпикова и др., 2018; Медиков, Демидова, 2020]. В самом общем виде иждивенчество означает отказ человека от забот о собственном материальном благополучии, желание решить свои проблемы через социальную помощь общества и государства. Для социального иждивенчества характерны потребительское отношение к жизни, завышенные требования к государству. Подобные ценностные установки, поведенческие стратегии граждан оцениваются, и небезосновательно, негативно со стороны авторов, исследующих это социальное явление.

¹ См.: Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_feb_2020.pdf (дата обращения 12.12.2021).

² См.: Общественное мнение – 2020. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2021/02/ОМ-2020.pdf> (дата обращения 12.12.2021).

Однако следует сделать важное уточнение, касающееся требований граждан к государству, которые квалифицируются как иждивенческие. Результаты социологических опросов говорят о том, что россияне мотивированы на труд. Только 10 % считают труд неприятной необходимостью и предпочли бы не работать вовсе. Треть работающих россиян (35 %) находят труд интересным, 44 % указывают на достойную оплату труда как основную мотивацию работать еще лучше³. Данные другого опроса свидетельствуют о том, что более 70 % респондентов сталкиваются с трудностями при устройстве на хорошую работу по специальности. При этом в условиях возможности выбора формы работы 17 % предпочли бы заниматься индивидуальной трудовой деятельностью, а 30 % – организовать собственный бизнес⁴.

Приведенные данные не говорят об иждивенческих установках россиян. Скорее мы сталкиваемся с двойственным отношением к государству: для большинства граждан государство должно быть патерналистским, проявлять заботу о людях, но забота не должна сводиться к эпизодической раздаче денег или другим разовым социальным мерам поддержки отдельных категорий граждан. Социальное государство – это общество труда, и труд требует защиты со стороны государства, а трудовая мотивация людей – совершенствования с учетом новых тенденций в сфере труда. Справедливо отмечено, что патерналистские ожидания населения многозначны, и не все из них можно оценить как проявление иждивенческой позиции [Долгаева, 2013, с. 190]. Результаты социологических исследований по проблеме патерналистских ожиданий позволяют выявить лишь самые обобщенные требования граждан к государству, для конечных выводов требуются операционализации и применение качественных методик.

Население России хочет жить в социальном государстве, которое ценит труд и человека-труженика, создает стимулы к трудоустройству, предоставляет рабочие места с достойной зарплатой, обеспечивает равные стартовые позиции для самостоятельной экономической активности граждан. Подобные требования к социальному государству говорят не об иждивенчестве, а о недостаточной эффективности социального государства по обеспечению социальных прав человека труда. Результаты социологических исследований можно интерпретировать и как требование к социальному государству выполнять свои конституционные обязательства по соблюдению и защите прав человека, в том числе и права

³ См.: Труд-2021: запрос на баланс жизнь / работа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trud-2021-zapros-na-balans-zhizn-rabota> (дата обращения 12.12.2021).

⁴ См.: Общественное мнение – 2018. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/03/OM-2018.pdf> (дата обращения 12.12.2021).

на предоставление человеку высокопроизводительных рабочих мест для самоактуализации в трудовой деятельности.

В условиях нестабильности, нарастания социального неравенства и роста напряженности, вызванных общим кризисом социальной системы, усугубляемым пандемией коронавируса, обостряются многие социальные проблемы, требующие активного участия государства, и этим обстоятельством обусловлена востребованность патернализма в его традиционной форме. Государством всеобщего благосостояния может называться такое государство, которое оказывает помощь в период кризиса всем гражданам, делает менее ощутимым его негативное воздействие на все группы населения, а не просто охватывает нерегулярной, от случая к случаю социальной помощью лишь некоторые. В кризис важно придерживаться той модели управления, которая препятствует углублению противоречий, способствует наиболее эффективному решению острых социальных проблем. Для современной России патернализм как управленческий принцип социального государства обретает особую значимость в качестве средства, способного удержать общество от разрушительного воздействия кризиса, смягчить его негативные последствия.

Главным показателем эффективности государственного управления, субъектом которого является политическая власть, выступает соответствие результатов управленческой деятельности поставленным государственным целям, намеченному политическому курсу на построение социального государства. Социальное государство, по определению, как социально-ответственный институт общества должно проводить политику в интересах всех категорий населения. На деле государственное управление в стране потеряло качество быть социальным, т. е. соответствовать общественным интересам и потребностям. Объяснение этому можно найти во внутренних особенностях механизма государственного управления, которые сложились еще до наступления кризиса, но наглядно и резко проявились во время кризиса.

В системе управления, неотъемлемой частью которой выступает чиновничество, внутренние нормы и правила, нацеленные на обслуживание личных интересов и потребностей чиновников, стали доминировать над правилами, способами управления обществом в интересах самого общества. Это одно из проявлений «управленческого провала», истоки которого можно видеть в исторически сложившихся особенностях государственной службы России.

Присущий каждой стране способ государственного управления отражает ее историю, а также социально-экономическую, геополитическую, культурную среду. На всем протяжении истории отечественная бюрократия была ориентирована на служение государственной власти или верховному правителю, а не на слу-

жение населяющему государство народу. Рассогласование личных интересов чиновников и интересов общества, подмена общенародных целей личными целями проявляет себя как кризис целеполагания, который можно рассматривать в качестве одной из причин неэффективности государственного управления. Сбалансированность личных интересов чиновников с общенародными потребностями возможна, но при наличии и четком осознании общей политической цели государственного развития. Таковой является конституционно закрепленная цель – построение социального государства. Подчинение всех звеньев государственного аппарата реализации его принципов на практике выступает фактором, способствующим повышению эффективности государственного управления. Административная власть не может быть деполитизированной (хотя чрезмерная ее политизация неконструктивна), она должна действовать в единстве с политической властью.

Провалы государственного управления, приводящие к проблемам с выполнением социальным государством своих обязательств, связаны с такими широко известными негативными проявлениями деятельности, как бюрократизм, формализм, коррупция, являющимися предметом критики в литературе. Преодоление негативных явлений возможно только в результате применения комплекса мер государственного и общественного характера. В частности, необходимо развитие законодательной базы государственной службы и антикоррупционного законодательства, совершенствование организации деятельности государственных органов и госслужащих, повышение открытости, «прозрачности» государственного управления, улучшение работы в области профессиональной подготовки кадров, использование государственной службой новых информационных технологий, выстраивание диалога власти и общества, чиновников и граждан.

Еще одной причиной «управленческого провала» выступает проникшая в практику государственного управления всеми значимыми сферами общественной жизни имитация. Об имитационном, показном аспекте жизни писал в свое время А. А. Зиновьев [Зиновьев, 2011, с. 202]. Аналогичные процессы мы наблюдаем и в современной России. На фоне серьезных проблем в обществе, требующих принятия социально ориентированных управленческих решений, чиновничество, в целях самосохранения своего привилегированного статуса, имитирует деятельность, создает видимость успешного реформирования общества. Особой формой управленческой имитационной практики является оценка деятельности не с точки зрения решаемых задач, а по формальным, количественным показателям (отчетам, рейтингам, проведенным мероприятиям) [Мельникова, 2020, с. 55]. Существует прямая связь между кризисными явлениями в обществе и имитационностью. Подмена сути реальных процессов их симулякрами связана

с попытками отвлечь население от реальных проблем, в корыстных целях (личных или корпоративных) выдать деградацию за успех. Манипулирование общественным сознанием направлено на легитимацию управленческих решений, имитирующих заботу об общем благе, но на деле отвечающих интересам узкой группы лиц, приближенных к власти. Доминирование во власти государственной бюрократии, обслуживающей собственные интересы, но при этом выдающей себя за социальную силу, действующую во имя общего блага – это деструктивный фактор, снижающий эффективность государственного управления. В условиях кризиса имитация жизненно необходимых управленческих решений несет с собой риски для будущего страны.

Список литературы

- Аганбегян А.** Как преодолеть стагнацию и новый кризис, обеспечив социально-экономический рост // Экон. стратегии. 2020. № 6. С. 6–19.
- Белянин А. В.** Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года) // Вопр. экон. 2018. № 1. С. 5–25.
- Гончаров И. В., Прудников А. С.** Государственный патернализм и права человека в современной России // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2018. № 3 (43). С. 57–61.
- Долгаева Е. И.** Патернализм или эффективное государство: социальные ожидания населения // Регионология. 2013. № 4 (85). С. 185–196.
- Долматова С. А.** Кризис социального государства на современном этапе глобализации: актуален ли К. Маркс? // Альтернативы. 2019. № 2. С. 44–51.
- Зиновьев А.** Несостоявшийся проект: Распутье. Русская трагедия. М.: АСТ, 2011.
- Иголина Н. А.** Финансово-экономический кризис: понятие и влияние на социальные права человека // Право и экономика. 2019. № 9 (379). С. 15–21.
- Карпикова И. С., Зимина Е. В., Соломеин А. А.** Социальное иждивенчество и социальный паразитизм в современной России: экспертная оценка причин и факторов существования // Изв. БГУ. 2018. № 1. С. 123–130.
- Лоскутова И. М., Синяев М. В., Панич Н. А.** Кризис социального государства и риски эволюции социальной структуры // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5 (147). С. 18–22.
- Лубский А. В., Лубский Р. А.** Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2016. № 3. С. 90–103.

- Медиков Е. В., Демидова Т. Е.** Социальное иждивенчество и социальный паразитизм в современной России: причины и факторы, влияющие на их появление // Социология. 2020. № 6. С. 88–93.
- Мельникова Т. П.** Феномен социальной имитации как фактор, влияющий на состояние национальной безопасности // Журн. Белорус. гос. ун-та. 2020. Социология. № 1. С. 53–59.
- Плискевич Н. М.** Архаика институтов и архаика патернализма: есть ли взаимосвязь? // Вопр. теор. экон. 2019. № 1(4). С. 100–115.
- Резник Ю. М.** Трансформация социального государства: от идеала к новым практическим формам // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социал. науки. 2019. № 2 (54). С. 44–51.
- Родь Ю. С., Хромцова Л. С., Костина О. В.** Есть ли у государственного патернализма альтернатива: «старые» и «новые» концепции? // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2019. № 10 (128). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42257212> (дата обращения 21.11.2021).
- Рубинштейн А. Я., Городецкий А. Е.** Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // Журн. институцион. исслед. 2018. Т. 10, № 4. С. 38–57.
- Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / Отв. ред. Ю. Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
- Чубарова Т. В.** Патернализм в современном обществе: от продуктовых карточек до безусловного дохода // Обществ. науки и современность. 2017. № 6. С. 43–54.
- Polese A., Morris J., Kovács B.** Introduction: The failure and future of the welfare state in post-socialism. *Journal of Eurasian Studies*, 2015, vol. 6 (1), pp. 1–5.
- Ottelin J., Heinonen J., Junnila S.** Carbon and material footprints of a welfare state: Why and how governments should enhance green investments. *Environmental Science and Policy*, 2018, vol. 86, pp. 1–10.
- Rudolph M., Starke P.** How does the welfare state reduce crime? The effect of program characteristics and decommodification across 18 OECD-countries. *Journal of Criminal Justice*, 2020, vol. 68, e101684.
- Mohseni-Cheraghlou A.** The aftermath of financial crises: A look on human and social wellbeing. *World Development*, 2016, vol. 87, pp. 88–106.
- Paul P.** A macroeconomic model with occasional financial crises. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 2020, vol. 112, e 103830.

References

- Aganbegyan A.** Kak preodolet' stagnatsiyu i novyi krizis, obespechiv social'no-ekonomicheskii rost [How to overcome stagnation and a new crisis, ensuring socio-economic growth]. *Ekonomicheskie strategii*, 2020, no. 6, pp. 6–19. (in Russ.)
- Belyanin A. V.** Richard Taler i povedencheskaya ekonomika: ot laboratornykh eksperimentov k praktike podtalkivaniya (Nobelevskaya premiya po ekonomike 2017 goda) [Richard Thaler and Behavioral Economics: From Laboratory Experiments to Nudge Practice (Nobel Prize in Economics 2017)]. *Voprosy ekonomiki*, 2018, no. 1, pp. 5–25. (in Russ.)
- Chubarova T. V.** Paternalizm v sovremennom obshchestve: ot produktovykh kartochek do bezuslovnogo dohoda [Paternalism in modern society: from food cards to unconditional income]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2017, no. 6, pp. 43–54. (in Russ.)
- Dolgaeva E. I.** Paternalizm ili effektivnoe gosudarstvo: social'nye ozhidaniya naseleniya [Paternalism or an Effective State: Social Expectations of the Population]. *Regionologiya*, 2013, no. 4 (85), pp. 185–196. (in Russ.)
- Dolmatova S. A.** Krizis social'nogo gosudarstva na sovremennom etape globalizatsii: aktualen li K. Marks? [The crisis of the welfare state at the present stage of globalization: is K. Marx relevant?]. *Al'ternativy*, 2019, no. 2, pp. 44–51. (in Russ.)
- Goncharov I. V., Prudnikov A. S.** Gosudarstvennyi paternalizm i prava cheloveka v sovremennoi Rossii [State Paternalism and Human Rights in Modern Russia]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2018, no. 3(43), pp. 57–61. (in Russ.)
- Igonina N. A.** Finansovo-ekonomicheskii krizis: ponyatie i vliyanie na social'nye prava cheloveka [Financial and economic crisis: the concept and impact on social human rights]. *Pravo i ekonomika*, 2019, no. 9 (379), pp. 15–21. (in Russ.)
- Karpikova I. S., Zimina E. V., Solomein A. A.** Social'noe izhdivenchestvo i social'nyi parazitizm v sovremennoi Rossii: ekspertnaya ocenka prichin i faktorov sushchestvovaniya [Social dependency and social parasitism in modern Russia: an expert assessment of the causes and factors of existence]. *Izvestiya BGU*, 2018, no. 1, pp. 123–130. (in Russ.)
- Kvashnin Yu. D.** (ed.). Social'noe gosudarstvo v stranah ES: proshloe i nastoyashchee [The Welfare State in the EU: Past and Present]. Moscow, IMEMO RAN, 2016. (in Russ.)
- Loskutova I. M., Sinyaev M. V., Panich N. A.** Krizis social'nogo gosudarstva i riski evolyutsii social'noi struktury [The crisis of the welfare state and the risks of the

evolution of the social structure]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2020, no. 5 (147), pp. 18–22. (in Russ.)

Lubsky A. V., Lubsky R. A. Etatizm i paternalizm kak kul'turnye markery civilizatsionnoi identichnosti v Rossii [Statism and Paternalism as Cultural Markers of Civilizational Identity in Russia]. *Gumanitarnii Yuga Rossii*, 2016, no. 3, pp. 90–103. (in Russ.)

Medikov E. V., Demidova T. E. Social'noe izhdivenchestvo i social'nyi parazitizm v sovremennoi Rossii: prichiny i faktory, vliyayushchie na ih poyavlenie [Social dependency and social parasitism in modern Russia: causes and factors affecting their appearance]. *Sociologiya*, 2020, no. 6, pp. 88–93. (in Russ.)

Melnikova T. P. Fenomen social'noi imitacii kak faktor, vliyayushchii na sostoyanie nacional'noi bezopasnosti [The phenomenon of social imitation as a factor affecting the state of national security]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologiya*, 2020, no. 1, pp. 53–59. (in Russ.)

Mohseni-Cheraghlo A. The aftermath of financial crises: A look on human and social wellbeing. *World Development*, 2016, vol. 87, pp. 88–106.

Ottelin J., Heinonen J., Junnila S. Carbon and material footprints of a welfare state: Why and how governments should enhance green investments. *Environmental Science and Policy*, 2018, vol. 86, pp. 1–10.

Paul P. A macroeconomic model with occasional financial crises. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 2020, vol. 112, e 103830.

Pliskevich N. M. Arhaika institutov i arhaika paternalizma: est' li vzaimosvyaz'? [Archaic Institutions and Archaic Paternalism: Is There a Relationship?]. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*, 2019, no. 1 (4), pp. 100–115. (in Russ.)

Polese A., Morris J., Kovács B. Introduction: The failure and future of the welfare state in post-socialism. *Journal of Eurasian Studies*, 2015, vol. 6 (1), pp. 1–5.

Reznik Yu. M. Transformatsiya social'nogo gosudarstva: ot ideala k novym prakticheskim formam [Transformation of the Welfare State: From ideal to new practical forms]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki*, 2019, no. 2(54), pp. 44–51. (in Russ.)

Rod Yu. S., Khromtsova L. S., Kostina O. V. Est' li u gosudarstvennogo paternalizma al'ternativa: “starye” i “novye” koncepcii? [Does state paternalism have an alternative: “old” and “new”]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2019, no. 10 (128). (in Russ.)

Rubinstein A. Ya., Gorodetsky A. E. Gosudarstvennyi paternalizm i paternalistskii proval v teorii opekaemykh blag [State paternalism and paternalistic failure in the theory of protected goods]. *Zhurnal institucional'nykh issledovaniy*, 2018, no. 10 (4), pp. 38–57. (in Russ.)

Rudolph M., Starke P. How does the welfare state reduce crime? The effect of program characteristics and decommodification across 18 OECD-countries. *Journal of Criminal Justice*, 2020, vol. 68, e101684.

Zinoviev A. Nesostoyavshiisya proekt: Rasput'e. Russkaya tragediya. [Failed Project: Crossroads. Russian tragedy]. Moscow, AST, 2011. (in Russ.)

Информация об авторах

Овчаров Антон Олегович, доктор экономических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Российский государственный университет правосудия

Овчарова Татьяна Николаевна, кандидат философских наук, доцент,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Information about the Authors

Anton O. Ovcharov, Doctor of Economics, Professor
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian State University of
Justice

Tatiana N. Ovcharova, PhD (Philosophy), Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

*Статья поступила в редколлегию 23.11.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.01.2022
The article was submitted 23.11.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.01.2022*

Научная статья

УДК 141.12; 316.344.42; 321.015; 342.33

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-87-98

Коллегиально разделенная власть: определение и критерии

Дмитрий Борисович Савельев

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
d.savelev@g.nsu.ru, dmitrijssawelyew@yandex.ru

Аннотация

Данная статья посвящена разработке концепции коллегиально разделенной власти (КРВ) Р. Коллинза. Формулируется определение КРВ и четыре критерия, связанных с формальным разделением властей: 1) наличие права парламента участвовать в формировании правительства; 2) наличие ответственности правительства перед парламентом; 3) отсутствие у главы государства полномочий назначать ставленников в законодательные учреждения; 4) соблюдение писанного закона всеми ветвями власти и подчиненными им структурами. Полученные результаты позволяют приступить в дальнейшем к более детальному изучению КРВ как ключевого элемента демократии.

Ключевые слова

коллегиально разделенная власть, транзитология, демократия, демократизация, разделение властей, формы правления, политические режимы

Для цитирования

Савельев Д. Б. Коллегиально разделенная власть: определение и критерии // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 4. С. 87–98. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-87-98

Collegially Shared Power: Definition and Criteria

Dmitriy B. Savelyev

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
d.savelev@g.nsu.ru, dmitrijssawelyew@yandex.ru

Abstract

The article focuses on the development of R. Collins' concept of collegially shared power (CSP). The author formulates a definition of CSP and four criteria associated with the formal separation of powers:

© Савельев Д. Б., 2021

1) the right of parliament to participate in the formation of government; 2) the responsibility of government to parliament; 3) the lack of authority of the head of state to appoint proxies to the legislative institutions; 4) the observance of written law by all branches of powers and their subordinate structures. The obtained results will contribute to a further, more detailed study of the CSP as a key element of democracy.

Keywords

collegially shared power, transitology, democracy, democratization, sharing of power, forms of government, political regimes

For citation

Savelyev D. B. Collegially Shared Power: Definition and Criteria. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 87–98. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-87-98

В наши дни уже сложилось понимание того, что демократические транзиты могут «зависать» [Макаренко, Мельвиль, 2014] и даже переживать периоды авторитарных откатов [Пшеворский, 2000, с. 62], что демократия не является некой финальной точкой развития политических режимов [Мельвиль, 2011, с. 296]. Согласно такому взгляду, любые государственные режимы могут под влиянием тех или иных факторов эволюционировать в том или ином направлении или, наоборот, фиксироваться в определенном состоянии вне зависимости от того, является ли такое движение демократизацией или движением, ей обратном («демократизацией»).

В данной статье *демократизация* вслед за Р. Коллинзом рассматривается как процесс, который имеет несколько измерений, одна из которых – уровень *коллегиально разделенной власти* (она же *коллегиальное разделение власти*, *коллегиальная разделенность власти* и т. п.; далее *КРВ*). Этот аспект подвергался слабой теоретизации, хотя имеет основания считаться *ключевой переменной* для эволюции политических режимов как к демократии, так и к авторитаризму [Коллинз, 2015, с. 201–206].

КРВ противопоставляется измерению *широты избирательного права*, причем сочетание высоких значений последней вкупе с низким уровнем КРВ соотносится с концепцией «чистой демократии» – восходящей к Ж.-Ж. Руссо идеей о непосредственности и монолитности воли и власти народа (*volonte generale*), которая *сама по себе* не подразумевает «сдержек и противовесов», а потому нередко используется для «демократической» легитимации *плебисцитарной автократии* [Руденко, 2012; Коллинз, 2015, с. 205]. Эксплицитного определения КРВ не даётся, однако указывается, что повышение её уровня связано с увеличением количества коллегиальных структур и их власти относительно центральной иерархии [Коллинз, 2015, с. 203].

Коллинз разрабатывает «геополитическую теорию коллегиальной власти», согласно которой становление КРВ происходит благодаря централизации коали-

ции нескольких военно-политических акторов с примерно равными ресурсами: вследствие невозможности сконцентрировать власть в руках одного актора и необходимости совместного противодействия общему противнику происходит формирование коллективной системы управления общими вооруженными силами, а умеренный геополитический успех вкупе со стабильной и долговременной общей угрозой стабилизируют и легитимируют сложившуюся структуру КРВ – таким путём, в частности, шли Венеция, Швейцария, Нидерланды и США [Коллинз, 2015, с. 196–258].

Но при этом он оговаривается, что возможен как минимум ещё один путь появления КРВ: «Противоположным случаем является тот, при котором централизованно управляемое государство слабеет из-за отсутствия военных и фискальных ресурсов. При его кризисе подчиненные единицы с небольшими независимыми силами противостоят фискальным требованиям со стороны центра и, наконец, соглашаются делать вклады в это государство, только если оно институционализирует некую структуру разделенной власти. Таков был путь демократизирующих революций в Англии и Франции» [Там же, с. 252–253]. В рамках актуального изучения демократических транзитов наиболее интересен именно этот путь становления КРВ, по которому должны направиться современные (модерные), уже централизованные государства для становления демократии в своих странах.

Коллинз полагает, что концепция КРВ вполне применима к современным государствам и режимам [Там же, с. 256–258], однако следует признать, что наличие централизованного государства должно вносить *значительные коррективы* в процесс становления КРВ: баланс ресурсов и возможностей *изначально смещён* в пользу проправительственных сил, поэтому трансформация должна *либо* носить относительно скоротечный характер (в качестве успешного или провального транзита), *либо* вести к явному распаду государственности со всеми многообразными разрушительными последствиями, а при *удачном стечении обстоятельств* должна сложиться достаточно развитая и эффективная система формальных и неформальных институтов, препятствующих возможной узурпации власти. Коллинз же, как первопроходец, уделил внимание *основным чертам* новой концепции и геополитическим факторам *параллельного становления* более-менее централизованного государства и коллегиальной демократии. Поэтому полагаться *исключительно* на теоретические наработки Коллинза не представляется возможным, а для развития концепции в обозначенном направлении требуется обращение к работам других авторов, в которых изложены идеи, в целом согласующиеся с концепцией КРВ.

Для изучения сценария «коллегиальной децентрализации» целесообразно в первую очередь дать *эксплицитное определение* КРВ, а затем указать *критерии*, позволяющие судить о наличии или отсутствии тех или иных элементов КРВ в определенных социально-политических обстоятельствах, что и является целью данной статьи. Это позволит в дальнейшем приступить к изучению по отдельным критериям *демократизации* как *процесса становления КРВ*, обладающего собственными факторами и динамикой.

В своей теории Коллинз основывается на соображениях М. Вебера [Вебер, 2016, с. 307–319]. Вебер писал: «Любое господство может быть лишено монархического (обусловленного *единоличностью* управления) характера путём введения принципа *коллегиальности* [везде курсив автора. – Д. С.]» [Там же, с. 307–308]. Для того чтобы коллегиальность в отношении верховной власти (а именно о ней *в конечном счете* и идет речь в любых концепциях демократии и демократизации) была достаточно стабильной и эффективной, она должна быть соответствующим образом оформлена в качестве *системы государственных институтов*.

Сразу же следует заметить, что за *формальным* выражением в коллегиальных учреждениях должно стоять некоторое *сущностное* разделение власти, поскольку *само по себе* наличие таких учреждений не является *необходимым и достаточным условием* разделения власти. Как пишет сам Вебер, «Господство может традиционно или рационально ограничиваться и сдерживаться при помощи *особых средств*. Речь не об ограниченности господства в силу традиции или устава как *таковых*... Нас интересуют здесь специфические ограничивающие господство социальные *отношения* и союзы [везде курсив автора. – Д. С.]» [Там же, с. 307].

Например, «Специфицированная коллегиальность может быть представлена *просто* группой советников, чьи высказывания “за” или “против” представляются *господину* для принятия им свободного решения... Деятельность коллегии здесь всегда ориентирована на *поддержку* власти господина [везде курсив автора. – Д. С.]» [Там же, с. 310] – здесь о *разделенности* власти не идёт и речи, но *коллегиальность*¹ *налицо*: наличествует *коллегия советников*, которая, однако, лишь весьма ограниченно может влиять на политику самодержца.

Другой пример – *однопартийные системы* при парламентской форме правления (КНР, Куба, Вьетнам): в них коллегиальность *подразумевается* законода-

¹ Здесь и далее термин «коллегиальность» используется в смысле Вебера – как наличие некоторого коллективного учреждения, находящегося в связи с единоличным правителем и чьи функции могут весьма различаться. Коллинз же иногда использует его как синоним КРВ (например, [Коллинз, 2015, с. 205–206]), однако, на наш взгляд, понятия коллегиальности и КРВ следует разделять.

тельным учреждением (как коллективностью его внутренней структуры, так и его положением в системе разделения властей), но КРВ *de facto* отсутствует, так как принятие *принципиально важных* политических решений вынесено из стен этого учреждения в политбюро или аналогичный партийный орган, что и является отличительной чертой таких систем.

С другой стороны, *реальная* КРВ может не всегда отображаться в представительном учреждении (если оно вообще существует), а являть собой *закрытый, неформальный сговор* элитных группировок (т. е. *олигархию*), что, разумеется, тоже имеет слабое отношение к демократии – для своей устойчивости КРВ должна быть *явной и подкрепленной* необходимыми институтами. Поэтому *увеличение полномочий коллегиальных учреждений и становление de facto нескольких автономных центров силы* следует считать двумя различными аспектами развития КРВ.

Согласно Й. Шумпетеру, о прямом выражении воли народа его политическими представителями речи идти не может. Люди лишь избирают тех, кому доверяют, а те, в свою очередь, ведут политическую деятельность исходя из собственных соображений. В его представлении «*демократический метод* – это такое *институциональное устройство* для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем *конкурентной борьбы* за голоса избирателей [курсив везде мой. – Д. С.]» [Шумпетер, 2008, с. 667]. Другими словами, государство лишь тогда можно назвать демократическим, когда его конституционный строй подразумевает контроль исполнительной власти законодательной властью, которая избирается населением на открытых и конкурентных выборах.

Д. А. Растоу в статье «Переходы к демократии: попытка динамической модели» [Растоу, 1996] пишет, что основа демократии – это тонкая грань между «навязанным единообразием» и «непримиримой враждой». При этом для её становления требуются два условия: *чувство общности* и *принятие демократических процедур*. Такую модель можно представить как сочетание двух тенденций – центробежной и центростремительной. К *центробежной* относятся понятное нежелание отдельных акторов при прочих равных ограничивать свою власть. К *центростремительной* же относятся те факторы, которые способствуют централизации власти в политике вокруг одного центра силы или системы институтов КРВ. Эти тенденции взаимодействуют и частично блокируют друг друга, что в итоге приводит к появлению *социального аттрактора* (кольцеобразной цепочки причинно-следственных связей факторов), при котором со временем разделенная власть стабилизируется и становится привычной, а процедуры смены власти сакрализуются.

Согласно А. Пшеворскому, «демократия – это система разрешения противоречий, в которой результаты зависят от того, что предпринимают стороны, но ни одна сила не контролирует происходящее» [Пшеворский, 2000, с. 30], а «Демократизация – это акт подчинения всех интересов борьбе, наделения неопределенности статусом института. Решающим шагом на пути к демократическому государству является передача власти от группы лиц своду правил» [Там же, с. 33]. Демократия является «системой разрешения противоречий» в том смысле, что в её рамках отношения между акторами структурируются *не только* «вертикально» (как отношения власти и подчинения), *но ещё и* «горизонтально» (как договорные отношения формально равных сторон). Именно поэтому общие результаты деятельности не зависят *исключительно* от одной стороны, т. е. ни одна сила не контролирует происходящее *полностью*, но происходящее контролируется акторами *вместе и коллективно*, ибо демократия не тождественна беспорядку. «Неопределённость наделяется статусом института» в том смысле, что *конкретные* результаты борьбы за власть *заранее* никому не известны, в отличие от *правил борьбы*, которые должны быть *гласными, четкими и честными*. И именно в этом смысле можно говорить о передаче власти «от группы лиц своду правил», т. е. о *верховенстве права*.

В статье, посвященной демократизации в аспекте КРВ, Н. С. Розов указывает, что «*Коллегиально разделенная власть...* – это не коллегиальный орган власти... но *взаимосвязь нескольких взаимно ограничивающих друг друга властных органов*, каждый из которых осуществляет определенный набор функций (например, судопроизводство или законотворчество) и может представлять те или иные заинтересованные в политике силы – влиятельный слой, большую группу населения, часть страны, всех избирателей и т. п. [езде курсив автора. – Д. С.]» [Розов, 2008, с. 79]. Данное определение является многоаспектным. С одной стороны, КРВ можно свести к *разделению властей* («специфицированному» по функциям – см. [Вебер, 2016, с. 318–319]), которое, разумеется, имеет важнейшее значение для полноценных демократий. С другой стороны, КРВ можно свести к *федерализму* как взаимосвязи некоторого числа локальных представительных (и связанных с ними исполнительных) органов. Впрочем, автор рассматриваемой статьи склоняется к широкой вариативности возможных единиц КРВ: «Будут ли это партии? Гражданские структуры? Общественные объединения солдатских матерей, автомобилистов, владельцев садовых участков и т. п.? Противостоящие друг другу “силовики”? Финансово-промышленные группы? Крупные государственные корпорации? Союзы губернаторов? Бизнес-сообщества разного уровня? Будущие независимые профсоюзы? Составные коалиции этих акторов? Список открыт» [Розов, 2008, с. 84].

В целом концепция КРВ и идеи рассмотренных авторов сводятся к тому, что в силу некоторых причин политические акторы не могут и/или не хотят как подчинить друг друга собственной авторитарной власти, так и обособиться каждый в своем «аллоде», поэтому им приходится обращаться к равноправным формальным договоренностям, согласно которым конкуренция между акторами продолжается, но уже мирным путем, не нарушая при этом общей учрежденной целостности.

Таким образом, *коллегиально разделенную власть* можно определить как *институализированное положение политических сил, при котором несколько автономных акторов (они же центры власти, центры силы, члены политической системы, внутриэлитные группы и т. п.) осуществляют коллективное управление государством.*

Поскольку в данной статье лишь намечаются пути к подробной разработке концепции КРВ, уместно остановиться только на одном аспекте, с позиций которого можно рассмотреть любое современное государство – на *формальном разделении властей.*

Полного, исчерпывающего перечня различных ветвей власти, которые подлежат разделению, по всей видимости, не существует. Начиная с Монтеस्कё традиционно выделяется три ветви: *законодательная, исполнительная и судебная.* Однако Сунь Ятсен, например, расширял их до пяти, добавляя к перечисленным *контрольную* (т. е. прокуратуру) и *экзаменационную* (противодействующую т. н. «железному закону олигархии») ветви власти [Сунь, 1985, с. 641–656]. Данный список может быть продолжен далее путём введения новых типов автономных учреждений. При этом вовсе не обязательно, что *одна* ветвь власти должна быть представлена *непрерывно только одной* высшей инстанцией, здесь Коллинз указывает только на их общее количество: «Для простоты давайте изобразим уровень коллегиальности власти выстроенным вдоль абстрактного континуума... По мере продвижения этого континуума, *число* коллегиальных структур *растет*, равно как и их относительная власть в сравнении с центральной иерархией [курсив везде мой. – Д. С.]» [Коллинз, 2015, с. 203].

Далее мы сконцентрируемся на взаимоотношениях *законодательной и исполнительной* ветвей. Типология разновидностей их взаимоотношений в политических и юридических науках называется классификацией *форм правления.*

Современные правоведы признают наличие проблем при классификации форм государственного правления: разные авторы предлагают свои типологии, заимствуют и переосмысливают концепции других авторов, взаимно друг друга критикуют (из русскоязычных – см., например, [Чиркин, 2001, с. 140–155; Иванов, 2008; Авдеев, 2013; Селютина, 2013; Нечкин, 2019]). При всём многообразии

подходов их объединяет то, что все они в конечном счете отталкиваются от «классического» деления государств на монархии (абсолютные, дуалистические, парламентские) и республики (президентские, смешанные, парламентские) [Авдеев, 2013, с. 116; Нечкин, 2019, с. 144].

В рамках данного исследования имеет смысл остановиться именно на классической классификации, ибо она всегда имела как дескриптивную, так и нормативную функцию – в ней одни формы правления представлялись отдельными социальными группами в качестве идеала общественного устройства, а другие были фактическими результатами конфликтов между этими группами (и именно потому им нашлось место в типологии). Поэтому некоторые авторы вполне уместно предлагают «классические» формы правления рассматривать как *идеальные типы*, а остальные располагать в условном континууме между ними: «На наш взгляд, новая модель (вид) формы правления образуется за счет смешения некоторых признаков “классических” видов форм правления, в результате чего и появляются “полупрезидентские”, “полупарламентские”, “суперпрезидентские”, монархические республики и т. д. Аналогичная ситуация наблюдается и с монархиями» [Авдеев, 2013, с. 116]. При этом в целом «Способ формирования правительства, его политическая ответственность и способ избрания главы государства [езде курсив автора. – Д. С.] являются ключевыми критериями, позволяющими различать виды форм правления друг от друга» [Там же, с. 118].

Сразу следует отметить, что от вопроса *избираемости главы государства* мы отвлекаемся, поскольку он в большей степени относится к аспекту избирательного права, чем к КРВ. И монарх, и президент могут играть в политике как самостоятельную роль, так и сугубо ведомую – это зависит не столько от *выборности* должности, сколько от *конституционного строя* государства и актуальных практик политического взаимодействия.

Поскольку «Коллегиальность исключительно совещательных корпораций существовала и будет существовать во все времена» [Вебер, 2016, с. 316], то *наименее* свойственными КРВ следует признать те формы правления, в которых коллегиальные учреждения являются *исключительно* совещательными. Соответственно, *наиболее* присущи КРВ те формы правления, в которых в которых правительство *связано* с парламентом отношениями *формирования* и *ответственности*.

Однако здесь возникает проблема, связанная с двойственностью парламентов как единиц КРВ.

С *одной стороны*, власти *единоличного* главы государства оппонирует власть *коллегиальная*, поэтому наиболее соответствующим КРВ следует считать то положение, при котором правительство зависит *только* или *преимущественно* от

коллегиального (законодательного) учреждения, поскольку последнее выступает в качестве площадки для взаимодействия центров силы, причем представлено в нём должно быть как минимум два таких центра. Это согласуется с данными исследований современных стран и объясняется тем, что модели с доминированием парламента более благоприятны для демократизирующихся государств, поскольку при таких моделях *власть оказывается разделенной, возникают гарантии от персоналистских авторитарных поползновений*, стимулируется вовлечение общества в политику, обеспечивается прозрачность законотворческого процесса [Акматалиева, 2013, с. 39; Макаренко, Мельвиль, 2014, с. 17].

С другой стороны, введение в структуру взаимоотношений «парламент – правительство» полномочного третьего элемента – главы государства как главы правительства – *увеличивает общее количество институализированных автономных центров*, что должно способствовать разделению властей. Однако в таком случае единоличная власть должна быть ограничена в другой «плоскости», иначе несбалансированная система КРВ будут существовать равно столько, сколько глава государства будет ей это позволять. Например, если в США широкие полномочия президента уже более двухсот лет успешно ограничиваются федерализмом, то французская конституция 1848 г., созданная под влиянием конституции США, сохранила унитарное устройство, что привело к концентрации власти в руках президента и позволило избранному на эту должность Луи-Наполеону Бонапарту всего через несколько лет сначала совершить переворот, а затем провозгласить себя императором [Всемирная история, 2014, с. 342–343].

Рассмотрение этой дилеммы требует, по всей видимости, отдельного подробного теоретического исследования на стыке политологии, юриспруденции и социальной философии. В рамках же данной статьи уместно остановиться на том, что *так или иначе* полномочный в отношении правительства парламент (у парламента есть право участвовать в формировании правительства, а правительство является ответственным перед парламентом) есть необходимое условие действенной КРВ, причем глава государства не должен иметь полномочий назначать своих ставленников в законодательные учреждения. Взаимоотношения же парламента, правительства, главы государства и любых других ветвей власти должны скрепляться «правлением законов, а не людей», т.е. верховенством права.

Таким образом, выведены следующие критерии КРВ:

- 1) наличие у парламента права участвовать в формировании правительства;
- 2) наличие у правительства ответственности перед парламентом;
- 3) отсутствие у главы государства полномочий назначать ставленников в законодательные учреждения;

4) соблюдение писанного закона всеми ветвями власти и подчиненными им структурами.

Данное в статье *определение* и полученные *критерии* не претендуют на *совершенную* окончательность, однако позволяют перейти к дальнейшей разработке концепции КРВ как сущностного элемента демократии в эмпирическом и теоретическом отношениях.

Список литературы

- Авдеев Д. А.** Классификация форм правления: новый взгляд или поиск критериев // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2013. № 3. С. 114–121.
- Акматалиева А. М.** «Цветные революции» и парламентаризм в контексте процессов демократизации на постсоветском пространстве // Сравнительная политика. 2013. №1 (11). С. 36–39.
- Вебер М.** Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: Высш. шк. экономики, 2016. Т. 1. Социология.
- Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2014. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации.
- Иванов В. В.** Формы правления и политического режима. В поисках нового содержания // Логос. 2008. № 6 (69). С. 121–155.
- Коллинз Р.** Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015.
- Макаренко Б. И., Мельвиль А. Ю.** Как и почему «зависают» демократические транзиты? Посткоммунистические уроки // Полит. наука. 2014. № 3. С. 9–39.
- Мельвиль А. Ю.** Опыт количественного и качественного анализа факторов демократизации // МЕТОД: Московский ежегодник трудов и общественных дисциплин. 2011. Вып. 2. С. 295–318.
- Нечкин А. В.** Форма правления в государствах мира: проблемы классификации и пути их возможного решения // Lex Russica. 2019. № 5 (150). С. 132–147.
- Пшеворский А.** Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 2000.
- Растоу Д. А.** Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15.
- Розов Н. С.** Коллегиально разделенная власть и условия поэтапного становления демократии в России // Полис. 2008. № 5. С. 74–89.
- Руденко В. Н.** «Чистая демократия» и ее атрибуты // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2012. Т. 10, № 3. С. 120–126.
- Селютин Е. Н.** Проблемы классификации форм государственного правления в современных условиях // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. 2013. № 4 (54). С. 39–42.

- Сунь Я. Конституция пяти властей // Избранные произведения. М.: Наука, 1985.
- Чиркин В. Е. Современное государство. М.: Междунар. отношения, 2001.
- Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008.

References

- Akmataliyeva A. M.** “Tsvetnyye revolyutsii” i parlamentarizm v kontekste protsessov demokratizatsii na postsovetском prostranstve [“Color Revolutions” and Parliamentarism in the Context of Democratization Processes in the Post-Soviet Space]. *Sravnitel'naia politika*, 2013, no. 1 (11), pp. 36–39. (in Russ.)
- Avdeev D. A.** Klassifikatsiia form pravleniia: novyi vzgliad ili poisk kriteriev [Classification of Forms of Government: A New Approach or a Search of Criteria]. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 3, pp. 114–121. (in Russ.)
- Chirkin V. E.** *Sovremennoe gosudarstvo* [Modern State]. Moscow, International Relations Publ., 2001. (in Russ.)
- Chubariyan A. O.** (ed.). *Vsemirnaia istoriia* [Modern history]. In 6 vols. Moscow: Nauka, 2014, vol. 5: *Mir v XIX veke: na puti k industrial'noi tsvivilizatsii* [The World in the Nineteenth Century: Toward an Industrial Civilization]. (in Russ.)
- Collins R.** *Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Moscow, URSS, 2015. (in Russ.)
- Ivanov V. V.** *Formy pravleniia i politicheskogo rezhima. V poiskakh novogo sodержaniia* [Forms of Government and Political Regime. In Search of New Content]. *Logos*, 2008, no. 6 (69), pp. 121–155. (in Russ.)
- Makarenko B. I., Melvil A. Yu.** *Kak i pochemu “zavisaiut” demokraticheskie tranzity? Postkommunisticheskie uroki* [How Do Transitions to Democracy Get Stuck and Where? Lessons from Post-Communism]. *Politicheskaiia nauka*, 2014, no. 3, pp. 9–39. (in Russ.)
- Melvil A. Yu.** *Opyt kolichestvennogo i kachestvennogo analiza faktorov demokraticzatsii* [The Experience of Quantitative and Qualitative Analysis of the Factors of Democratization]. *METHOD: Moskovskii ezhegodnik trudov i obshchestvennykh distsiplin*, 2011, iss. 2, pp. 295–318. (in Russ.)
- Nechkin A. V.** *Forma pravleniia v gosudarstvakh mira: problemy klassifikatsii i puti ikh vozmozhnogo resheniia* [Form of Government in Countries Around the World: Classification Problems and Their Possible Solutions]. *Lex Russica*, 2019, no. 5 (150), pp. 132–147. (in Russ.)
- Przeworski A.** *Demokratiia i rynek. Politicheskie i ekonomicheskie reformy v Vostochnoi Evrope i Latinskoi Amerike* [Democracy and Market: Political and Eco-

- conomic Reforms in Eastern Europe and Latin America]. Moscow, ROSSPEN, 2000. (in Russ.)
- Rozov N. S.** Kollegial'no razdelennaia vlast' i usloviia po etapnogo stanovleniia demokratii v Rossii [Collegially Shared Power and the Conditions for the Gradual Establishment of Democracy in Russia]. *Polis*, 2008, no. 5, pp. 74–89. (in Russ.)
- Rudenko V. N.** “Chistaia demokratiia” i ee atributy [“Pure democracy” and its attributes]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofii*, 2012, vol. 10, no. 3, pp. 120–126. (in Russ.)
- Rustow D. A.** Perekhody k demokratii: popytka dinamicheskoi modeli [Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model]. *Polis*, 1996, no. 5, pp. 5–15. (in Russ.)
- Seliutina E. N.** Problemy klassifikatsii form gosudarstvennogo pravleniia v sovremennykh usloviakh [The Problem of Classifying the Forms of Government in Modern Conditions] *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 4 (54), pp. 39–42. (in Russ.)
- Shumpeter I. A.** Teoriia ekonomicheskogo razvitiia. Kapitalizm, sotsializm i demokratiia [The theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy] Moscow, Eksmo, 2008. (in Russ.)
- Sun Y.** Konstitutsiia piati vlastei [Five-Yuan Constitution]. In: *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works]. Moscow, Nauka, 1985. (in Russ.)
- Weber M.** Khoziaistvo i obshchestvo: ocherki ponimaiushchei sotsiologii [Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology]. Moscow, High School of Economics Publ., 2016, vol. 1: Sotsiologiya [Sociology]. (in Russ.)

Информация об авторе

Дмитрий Борисович Савельев

магистрант Института философии и права Новосибирского государственного университета

Information about the Author

Dmitriy B. Savelyev

Graduate Student, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University

*Статья поступила в редколлегию 15.12.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.01.2022
The article was submitted 15.12.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.01.2022*

Научная статья

УДК 32.019.52

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-99-116

Философский и социологический ракурсы рассмотрения проблемы идеологии

Илья Вячеславович Демин

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева

Самара, Россия

ilyadem83@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5821-3031>

Аннотация

Проводится различие между двумя ракурсами рассмотрения феномена идеологии – философским и социально-эмпирическим. Для описания философского аспекта проблемы идеологии вводится термин «идеологическая парадигма». Показано, что различие между идеологией как конкретным комплексом убеждений и идеологией как парадигмой социально-политического мышления имплицитно присутствует как в тех концепциях, которые видят в идеологии по преимуществу социально-когнитивный феномен, так и в тех, которые рассматривают её как феномен дискурсивный. Обоснован тезис о том, что ключевые проблемы современной теории идеологии (основания различения идеологических и неидеологических способов социальной идентификации, соотношение идеологических убеждений и общезначимых социальных знаний, ошибочная идеологическая самоидентификация) не могут быть решены без обращения к понятию «идеологическая парадигма».

Ключевые слова

идеология, теория идеологий, критика идеологии, идеологическая парадигма, язык идеологии, лингвистический поворот, социальная идентичность

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-2252.2021.2 «Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ»

Для цитирования

Демин И. В. Философский и социологический ракурсы рассмотрения проблемы идеологии // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 4. С. 99–116. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-99-116

© Демин И. В., 2021

Philosophical and Sociological Perspectives of Consideration of the Problem of Ideology

Ilya V. Demin

Samara National Research University
Samara, Russian Federation
ilyadem83@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5821-3031>

Abstract

The article focuses on the difference between the two perspectives of considering the phenomenon of ideology: philosophical and socio-empirical. To describe the philosophical aspect of the problem of ideology, the term “ideological paradigm” is introduced. The distinction between ideology as a specific set of beliefs and ideology as a paradigm of socio-political thinking is implicit in both socio-cognitive and linguistic theories of ideology. The most important problems of the modern theory of ideology cannot be solved without referring to the concept of “ideological paradigm”.

Keywords

ideology, theory of ideologies, criticism of ideology, ideological paradigm, language of ideology, linguistic turn, social identity

Acknowledgements

The article was prepared with the support of the Presidential Grants Council of the Russian Federation, project MD-2252.2021.2 “The Political language of Russian Conservatism: cultural and semiotic analysis”

For citation

Demin I. V. Philosophical and Sociological Perspectives of Consideration of the Problem of Ideology. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 99–116. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-99-116

Понятие идеологии принадлежит к числу наиболее часто используемых и в то же время наименее ясных и определённых. По словам Г. И. Мусихина, идеология «является одним из самых распространенных терминов в мире политического и одновременно одним из самых оспариваемых понятий в пространстве политической теории» [Мусихин, 2013б, с. 9]. Несмотря на разностороннюю критику этого понятия, оно по-прежнему сохраняет своё значение, порождая новые концептуализации, провоцируя научные и околонучные дискуссии.

Задача статьи состоит в обосновании необходимости различения двух дисциплинарных контекстов употребления термина «идеология» и соответствующих им ракурсов рассмотрения идеологических феноменов. Значимость данной задачи для социального познания обусловлена тем обстоятельством, что терминологическая путаница, часто сопровождающая не только политические, но и теоретические дискуссии вокруг понятия «идеология», зачастую простирается

из неразличения двух аспектов (философско-парадигмального и социологического) проблемы идеологии.

В начале XXI в., как справедливо отмечает О. Ю. Малинова, понятие идеологии «употребляется в столь разных смыслах, что нет никакой надежды дать ему четкое и единственное определение» [Малинова, 2003, с. 30]. Наличие в современной исследовательской литературе множества трактовок и определений идеологии, ориентированных на различные философские и методологические направления (марксизм и постмарксизм, социология знания, структурализм и постструктурализм, философская герменевтика, семиотика культуры), локализованных в разных дисциплинарных и междисциплинарных контекстах (политическая философия, история идей, политическая социология, культурология, политическая лингвистика), делает актуальной задачу типологии. В контексте данной статьи представляется целесообразным ограничиться двумя вариантами типологии трактовок идеологии и подходов к её изучению.

1. Многообразие подходов к пониманию идеологии и направлений её исследования можно упорядочить, взяв за основу критерий *проблемного поля*. В философии XX в. обнаруживаются два мощных полюса притяжения (и отталкивания), во многом определяющих проблематику и исследовательские стратегии социально-гуманитарных наук, – «сознание» и «язык». Исходя из этого, в теории идеологии целесообразно выделять исследовательские подходы и направления, рассматривающие идеологию по преимуществу как форму общественного сознания¹, и подходы, предполагающие анализ идеологии как формы языка². В первом случае идеология предстает в качестве *социально-когнитивного* феномена, а её концептуализации осуществляются на стыке социальной философии, эпистемологии и истории идей. Во втором случае идеология мыслится как феномен *социально-лингвистический*, и концептуализация этого понятия осуществляется в проблемном поле философии языка, семиотики и теории культуры. Наконец, в отдельную, третью, группу следует выделить исследования, в рамках которых идеология рассматривается и как социально-когнитивный, и как лингвистический (дискурсивный) феномен³.

¹ Помимо анализа идеологии в классическом марксизме и «социологии знания» К. Манхейма сюда следует отнести теорию «деидеологизации» (Д. Белл, С. М. Липсет, Р. Арон), структурно-функциональный подход (Т. Парсонс, Д. Истон, Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, Д. Аптер, Н. Луман) и концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы.

² Здесь в первую очередь следует упомянуть различные постструктуралистские (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Бодрийяр) и постмарксистские (А. Бадью, С. Жижек, Ш. Муфф, Э. Лакло) трактовки идеологии. К этой же группе нужно отнести и критический дискурс-анализ Т. А. ван Дейка.

³ В последние десятилетия подход, в рамках которого идеология рассматривается как гибридный когнитивно-дискурсивно-социальный феномен, получил широкое распространение в работах как

2. Второй вариант типологии связан с проблемой *оценки* социально-когнитивного статуса идеологии. Во всем многообразии современных философских, социально-политических, психологических, исторических, лингвистических исследований феномена идеологии можно выделить два подхода – критический и нейтральный (см.: [Бурсевиц, 2010]).

В рамках критического подхода, восходящего к классическому марксизму, *познавательная* задача изучения идеологии подчиняется задаче *практической*, то есть *политической*. Такую стратегию критики идеологии можно назвать *идеологической*. В отличие от научной (или научно-философской) критики, требующей от исследователя «равноудалённости» по отношению ко *всем* содержательно конкретным идеологическим позициям, идеологическая критика – это всегда «разоблачение» *одной идеологии с позиций другой*⁴. Идеологическая критика идеологии, строго говоря, вообще оказывается за пределами научной рациональности (по крайней мере, в классическом её понимании)⁵.

В рамках нейтрального подхода термин «критика» применительно к идеологическому сознанию используется в кантовском смысле: критика есть прояснение оснований и установление границ⁶. Исследователи, придерживающиеся нейтрального подхода, ориентируются на выработку *безоценочного* понимания идеологии и разработку адекватных такому пониманию стратегий исследования⁷. Укорененная в марксистской традиции, но давно уже вышедшая за её пре-

западных (К. Гирц, М. Фриден, Дж. Балкин), так и отечественных (А. И. Соловьев, Г. И. Мусихин) исследователей.

⁴ Петер Слотердаjk удачно назвал данный феномен «взаимным выслеживанием идеологий» [Слотердаjk, 2001, с. 7].

⁵ Каких бы методологических презумпций и исследовательских стратегий ни придерживались сторонники «критического подхода», они неизбежно сталкиваются с пресловутым «парадоксом Манхейма» (см.: [Малинкин, 2015]). Суть этого парадокса в следующем: поскольку идеология является функцией социального бытия субъекта и внеидеологической позиции в пространстве политического быть не может, постольку любая *критика идеологии* с неизбежностью оказывается *идеологической критикой* (то есть критикой одной идеологии с позиций другой). Задача выработки неидеологического (безоценочного) понятия идеологии, таким образом, не просто остаётся нерешённой, но оказывается в принципе *неразрешимой*.

⁶ Критика нейтрального подхода и реактуализация марксистского понимания идеологии как «ложного сознания» дается в статье Э. Ю. Соловьева «Философия как критика идеологий». Автор усматривает миссию философии в деидеологизации общественного и индивидуального сознания. Термин «критика» в названии и тексте статьи используется отнюдь не в кантовском смысле, а скорее как синоним «преодоления», «изживания» (см.: [Соловьев, 2018]).

⁷ Свободное от оценок *понятие идеологии* часто ошибочно смешивается со свободным от оценок отношением к тем или иным *конкретным идеологиям*. Если второе действительно невозможно, то первое не только возможно, но даже необходимо. Подобно тому как свободное от оценок понятие религии вовсе не предполагает религиозного релятивизма или индифферентизма, так же и безоце-

дела трактовка идеологии как «ложного сознания» и «иллюзорного видения социальной действительности» в рамках нейтрального подхода утрачивает свою легитимность и пересматривается.

Далее мы будем говорить по преимуществу о нейтральном подходе, оставляя за скобками ряд современных направлений, в которых изучение идеологии подменяется её разоблачением, а социальная наука и политически ангажированная практика образуют причудливый симбиоз⁸.

Феномен идеологии может быть развернут и представлен в двух ракурсах – научно-эмпирическом и социально-философском. Каждому из этих ракурсов соответствует определенный способ употребления термина «идеология». Рассмотрим их.

Определяющим для понимания феномена идеологии в рамках социологических, политологических, психологических, лингвистических и прочих научно-эмпирических исследований является тот факт, что термин «идеология» выступает в качестве *характеристики определенных социальных групп или институтов*. Это, пожалуй, наиболее общая и в то же время наименее содержательно конкретная характеристика идеологии. Так понятая идеология есть функция социального существования, причём эта функция всегда «привязана» к конкретному социальному субъекту («идеология среднего класса», «идеология этнических меньшинств» и т. д.) или структуре («идеология современной России», «официальная идеология государства»). Идеология как «конкретно-историческая идеология» представляет собой содержательно определенный комплекс верований, убеждений, ценностей, установок, носителем (и/или продуктом) которых выступает та или иная социальная общность прошлого или настоящего. Конкретные трактовки этого понятия в рамках отдельных теорий и содержательные различия между ними в данном случае нас не интересуют⁹.

ночное понятие идеологии не имеет ничего общего с «идеологической беспристрастностью» субъекта социального познания. Важные пояснения на этот счет были сделаны Клиффордом Гирцем в статье «Идеология как культурная система» [Geertz, 1964].

⁸ Ярким примером такого рода выступают постмарксистские концепции Э. Лакло и Ш. Муффа, С. Жижека, К. Кастириадиса. Общий знаменатель этих концепций составляют принципы антиэссенциализма, антиуниверсализма и антителеологизма, а также своеобразно понятый «практический поворот» (См.: [Борисов, Инишев, Фурс, 2008. С. 148–152]).

⁹ Содержание идеологии может проявляться через понятия «социальный интерес», «социальное напряжение», «гегемония», «легитимация господства», «дискурс» и т. д. Идеология может рассматриваться как целостная система (или эклектичный набор) присущих группе коллективных верований и убеждений. Эти верования и убеждения (а также социальные презумпции, ценностные установки), в свою очередь, могут мыслиться как *порождающие* определенные дискурсивные практики или как *порождаемые* последними. Об основных исследовательских подходах к анализу идеологии см.: [Мусихин, 2013а].

Рассмотрим теперь понятие идеологии в ином – социально-философском – ракурсе. Для обозначения этого ракурса воспользуемся термином «парадигма». Данный ракурс задаёт иной контекст употребления термина. Слово «идеология» и в научном, и в политическом языке используется для обозначения таких конструкций, как «анархизм», «классический либерализм», «социал-консерватизм», «коммунитаризм», «феминизм», «экологизм», «солидаризм», «христианский социализм» и т. д. Очевидно, что во всех этих случаях термин «идеология» имеет уже иное значение, нежели «спектр верований и убеждений, присущих социальной группе». Ни один из приведённых «измов» не может рассматриваться как выражение интересов или идентичности той или иной социальной группы. Каждая из приведенных «идеологических парадигм» претендует быть чем-то большим и иным, нежели системой коллективных верований отдельных групп¹⁰. Что «делает» идеологическая парадигма, какова её функция в контексте социальной жизни? В отличие от «конкретно-исторической идеологии», которая «выражает интересы» группы и/или обеспечивает групповую идентичность, «идеологическая парадигма» *структурирует* социально-политическое пространство, делает его понятным и осмысленным. Так понятая идеология придаёт семантическому полю политики структурированность, «картографирует» территорию политического, причём разные идеологические парадигмы (либерализм, социализм, консерватизм) делают это по-разному¹¹.

В чем принципиальные отличия позитивно-научного ракурса рассмотрения идеологии от социально-философского?

1. Идеология, исследуемая в позитивно-научном (социологическом, психологическом, лингвистическом и т. д.) ключе, предстаёт как нечто локальное, «партикулярное», не имеющее универсалистских притязаний. Идеология как гарантия (или возможность) социальной идентичности группы не может рассматриваться как нечто *универсальное* (или *претендующее на универсальность*).

¹⁰ В данном случае не имеет принципиального значения, с каким из двух базовых понятий мы связываем функционирование идеологии как конкретно-исторического комплекса убеждений – с понятием «интереса» или понятием «идентичности». Идеология может рассматриваться как «выражение интереса» или как «выражение идентичности», в обоих случаях она мыслится как характеристика конкретных социальных общностей.

¹¹ Несмотря на то что идеологическая парадигма, несомненно, выполняет «мировоззренческую» (или даже *мирораскрывающую*) функцию, ставить знак равенства между «идеологией» и «мировоззрением» было бы неправильно. Во-первых, не всякие представления об обществе, государстве, праве в рамках мировоззрения можно назвать идеологическими (они могут иметь не идеологическую, а религиозную или мифологическую природу). Во-вторых, идеология никогда не исчерпывает собой всего мировоззрения. Понятия «идеология» и «мировоззрение» соотносятся как надводная и подводная части айсберга. В целом можно принять предложенную У. Матцем трактовку идеологии как «политико-социального мировоззрения» Нового времени (см.: [Матц, 1992, с. 136]).

Даже такие примеры, как «господствующая идеология», «официальная идеология», «государственная идеология», не являются здесь исключением. «Официальная» идеология предполагает существование идеологий «неофициальных», «оппозиционных»; идеология может быть «господствующей» только потому, что она не является единственной и т. д. В противоположность этому идеология, рассматриваемая в *философском* ключе, содержит в себе универалистские притязания, то есть претендует на то, чтобы быть учением и системой знаний об «обществе как таковом», «сущности» права и государственной власти и т. д. Иными словами, всякая идеологическая парадигма обладает имманентной склонностью к *самогипостазированию*.

2. Конкретно-историческая идеология, обеспечивающая групповую идентичность, в содержательном отношении, как правило, эклектична, фрагментарна и по своей внутренней организации более напоминает лоскутное одеяло, нежели научную теорию или философскую систему. Идеология как фактор групповой идентичности может включать представления, заимствованные из различных идеологических парадигм, метафизических, этических, политико-правовых доктрин, религиозных и мировоззренческих учений. Иными словами, содержание конкретно-исторической идеологии *гетерогенно*. Идеология же, рассмотренная в философском ракурсе, уже не является эклектичным набором разнородных элементов. Она представляет собой концептуальное единство, системную взаимосвязь¹².

Идеология, рассматриваемая в первом аспекте, исчерпывается теми социальными функциями, которые она выполняет в конкретную эпоху и в конкретном социально-историческом контексте. Главной функцией, которая традиционно приписывается идеологии, состоит в обеспечении групповой идентичности. Идеология, по словам Г. И. Мусихина, «упорядочивает коллективные представления своих сторонников» [Мусихин, 2011, с. 129], задаёт «схематизацию групповой идентичности» [Там же, с. 143]. Не ставя под сомнение значимость данной функции, отметим, что идеология как конкретная система верований и убеждений может задавать схему идентичности социальной группы *благодаря тому*, что члены группы всякий раз обнаруживают себя в упорядоченном и структурированном *идеологическими парадигмами* социальном пространстве.

При такой трактовке понятия «идеологическая парадигма» как будто окончательно стирается грань между социально-философскими и политико-правовыми

¹² Разумеется, нельзя сказать, что каждая из названных идеологических доктрин представляет собой стройную, логически непротиворечивую систему мысли. Однако стремление к целостности и завершенности столь же характерно для идеологических построений этого типа, как и претензия на универсальную значимость.

учениями, с одной стороны, и идеологиями – с другой; философские трактовки общества, истории, государства начинают рассматриваться в качестве *концептуальных оснований* идеологий или даже полностью отождествляются с последними. Следуя в этом русле, мы получаем привычные хрестоматийные формулировки, вошедшие в научную литературу, учебники, словари: «Дж. Локк является родоначальником классического европейского либерализма»; «Иван Ильин в своем учении о государстве и праве заложил основы либерального консерватизма»

и т.д. История политической философии здесь как будто окончательно сливается с историей идеологий.

Не углубляясь в проблему соотношения философии и идеологии (проблему идеологической «нагруженности» социально-философского знания), заметим, что смешение философских учений с идеологическими парадигмами затрагивает лишь тот тип философской рефлексии, который принято именовать «догматическим», «спекулятивным» или «метафизическим». В тех случаях, когда философия берет на себя функцию формирования *определенного, содержательно конкретного мировоззрения*, отождествляемого, как правило, с одним из философских «измов», ей действительно не избежать смешения с идеологией, если понимать последнюю как «парадигму» политического мышления. Однако такое смешение не грозит тем направлениям, которые на протяжении всего XX в. стремились дистанцироваться от «мировоззренческого» понимания философии¹³.

Различие между философско-политическими концепциями и идеологическими учениями не сводится к различию «теоретической» и «практической» ориентаций. Дело не в том, что «мир философии политики связан с поисками истины, с последовательностью и непротиворечивостью идей», а «мир идеологии связан с приложением идей на практике, как бы они ни были непоследовательны, неполны или противоречивы» [Малинова, 2001, с. 15]. Ориентация на поиск истины не помешала многим философам сыграть важную (если не решающую) роль в истории идеологий (достаточно назвать имена Дж. Локка, К. Маркса, К. Шмитта). Историческое развитие философии дает немало примеров учений, применительно к которым невозможно провести *никакого* различия между «политической философией» и «идеологией» (причём речь идёт о мысли-

¹³ Здесь следует упомянуть прежде всего неокантианство, феноменологию, аналитическую философию, семиотику и философскую герменевтику. Намеченная трактовка понятия идеологической парадигмы отсылает прежде всего к таким философско-методологическим направлениям и исследовательским программам, как семиотика культуры и теория символических форм Э. Кассирера и С. Лангер. Однако детальная проработка этого понятия, выявление его философских оснований и эвристического потенциала – задачи, выходящие за пределы данной статьи.

телях, относящихся к разным частям политико-идеологического «спектра»). Возможность разрешения запутанной проблемы соотношения философии и идеологии, на наш взгляд, связана, во-первых, с раскрытием содержания понятия «идеологическая парадигма», во-вторых, с различением двух типов социально-философской рефлексии (метафизического и постметафизического). Кроме того, нельзя не признать, что опасения по поводу смешения, взаимопереплетения политической философии и идеологии, истории политических учений и истории идеологий в значительной степени есть следствие «рецидива» марксистской трактовки идеологии как «ложного сознания». Вернемся к различию двух аспектов проблемы идеологии.

Если задача социальных наук состоит в изучении идеологии как комплекса верований, убеждений, ценностей, присущего определенным социальным группам, то задачей постметафизической социальной философии является анализ и критика *идеологических парадигм*. Однако между этими двумя понятиями идеологии и ракурсами её рассмотрения не существует никакого барьера. Содержательное «наполнение» исторически-конкретных идеологий осуществляется посредством включения в их состав элементов различных идеологических парадигм, а последние, в свою очередь, не будучи оторванными от социально-исторической жизни вневременными сущностями, трансформируются в стихии социально-политической жизни.

Содержательные различия между идеологическими парадигмами (например, либерализмом и консерватизмом) *отчётливее проявляются* в трактатах по философии права или теоретической социологии, нежели в изучаемых политологии и политической лингвистикой программах партий и листовках (в силу того, что язык теоретического знания отличается большей строгостью и рефлексивностью, нежели язык публичной политики). Однако из того, что «парадигмальная» упорядоченность социальной действительности оказывается более заметна на уровне *языка философии*, не следует, что идеологические парадигмы есть оторванные от социальной жизни «философские абстракции», пригодные лишь для упорядочивания и классификации политических учений.

Несмотря на обозначенную тесную взаимосвязь, взаимообусловленность социально-исторического и «парадигмального» аспектов идеологического сознания, важно избежать смешения двух понятий, обозначаемых одним и тем же термином «идеология».

Понятие «идеологической парадигмы» позволяет по-новому взглянуть на проблему реконструкции истории идеологий и политических идей. Следует согласиться с О. Ю. Малиновой, что каждая из «великих идеологических традиций» XIX века (либерализм, социализм, консерватизм) в XX веке претерпела су-

ществленные трансформации, но едва ли можно принять тезис о том, что «в настоящее время ни одну из этих идеологий нельзя свести к какой-то одной форме» [Малинова, 2001, с. 21]. В этом случае следовало бы признать, что значение понятий «либерализм», «социализм», «консерватизм» задаётся *сугубо контекстуально* (или даже *конвенционально*). Мы исходим из того, что при всех различиях конкретных исторических и политических конфигураций либерализма, у них имеется некое «жёсткое ядро» или «общий знаменатель». Именно его мы и называем «либеральной идеологической парадигмой».

Разберем возражение самого общего порядка, которое может возникнуть в связи с представленным в статье различием двух аспектов идеологии. Суть его можно сформулировать в виде трех взаимосвязанных вопросов. 1. Какое значение может иметь понятие «идеологическая парадигма», фиксирующее *инвариантный* характер ряда идеологических значений, в условиях, когда универсалистские философско-идеологические притязания на целостное, логически непротиворечивое видение социальной жизни признаны иррелевантными и отвергнуты, а плюрализм и историзм провозглашены в качестве ключевых мировоззренческих и этико-аксиологических принципов? 2. Может ли понятие идеологической парадигмы быть вписано в интеллектуальный контекст, сформированный методологическими принципами конструктивизма и конвенционализма, в котором тезис об относительности всякого идеологического значения и даже всякого социального знания давно уже стал общим местом? 3. Почему нельзя ограничиться научно-эмпирическим анализом феноменов идеологического сознания, полностью отвергнув «спекулятивные» философские построения?

Каждый из этих вопросов заслуживает детального разбора и отдельного исследования. В рамках данной статьи ограничимся лишь некоторыми замечаниями самого общего порядка. Во-первых, понятие идеологической парадигмы вполне совместимо с презумпцией историчности всех идеологий и идеологических значений (и даже с презумпцией историчности *самой идеологии* как формы сознания или культурно-символической формы). Во-вторых, за провозглашением методологических принципов (конструктивизм, конвенционализм) далеко не всегда следует их фактическое осуществление в практике социальных исследований. В-третьих, всякая позитивно-научная (социологическая, политологическая, лингвистическая) трактовка понятия «идеология» неизбежно несет на себе отпечаток философских концептуализаций.

Остановимся более подробно на втором и третьем тезисах. Разберем некоторые трудности методологического и эпистемологического порядка, с которыми сталкиваются социальные исследования, руководствующиеся исключительно

«социологическим» понятием идеологии и выносящие за скобки парадигмальный его аспект.

Обратимся к статье Г. И. Мусихина «Дискурсивный анализ идеологии: возможности и ограничения» [Мусихин, 2011]. Раскрывая эвристический потенциал дискурсивного подхода, автор отмечает, что трактовка идеологии как дискурса (и структуры, порождающей дискурсы) должна быть дополнена социокогнитивным компонентом. Мусихин рассматривает идеологию как гибридный феномен, включающий в себя дискурсивные, социальные и когнитивные аспекты. «Идеология» определяется как «коллективно исповедуемая система убеждений, субъектом которой обязательно является та или иная социальная группа» [Мусихин, 2011, с. 128]. Исходя из данного определения, социальные коллективы могут быть разделены на «идеологизированные» и «неидеологизированные». Здесь обнаруживается первая теоретическая трудность, с которой сталкивается социологическое понятие идеологии. Как отделить идеологизированные коллективы от иных общностей, как отграничить группы, имеющие «идентификационные идеологии», от общностей, не имеющих таковых (культурных, языковых, национальных и пр.)? На каком основании это разделение может быть проведено? Стоит заметить, что данные вопросы приобретают особую остроту в условиях размывания социальных границ и идентификационных стратегий, характерных для современного постиндустриального общества.

Содержание понятия «идеологизированная группа» Г. И. Мусихин раскрывает следующим образом: «сообщество, объединенное общей практикой и общим дискурсом, в которых проявляется общая система убеждений» [Мусихин, 2011, с. 132]. Под это определение, однако, могут быть подведены многие социальные общности, не имеющие прямого отношения к политической жизни и не являющиеся идеологическими. Очевидно, что вопрос о том, чем идеологические социальные группы отличаются от неидеологических, отсылает к более фундаментальному вопросу – в чём отличие идеологического типа *сознания* (или идеологического типа *дискурса*) от неидеологического? Очевидно, что если с самого начала рассматривать идеологию только в плоскости социально-политических, социально-психологических, социально-лингвистических исследований, то этот вопрос останется без ответа.

Ещё одна теоретическая проблема, возникающая в процессе изучения феноменов идеологического сознания, состоит в оценке *когнитивной природы идеологии*. Эта проблема в большей или меньшей степени занимала всех политических теоретиков, начиная с Дестюта де Траси и заканчивая Славоем Жижекком. Особую остроту она приобретает в контексте нейтрального подхода к анализу

идеологии¹⁴. Ключевым здесь оказывается вопрос о соотношении и взаимоотношениях идеологии и науки, идеологии и социального знания. При всех оговорках относительно взаимовлияния и взаимопроникновения научных знаний и идеологических доктрин, относительности и «интерсубъективности» знания, само когнитивное различие между идеологией и наукой остаётся неизбежным. Это различие сохраняет свое конститутивное значение и для социальных исследований. В этой связи интерпретация науки как «одной из форм идеологии» [Фейерабенд, 1986, с. 518] означала бы конец научной рациональности (см. [Демин, 2015]).

Различие между «знанием» и «идеологией» Мусихин трактует как различие *социологическое*, а не *эпистемологическое*. Идеология противопоставляется не *знанию как таковому*, а *общему знанию*. «Если посмотреть на понимание знания не семантически, а прагматически, то выяснится, что знание – это во многом консенсус между теорией познания и конкретным набором информации, которой владеет то или иное общество. Это превращает истинное знание в относительное и интерсубъективное (если смотреть на него со стороны) и в то же время делает его “объективным” в масштабах социальных и культурных установок данного общества» [Мусихин, 2011, с. 140] (курсив Мусихина. – *И. Д.*). Так понятое знание хотя и является относительным, но «не перестает быть общим для данного сообщества, а значит, не является идеологическим» [Там же]. Обратим внимание на ход рассуждений автора: знание *представляется* сообществу знанием *объективным* потому, что (для данного сообщества) оно является *общим*. Отсюда недалеко до рассуждения, согласно которому знание признаётся (относительно) *истинным* на том основании, что оно является *общим*. Такова, как известно, точка зрения *конвенционализма*.

Социологическое понимание идеологии («набор коллективных убеждений социальной группы») опирается на различие между «общими убеждениями», которые могут выполнять идеологические функции, и «общими знаниями», не связанными с политико-идеологической идентификацией. «Общие убеждения (в том числе идеологические), – отмечает Мусихин, – предполагают наличие общего знания» [Там же, с. 141]. Однако никаких чётких границ между «знанием» и «идеологией» автор не проводит. Сложность (или даже неразрешимость) данной проблемы в рамках социальных исследований связана с тем обстоятельством, что представители идеологических групп зачастую преподносят свои идеологические убеждения как фактическое знание. «Идеологические верования той

¹⁴ Коль скоро трактовка идеологии как «ложного сознания» признаётся иррелевантной, идеология более не может однозначно рассматриваться как антитеза научного познания.

или иной группы, – пишет Мусихин, – мыслятся как таковые только с внешних эпистемологических позиций, а самими членами группы воспринимаются как «общее знание» [Мусихин, 2011, с. 141]. Иными словами, социальные группы, обладающие различными «идентификационными идеологиями», зачастую вкладывают в понятие общего знания совершенно разный смысл, наделяют этим статусом разные (даже взаимоисключающие) комплексы представлений. Как в этих условиях должна решаться проблема «общего знания», коль скоро отвергнуты «внешние» (эпистемологические) критерии объективности? Нам представляется, что ответ на этот вопрос не может быть получен до тех пор, пока сами термины «идеология» и «общее знание» употребляются в усредненно-конвенциональном значении. Невозможно приблизиться к разрешению проблемы когнитивного статуса идеологии, оставаясь в границах конвенционалистского и социологического понимания знания.

В границах конвенционалистской трактовки знания термин «идеология» (как и любой другой термин, обозначающий фундаментальное понятие) всегда будет использоваться в смутном, неопределенно-усредненном значении, которое в пределе может быть выражено с помощью печально известной формулы: идеология есть то, что люди, интересующиеся политикой, *считают идеологией*¹⁵.

Методологическая ограниченность конвенционализма в исследованиях идеологии высвечивает ещё одну теоретическую проблему. Её можно обозначить как несовпадение *идентичности субъекта* с его идеологической *самоидентификацией*¹⁶. Очевидно, что социальные субъекты и группы могут *заблуждаться* относительно собственной идеологической идентичности. Человек, руководствующийся в политической жизни *либеральным* пониманием свободы, государства и права, может искренне считать себя *консерватором*, идентифицировать свою идеологическую идентичность как «консервативную» (возможен и обратный пример). В горизонте конвенционализма мнение этого человека будет признано ошибочным на том основании, что оно расходится с господствующим, общим, усредненным пониманием того, что такое «консерватизм» и «либерализм». Но здесь необходимо спросить: может ли само это общее и усредненное понимание быть ошибочным? Оставаясь в границах социологического понимания знания и идеологии, мы должны дать однозначно отрицательный ответ

¹⁵ Данная схема рассуждений может быть экстраполирована и на каждую идеологию в отдельности: поскольку никакой объективной и универсальной сущности либерализма не существует, либеральной должна считаться та позиция, которая *признаётся* (большинством или всеми) в качестве таковой. Либерализм есть то, что в общественном мнении маркируется в качестве либерализма.

¹⁶ Языковой аспект этой проблемы – несовпадения языка, на котором группа описывает свою идентичность (языка самоописания), и языка социального познания (языка научного описания).

на этот вопрос. Не лишаются ли в этом случае такие термины, как «идеология», «либерализм», «консерватизм» не только универсального (внеконтекстуального) значения, но и вообще какого-либо смысла? Не становятся ли они «означающими без означаемого»?

В перспективе обоснования необходимости *философской* теории идеологии важно обратить внимание ещё на один тезис, представленный в упомянутой статье. Отмечая трансформацию идеологических значений в контексте социально-исторической жизни, Мусихин пишет: «Определенные изначально идеологические представления получают столь широкое распространение, что начинают восприниматься в качестве устойчивых убеждений и социальных практик всего общества той или иной страны. Сегодня равенство всех людей перед законом считается общепринятой конституционной нормой, хотя это изначально было требованием либеральной идеологии» [Мусихин, 2011, с. 129]. Иными словами, идеологические постулаты, становясь всеобщим достоянием, приобретая статус «общего знания» (или общепринятых принципов и норм), *перестают быть идеологическими*. Но это рассуждение можно продолжить в весьма неблагоприятном для конвенционализма ключе: заблуждение, разделяемое всеми (или большинством), *перестает быть заблуждением*. К такому парадоксу неизбежно приходит следующая в русле конвенционализма социологическая трактовка знания.

Если социальная наука принимает конвенционализм в качестве базового методологического принципа, она тем самым лишает себя возможности «поправлять» общество, «заблуждающееся» относительно собственной идеологической идентичности. Коль скоро все философские «универсалии» отвергнуты, историзированы и контекстуализированы, иных критериев, кроме общественных мнений, (временно) функционирующих в режиме «общего знания», в распоряжении социального исследователя не остаётся.

Вернемся к рассматриваемому примеру. Требования и презумпции классического либерализма в современном (западном) мире *перестают рассматриваться* как «идеологические» и *воспринимаются* как «всеми принимаемые» и «само собой разумеющиеся» (принцип правового равенства, разделение властей, приоритет прав человека по отношению к государственным интересам и т. д.). Руководствуясь различием двух аспектов идеологического сознания – социально-исторического и парадигмального, – следовало бы интерпретировать этот пример так: от того, что верования и убеждения, составлявшие некогда содержание одной, определенной идеологии, начинают восприниматься *большинством* (или даже *всеми* членами общества) как самоочевидные, они не утрачивают своего *идеологического* характера, не становятся ни «общим знанием», ни транс-

историческими истинами о социуме, человеке и государстве. Эти верования и убеждения приобретают черты *фоновой идеологии*. Однако из того, что данные верования и убеждения *перестают восприниматься* на уровне *обыденного сознания* (или даже на уровне *социальных исследований*) как «идеологически маркированные», не следует, что они утрачивают свою идеологическую природу.

Ограниченность социологического анализа феномена идеологии проистекает из господствующей в современных социальных исследованиях конструктивистской и конвенционалистской трактовки знания. Ни одна из рассмотренных проблем, связанных с функционированием идеологий (основания различения идеологических и неидеологических способов социальной идентификации, соотношение идеологических убеждений и общезначимых социальных знаний, ошибочная идеологическая идентификация и самоидентификация), не получает адекватного разрешения в методологическом контексте социального конструктивизма и конвенционализма. Это делает необходимым обращение к философским истокам и основаниям различных трактовок идеологического сознания.

Постановка и осмысление проблемы идеологии в *философском* контексте, реабилитация философской теории идеологии не означает возврата к принципам эссенциализма, реализма и универсализма, иными словами, не ведёт с необходимостью к «метафизике». Возможности, общие контуры и направления неметафизической, постметафизической политической философии и теории идеологии, свободной от методологических крайностей конструктивизма и объективистского реализма, нуждаются в специальном изучении и прояснении. Однако заранее можно отметить, что философская концептуализация идеологии едва ли пройдёт мимо различий двух аспектов идеологии: конкретной системы верований и убеждений социальной группы и «идеологической парадигмы».

Подведем итог. Различение двух ракурсов рассмотрения идеологии – социологического и философского (парадигмального) – сохраняет свое значение применительно к любому подходу и исследовательскому направлению, независимо от того, в каком ключе рассматривается идеология – критическом или нейтральном. Кроме того, различение двух аспектов проблемы идеологии имплицитно присутствует и предполагается как в тех трактовках, которые ориентируются на проблемное поле «сознания», так и в тех, которые описывают проблему идеологии в терминах философии языка и семиотики.

Список литературы

Борисов Е., Инишев И., Фурс В. Практический поворот в постметафизической философии. Вильнюс: ЕГУ, 2008. Т. 1.

- Бурсевич В. В.** Критический и нейтральный подходы к исследованию идеологии: сравнительный анализ // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Серия А. Гуманит. науки. 2010. № 1. С. 95–100.
- Демин И. В.** Проблема соотношения идеологии и науки в современной эпистемологии // Научно-техн. ведомости Санкт-Петерб. гос. политехн. уни-та. Гуманит. и обществ. науки. 2015. № 1 (215). С. 146–153.
- Малинкин А. Н.** Социология знания М. Шелера и К. Манхейма: сравнительный анализ методологий // Вопр. философии. 2015. № 11. С. 175–186.
- Малинова О. Ю.** Когда «идеи» становятся «идеологиями»? К вопросу об изучении «измов» // Филос. век. СПб.: Санкт-Петерб. центр истории идей, 2001. Вып. 18. История идей как методология гуманитарных исследований. Ч. 2. С. 11–26.
- Малинова О. Ю.** Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Полит. наука. 2003. № 4. С. 8–30.
- Матц У.** Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. Полит. исследования. 1992. № 1. С. 130–142.
- Мусихин Г. И.** Дискурсивный анализ идеологий: возможности и ограничения // Полис. Полит. исследования. 2011. № 5. С. 128–144.
- Мусихин Г. И.** Методология исследования идеологий: от поведенческого анализа к постструктуралистским контекстуальным моделям // Полит. наука. 2013а. № 4. С. 11–30.
- Мусихин Г. И.** Очерки теории идеологий. М.: Высш. шк. экономики, 2013б.
- Слотердаjk П.** Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001.
- Соловьев Э. Ю.** Философия как критика идеологий // Полит. концептология: журн. метадисциплинарных исследований. 2018. № 1. С. 16–48.
- Фейерабенд П.** Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.
- Geertz C.** Ideology as a Cultural System. In: D. Apter (ed.). Ideology and Discontent. New York, Free Press, 1964, pp. 47–76.

References

- Borisov E., Inishev I., Furs V.** Prakticheskii povorot v postmetafizicheskoj filosofii [A practical turn in post-metaphysical philosophy]. Vilnius, EGU, 2008, vol. 1. (in Russ.)
- Bursevich V. V.** Kriticheskii i neutral'nyi podkhody k issledovaniyu ideologii: sravnitel'nyi analiz [Critical and neutral approaches to the study of ideology: a comparative analysis]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*, 2010, no. 1, pp. 95–100. (in Russ.)

- Demin I. V.** Problema sootnosheniia ideologii i nauki v sovremennoi epistemologii [The problem of correlation between ideology and science in modern epistemology]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2015, no. 1 (215), pp. 146–153. (in Russ.)
- Malinkin A. N.** Sotsiologiya znaniia M. Shelera i K. Mankheima: sravnitel'nyi analiz metodologii [Sociology of knowledge by M. Scheler and K. Mannheim: a comparative analysis of methodologies]. *Voprosy filosofii*, 2015, no. 11, pp. 175–186. (in Russ.)
- Malinova O. Yu.** Kogda “idei” stanoviatsia “ideologiyami”? K voprosu ob izuchenii “izmov” [When do “ideas” become “ideologies”? To the question of the study of “isms”]. In: *Filosofskij vek*. St. Petersburg, 2001, iss. 18, part 2, pp. 11–26. (in Russ.)
- Malinova O. Yu.** Kontsept ideologii v sovremennykh politicheskikh issledovaniiaakh [The concept of ideology in contemporary political studies]. *Politicheskaya nauka*, 2003, no. 4, pp. 8–30. (in Russ.)
- Mats U.** Ideologii kak determinanta politiki v jepohu moderna [Ideologies as a determinant of politics in the era of modernity]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 1992, no. 1, pp. 130–142. (in Russ.)
- Musikhin G. I.** Diskursivnyi analiz ideologii: vozmozhnosti i ogranicheniia [Discursive analysis of ideologies: opportunities and limitations]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2011, no. 5, pp. 128–144. (in Russ.)
- Musikhin G. I.** Metodologiya issledovaniia ideologii: ot povedencheskogo analiza k poststrukturalistskim kontekstual'nym modeliam [Methodology for the study of ideologies: from behavioral analysis to poststructuralist contextual models]. *Politicheskaya nauka*, 2013a, no. 4, pp. 11–30. (in Russ.)
- Musikhin G. I.** Ocherki teorii ideologii [Essays on the theory of ideologies]. Moscow, Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki, 2013b. (in Russ.)
- Sloterdijk P.** Kritika tsinicheskogo razuma [Critique of Cynical Reason]. Translation from German. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2001. (in Russ.)
- Solovyev E. Yu.** Filosofiya kak kritika ideologii [Philosophy as a critique of ideologies]. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*, 2018, no. 1, pp. 16–48. (in Russ.)
- Feyerabend P.** Izbrannye trudy po metodologii nauki [Selected works on the methodology of science]. Translation from English and German. Moscow, Progress, 1986. (in Russ.)
- Geertz C.** Ideology as a Cultural System. In: D. Apter (ed.). *Ideology and Discontent*. New York, Free Press, 1964, pp. 47–76.

Информация об авторе

Илья Вячеславович Демин, доктор философских наук, доцент
профессор кафедры философии Самарского национального исследователь-
ского университета имени академика С. П. Королева

Information about the Author

Ilya V. Demin, Doctor of Philosophical Sciences, Docent
Professor at the Department of Philosophy, Samara National Research University

*Статья поступила в редколлегию 02.12.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.01.2022
The article was submitted 02.12.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.01.2022*

Научная статья

УДК 1(091)

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-117-135

Интенциональность в Средние века: Фома Аквинский, Дунс Скот, Уильям Оккам

Александр Афанасьевич Санженakov

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
sanzhenakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5789-6632>

Аннотация

Статья представляет собой обзор средневековых подходов к осмыслению феномена интенциональности. Сначала излагается подход Фомы Аквинского, где процесс познания связан с уподоблением интеллекта объекту познания. Данная теория постулирует, что нет различия между формой реального предмета, благодаря которой он существует, и формой этого предмета в уме познающего субъекта. Дунс Скот усложняет эту картину, когда начинает различать в уме чувственный образ познаваемой вещи (*фантазму*) и интеллигибельную репрезентацию (*species*) этой вещи. Активность интеллекта проявляется в том, что он *первично* направлен на нечто лежащее в его собственной сфере, то есть на *species*. Уильям Оккам, напротив, отказывается вводить какие-либо дополнительные сущности между предметом познания и разумом познающего. Вкупе с номиналистической позицией это привело к появлению концепции ментального языка, в котором нет места знакам, связывающим мысль и предмет, вместо этого постулируется прямая связь произнесенных слов и соответствующих ментальных слов. В заключении автор рассматривает проблему оправданности и легитимности усмотрения протофеноменологических концепций в средневековой философии.

Ключевые слова

Средние века, схоластика, интенциональность, феноменология, ментальный язык

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00911 «Предпосылки формирования феноменологической философии и перспективы феноменологического метода»

Для цитирования

Санженakov А. А. Интенциональность в Средние века: Фома Аквинский, Дунс Скот, Уильям Оккам // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 4. С. 117–135. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-117-135

Intentionality in the Middle Ages: Thomas Aquinas, Duns Scotus, William of Ockham

Alexander A. Sanzhenakov

Institute of Philosophy and Law
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
sanzhenakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5789-6632>

Abstract

The article presents an overview of medieval approaches to understanding the phenomenon of intentionality. First, the author outlines the approach of Thomas Aquinas, according to which the process of cognition consists in assimilating the intellect to the object of cognition. This theory insists that there is no difference between the form of a real object, thanks to which it exists, and the form of this object in the mind of the cognizing subject. Duns Scotus makes this picture more sophisticated when he begins to distinguish in the mind the sensory image of the cognized thing (*phantasma*) and the intelligible representation (*species*) of this thing. William of Ockham, on the other hand, refuses to introduce any additional entities between the object of knowledge and the mind of the knower. This rejection, together with the nominalism, led to the emergence of the concept of mental language, in which there is no place for signs connecting thought and object, instead, a direct connection between the spoken word and the corresponding mental words is postulated. In conclusion, the author considers the problem of the justification and legitimacy of the discovery of proto-phenomenological concepts in medieval philosophy.

Keywords

Middle Ages, scholasticism, intentionality, phenomenology, mental language

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to research project no. 20-011-00911 “Preconditions for the formation of phenomenological philosophy and prospects for the phenomenological method”

For citation

Sanzhenakov A. A. Intentionality in the Middle Ages: Thomas Aquinas, Duns Scotus, William of Ockham. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 117–135. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-117-135

Введение

В современном философском вокабуляре понятие «интенциональность» стоит далеко не на последнем месте. Его активно используют как сторонники кон-

тинентальной традиции [Libertson, 1979], так и представители аналитического подхода [Searle, 1983]. Причина такой популярности, скорее всего, кроется в том, что через это понятие передаются важнейшие характеристики сознания – области чрезвычайно дискутируемой среди исследователей прошлого века и наших дней. Мы полагаем, что потенциал любого понятия может быть увеличен через изучение истории его становления. Обращение к семантическим полям прошлого оправдано в силу того, что это позволяет корректировать наше упрощенное понимание концептов, имеющих длинную историю становления. Например, считается, что средневековые мыслители проводят различие между психическими и физическими явлениями, делая отличительной чертой первых интенциональность, то есть направленность на некоторые объекты. Однако, если обратиться к мнению специалиста в этом вопросе, то будет ясно, что это суждение не совсем корректно. «Средневековые философы обычно описывали обыденные физические явления, такие как отражения в зеркалах или звуки в воздухе как проявление интенциональности, в то время как типичные для современного философа ментальные явления, такие как ощущения и воображение, описывались ими (средневековыми философами. – А. С.) как обычные физические процессы» [Klima, 2015, p. 1].

Историко-философская работа с понятиями, использовавшимися философами прошлого, позволяет избежать анахронизмов, которые возникают, когда мы ошибочно вкладываем современные семантические коннотации в концепты прошлых времен. О возможности таких ошибок нас предупреждает Д. Перлер: «Было бы также обманчивым выискивать в средневековых текстах места, где речь идет об интенциональном внутреннем существовании, чтобы писать историю средневековых теорий интенциональности на основе этих пассажей. Такие места, несомненно, содержатся в различных текстах XIII–XIV вв., но прежде всего следовало бы изучить их в их собственных контекстах и выяснить, действительно ли средневековые авторы вкладывали в них тот смысл, в каком говорится об интенциональном внутреннем существовании у Brentano» [Перлер, 2016, с. 23]. Тем не менее обращение к философии прошлого всегда происходит с оглядкой на актуальную повестку философии настоящего. Наш случай не исключение, поскольку своей задачей мы видим не сам по себе обзор истории интенциональности в Средние века, но преодоление внутренних противоречий феноменологии и феноменологической психологии за счет обращения к истории ключевых понятий (см.: [Бердаус, Санженикова, 2020]).

Понятие «интенциональность» относится к числу значительных философских понятий, и поэтому историки философии уже много раз реконструировали путь его становления. Общеизвестно, что истоки этого понятия обнаруживаются

в античной [Dodd, 2015; Drummond, 2002; Kirkland, 2014; Perler, 2001] и средневековой философиях [Klima, 2015; Perler, 2001]. В Античности история интенциональности начинается с теории чувственного восприятия Аристотеля, которая излагается в трактате «О душе» (De An. II 12, 424a17–24; III 2, 425b23–24; III 4, 429a15–19; и III 8, 431b26–29). Это отмечал и Ф. Brentano [Брентано, 1996, с. 33], благодаря которому этот концепт вошел в философский тезаурус. Следует отметить, что «О душе» не единственное сочинение, где Аристотель рассуждает о подобных предметах. В работе «О памяти и припоминании» мы можем прочесть, что нет мышления без образа (ἄνευ φαντάσματος) (De Mem. 449b31) и что разум способен мыслить предметы, «даже когда их нет» (μη ὄντων ὁμοίως νοήσει) (De Mem. 452b12). Очевидно, что *фантасма* в данном случае выступает аналогом интенционального предмета, а *ноэсис* – актом сознания по отношению к данному предмету. Вопрос о способах трансляции этих идей из Античности в Средние века остается открытым. Так, В. Кастон считает, что связь между античными представлениями об интенциональности и зрелыми средневековыми концепциями таковой осуществлялась напрямую через Августина независимо от арабской традиции (см.: [Caston, 2001]).

Вместе с тем невозможно отрицать, что в становлении исследуемого нами понятия важную роль сыграла средневековая мусульманская философия и философия – арабоязычный перипатетизм (Аль-Фараби, Ибн Сина), который появился в ходе переводческого движения VIII–X веков (в это время были переведены основные работы Стагирита). Общеизвестно, что в арабском языке было два слова «*ma'na*» и «*ma'qul*», которые были переведены в Средние века на латинский, соответственно, как «*intention*» и «*noema*». Считается, что все эти понятия можно рассматривать как синонимы, ибо все они призваны передать то, что находится в уме – будь то концепции, понятия или нечто иное в этом роде [Knudsen, 1982. P. 479], иначе говоря, являются интенционалом понятия.

Вообще термин «интенциональность» восходит к латинскому *intentio*, что буквально переводится как «напряжение». До XIII века этот термин не имел философского значения. Но, как отмечается в исследовательской литературе, начиная с этого времени ему придается философский смысл: «В средневековой логике и философии латинское слово *intentio* использовалось для передачи того, что современные философы и логики называют “понятием” или “содержанием термина” (*intension*): чего-то, что могло быть как верно в отношении нементальных предметов и свойств (предметов и свойств, находящихся вне сознания), так и присутствовать в сознании» [Джакоб, 2014]. Впервые философское значение термин *intentio* приобретает в трудах Фомы Аквинского, когда тот пишет об интенциональном бытии (*esse intentionale*) или духовном бытии (*esse spirituale*), ко-

торое приобретает форма вещи, попадая в ум субъекта познания. Следующий важный этап становления интенциональности связан с именем Дунса Скота и его различением объекта как внешнего предмета, выступающего причиной познания, и как внутреннего термина, на который направлен интенциональный акт (*actus intentionalis*). Поэтому, как отмечает Г. В. Вдовина, «начиная с Дунса, имеет смысл говорить об интенциональном (или ментальном) содержании, интенциональных актах, интенциональных отношениях» [2020, с. 29]. Знаменательным этапом становления интенциональности является теория Уильяма Оккама, которая отрицает наличие каких-либо опосредующих интенциональных объектов между внешним предметом и интеллектом. Таким образом, единого понимания интенциональности в первоисточниках мы не найдем, но обнаруживаем четкую линию генезиса, которую ниже и предлагаем рассмотреть. Мы обратимся к трем наиболее важным персоналиям – Фоме Аквинскому, Дунсу Скоту и Уильяму Оккаму.

Фома Аквинский о познании как уподоблении

То, что сейчас принято называть когнитивными способностями интересовало средневековых философов по многим причинам. Самая очевидная – это раскрытие механизмов познания, чего требовала разрабатываемая ими эпистемология. С другой стороны, *intentio* характеризуется не только через репрезентацию объектов познания, но и как деятельная направленность сознания, приводящая к действиям. Поэтому для понимания и разработки теории действия также требовалась предварительная проработка концепции интенциональности. В Средние века первые шаги в этом направлении были сделаны Роджером Бэконом, который понимал интенцию как некую «детерминацию» вещи, действующую на высшие внутренние чувства и ведущую к когнитивным способностям разума [Knudsen, 1982, p. 480]. Однако более разработанную теорию по этому поводу представил младший современник Бэкона – Фома Аквинский. Кратко говоря, теория Фомы Аквинского сводится к главному тезису об уподоблении интеллекта объекту познания. Отчасти такое понимание инспирировано уже упомянутой выше теорией чувственного восприятия Аристотеля, что видно из следующих слов Аквинского: «Познающее отличается от неспособного к познанию тем, что неспособное к познанию обладает только своей формой, а познающее по своей природе может обладать также и формой иной вещи, ибо познавательная форма познанного присутствует в познающем» (ST I, q. 14, a. 1) [Фома Аквинский, 2006, с. 178–179]. Это значит, что человек, обладая когнитивными способностями и имея собственную форму, которая его структурирует, может также восприни-

мать форму иной вещи. Д. Перлер разъясняет это так: «Форма может приниматься и без материи. Именно это происходит, когда человек принимает в себя форму жара или белизны и познает их. Он становится не в буквальном смысле жарким или белым, но нематериальным образом схватывает, говоря современным языком, структурный принцип жара или белизны» [Перлер, 2016, с. 53]. С этим связано разделение на понятия первичной и вторичной интенции. Первая представляет собой реальный объект (например, «человек», «камень» и т. д.), вторая – логическое сущее, которое существует в уме («вид», «род» и т. д.). Таким образом, первая интенция существует в реальном камне (или выступает его структурирующим началом), а вторая – в уме человека, когда он познает или просто воспринимает чувствами этот камень. Как видно из сказанного выше и как неоднократно отмечалось другими исследователями, сердцевинной теории Фомы Аквинского является положение, согласно которому то, за счет чего объект существует, и то, благодаря чему он познается, суть одно и то же. Нетрудно увидеть, что этот тезис в своей основе проблематичен: нет ясности, как возможно существование формы реальной вещи в области ментального. Используя аппарат современной эпистемологии, исследователи показывают, что в этой теории имеются непреодолимые логические противоречия [Берестов, 2019].

Теория мышления Дунса Скота

Следующим этапом стала теория францисканского монаха Дунса Скота об интенциональности как направленности на объекты с особым, «интеллигибельным» статусом. Будучи представителем аристотелизма, Дунс выделяет три этапа в познавательном процессе: 1) получение чувственной формы предмета; 2) формирование фантазмы (образ или представление); 3) абстрагирование умопостигаемой *species*. Постулирование третьего этапа познания как неизбежного вызвало возражения у оппонентов, поскольку эти интеллигибельные формы расценивались как излишние. Другие критики полагали, что данные репрезентации выступают заслоном между интеллектом и материальным объектом познания. Одним из способов защиты, который выбрал Дунс, была апелляция к тому, что фантазма репрезентирует объект познания в аспекте его единичности, в то время как *species* делают это в аспекте универсальности (De anima, q. 22, n. 1–4) [Дунс Скот, 2001, с. 377–381]. Другой аргумент Дунса заключается в активности интеллекта, который должен быть *первично* направлен на нечто лежащее в его собственной сфере, куда не входят ни материальные предметы, ни фантазмы [Перлер, 2016, с. 246]. Здесь мы явно видим различие с предыдущей, прежде всего аристотелевской, традицией, где форма выступает сначала условием существования вещи,

а уже потом способом ее познания. Дунс и схоластика в целом открывают мир интеллекта, который не просто абстрагирует некоторые характеристики внешних предметов и тем самым создает умопостигаемые объекты, но имеет в своем распоряжении первичные формы – интеллигибельные предметы, на которые он изначально направлен.

Другой особенностью, которая потом будет подхвачена францисканцем, была трактовка мышления как активного начала. Главный тезис здесь может быть передан словами: «Объект не является действующей причиной; по крайней мере, полной [причиной] такового, но скорее [главная] действующая причина – человек, чувствующий или мыслящий благодаря своим способностям» (De Anima, q. 12, p. 7) [Дунс Скот, 2001, с. 319]. Если говорить об обыденных материальных предметах окружающего мира, то разум по отношению к ним действует двояким образом: «Первое действие – формирование вида, через посредство которого объект становится присутствующим как объект актуально умопостигаемый; второе действие – это само актуальное постижение. И в обоих случаях действие совершает [сам] разум, не побуждаемый к этому объектом, который есть только частичная причина, соучаствующая в этом действии» (Ordinatio, I, d. 3, pars 3, q. 3, p. 563) [Там же, с. 321]. Это разительно отличается от точки зрения Фомы Аквинского, согласно которому «species сам по себе не является (в обычных случаях) объектом познания, а является тем, “в соответствии с чем” объект познается» [Pasnau, 1997, p. 15].

Безусловно, автономия интеллекта имеет некоторые ограничения. Если исключить случаи, когда мы мыслим несуществующие в материальном мире объекты (исторических персонажей из прошлого или единорогов), то, несмотря на высокое положение интеллекта, при процессе познания ему всегда приходится тесно взаимодействовать с предметом и чувствами, что видно из того факта, что *species* предмета образуется от фантазмы: «Чтобы когнитивно презентировать дерево, необходимы интеллект и конкретное дерево в качестве частичных причин. Дерево служит подчиненной причиной; оно воздействует на органы чувств и причиняет фантазму, которая представляет дерево в определенном – единичном – аспекте. Интеллект служит причиной более высокого порядка; он абстрагирует *species* дерева, которая представляет дерево в аспекте универсальности» [Перлер, 2016, с. 256].

Ментальный язык Уильяма Оккама

Следующий этап развития теории интенциональности в Средние века связан с именем Уильяма Оккама, который, будучи номиналистом, предложил устраи-

нить любое посредничество между актами мышления и материальными предметами [Там же, с. 370]. На этом же этапе еще острее встал вопрос об активности мышления. История этого вопроса уходит в пограничное время между Античностью и Средневековьем. Как сообщает Паснау, по мнению Боэция, стоики полагали, что в познании разум человека выступает пассивной структурой, которая воспринимает внешние предметы, находится под их воздействием [Pasnau, 1997, p. 125]. Сам же Боэций выступает против позиции стоиков, поскольку опыт, по его мнению, говорит в пользу противоположной точки зрения. «Ты видишь, что в процессе познания все больше опирается на свою собственную силу, чем на природу того, что познается» (De cons. V, iii) [Боэций, 1990, с. 283]. Активность нашего разума заключается в том, что «все познаваемое познается не из своей природы, но из природы познающего» (De cons. V, vi) [Там же, с. 286]. В большинстве своем схоластики были на стороне Боэция в этом споре. Но в более позднем средневековье возникают разногласия по поводу того, может ли, и если может, то как именно, аристотелевская модель познания, подобно той, которую отстаивал Фома Аквинский, объяснить активность чувств и интеллекта в познании. Оккам, похоже, в этом споре находился на стороне стоиков, он рассматривает разум как полностью пассивную вещь.

Интеллект для Оккама является материальной причиной (то есть он воспринимает знание), действующей же причиной познания является познаваемый объект: «Я допускаю, что знание порождается познающим и познанным, но по-разному. Ибо оно порождается познающим как конкретная принимающая материя, познаваемой вещью как действующая причина. Итак, каждое из них является причиной, потому что одно является действующей причиной, а другое – материальной» (OTh VIII, 167) [Pasnau, 1997, p. 150].

Оккама обычно считают первым, кто разработал теорию ментального языка. Другие мыслители до него по различным теологическим и философским причинам относились к некоторым аспектам мышления как к подобию языка (*language-like*), но, по словам Клода Паначчио, проследившего эту историю, «оригинальность Оккама в истории идеи ментального языка состоит в том, что он систематически перенес на анализ неязыковой дискурсивной мысли грамматические и семантические категории, которые наука его времени использовала при изучении устной или письменной речи» [Panaccio, 1999, p. 278]. Первоосновы теории ментального языка Оккама были заложены в комментариях Боэция на труды Аристотеля и в развернувшихся вокруг них дискуссиях о знаке в XIII веке [Read, 2015, p. 18]. Еще одним источником вдохновения для Оккама была теория внутреннего языка Августина, изложенная в его трактате «О троице». Также в качестве предпосылок появления теорий ментального языка выде-

ляют материалистический функционализм и номинализм Оккама [Hochschild, 2015, p. 31]. Все эти предпосылки позволили разорвать аристотелевскую связь между понятием и предметом, в качестве которой ранее выступал знак. Теперь знак перестал быть этой связкой, скорее произнесенное слово подчинено соответствующему ментальному слову, а высказанное предложение подчинено ментальному предложению.

Новаторство Оккама заключается в отказе от остатков неоаристотелевского синтеза и его замене радикальным экстернализмом с минимально возможной «менталистической» психологией [King, 2015, p. 117]. Вслед за Боэцием Оккам различает письменные, произносимые голосом и ментальные термины (*triplex est terminus, scilicet scriptus, prolatus et conceptus*). «Ментальный термин есть интенция, или претерпевание, души, обозначающее или со-обозначающее нечто, по природе и предназначено для того, чтобы быть частью высказывания, производимого в уме, и подразумевать то, [что оно обозначает]» (*Summa tot. log.*, I, c. I.) [Оккам, 2002, с. 5]. В связи с этим, ссылаясь на Августина, Оккам заявляет, что термины такого рода «не принадлежат ни к какому языку, пребывают лишь в уме» (*Ibid.*) [Там же].

Интенциональный характер учения Оккама обнаруживается также в его трактовке персональной суппозиции, которую он понимает не как то, что подразумевает вещь, а как то, что указывает на обозначаемое: «Всякий раз, когда субъект или предикат высказывания подразумевает обозначаемое им, так что он берется как обозначающий, всегда имеет место персональная суппозиция... Из этого ясно, что недостаточно описывают персональную суппозицию утверждающие, что персональная суппозиция имеет место, когда термин подразумевает вещь. Но ее определение таково: персональная суппозиция имеет место, когда термин подразумевает обозначаемое им и выступает как обозначающий» (*Summa tot. log.*, I, c. LXIII) [Там же, с. 33].

Схоластика и феноменология

Неизбежный вопрос, который возникает у любого историка философии, работающего с историей становления того или иного понятия, заключается в следующем: каковы разумные пределы при обращении в прошлое в поисках смыслового первоисточника современного понятия? В случае с понятием «интенциональность» этот вопрос, как мы видели выше, особенно актуален. Имеем ли мы право говорить об Аристотеле как о первом, кто отчасти уловил суть интенциональности? Допустимо ли приравнять любые спекуляции античных философов относительно того, что сейчас принято называть когнитивным со-

держанием сознания, к зрелым концепциям интенциональности наших дней? Если рассуждать строго, то, безусловно, следует ответить отрицательно. В связи с этим довольно недвусмысленно высказывается Г. В. Вдовина: «В поле зрения античных философов попадали только отдельные аспекты интенциональности, как она понимается сегодня, и в любом случае поиски (успешные) фактического *присутствия* интенциональной тематики у древних отнюдь не привели к обнаружению в античной философии *проблемы* интенциональности» [Вдовина, 2020, с. 24]. Эксплицитным образом проблематика интенциональности обнаруживает себя только в средневековой схоластике. Но и здесь все не столь очевидно, как может показаться на первый взгляд. Например, возникает вопрос, как гуссерлевское понятие «сознание» коррелирует с используемым схоластами понятием «интеллект»? И даже если мы установим некоторые коррелятивные связи, останется более глубокий, смысловой вызов: Гуссерля прежде всего интересовали чистые структуры сознания, а не та деятельность, которую сознание осуществляет, воспринимая и познавая предметы внешнего мира. Как отмечает Н. В. Мотрошилова, Гуссерль в «Логических исследованиях» намеренно отмежевывался от схоластов, проводя аналитическое исследование интенциональных структур феноменов, переживаний как целостных единиц сознания (см.: [Мотрошилова, 2010, с. 133; 2000а, с. 142–143]). В самом деле, когда Гуссерль, например, говорит о наполненных и пустых интенциях в отношении к предмету, то он не имеет в виду индивидуальную вещь физической или ментальной реальности. «Предмет» здесь – то, что в философской традиции именуется **субстанциальным**, обладающим принципиально иным способом данности, нежели любой из единичных объектов, – то, что Э. Гуссерль называет “предметным смыслом”, сущностью или эйдосом» [Инишев, 2007, с. 86]. Признавая справедливость сказанного выше, следует отметить, что феноменология представляет собой многоаспектное направление, куда входят и практические аспекты, связанные с применением методологии и центрированные как раз скорее на деятельности сознания, нежели на его идеальных компонентах и структурах. Также не стоит забывать, что поворотным тезисом в философии Гуссерля считается его призыв: «Назад к самим вещам (*zu den Sachen selbst!*)!». «Философия, с точки зрения Гуссерля, закоснела в предрассудках и спекуляциях, которые закрывают выход к тому, что есть действительно, объективно. И именно раскрытие структуры интенциональности должно, по идее, обеспечить феноменологии этот выход. Иными словами, интенциональность – это путеводная нить, следуя которой можно раскрыть конкретные связи познающего, оценивающего, волящего, действующего субъекта с окружающим миром вещей, природных и культурных, и с другими субъектами» [Фролов, 2013, с. 34]. Если цель схоластов заключалась в том, чтобы выяс-

нить, как предметы познавательных актов доставляются к познавательным способностям души (см.: [Вдовина, 2016, с. 43]), то одна из задач феноменологии заключалась в экспликации условий любого опыта сознания. Но было бы ошибкой полагать, что для Гуссерля постижение повседневных феноменов и очевидностей представляется только материалом, который отбрасывается по мере того, как в своем исследовании мы углубляемся вглубь сознания. В промежутке между публикацией «Логических исследований» (1900–1901 гг.) и «Идей к чистой феноменологии» (1913) Гуссерль в 1907 г. прочел лекции под общим названием «Вещь и пространство», которые вошли в XVI том «Гуссерлианы». Во введении к этим лекциям, как свидетельствует Н. В. Мотрошилова, он делает важное методологическое заявление: с одной стороны, мы находимся в ситуации непосредственного восприятия мира, с другой стороны, на это непосредственное восприятие надстраиваются различные опосредования, когда мы мыслим или проявляем свои эмоции. Но при этом все эти опосредования «восходят к простому опыту (*schlichte Erfahrung*), к непосредственным восприятиям, воспоминаниям и т. д.» [Мотрошилова, 2000б, с. 305]. Эта связь с базовым, почти обывательским опытом восприятия непосредственных данностей показывает, что древняя философская интуиция (распространенная в подавляющем большинстве и в схоластике), разделяющая мир на внешние объекты и познающих субъектов¹, не была чужда Гуссерлю. К этому следует добавить, что реализм схоластов не является тотальным, и они в той же степени, что и современные философы, понимают, что область мышления работает с собственными объектами, которые не связаны жестко с внешней реальностью: «Объектом интеллекта является сущность вещи, взятая независимо от ее существования» [Жильсон, 2011, с. 321].

Может показаться, что основатель феноменологии ушел далеко вперед по сравнению со средневековыми схоластами в своем анализе интенциональных переживаний, проводя более тонкие дистинкции между актом, содержанием и предметом. В частности, в пользу этого говорит обзор эквивокаций понятий «представление» и «содержание», который Гуссерль производит во втором томе «Логических исследований». Например, он насчитывает пять эквивокаций слова «представление»: 1) представление как материя акта (*Aktmaterie*); 2) представление как модификация качества какой-либо формы «веры»; 3) представление как номинативный акт; 4) представление как объективирующий акт; 5) акт представления (*das Vorstellen*), который противопоставляется простому акту мышления [Гуссерль, 2011, с. 454–455]. Но в равной степени подобную работу мы видим

¹ На «реализм» средневековой эпистемологии обращает внимание известный исследователь Средних веков Э. Жильсон [2011, с. 318].

и у схоластов, когда, скажем, Уильям Оккам различает материальную, персональную и простую суппозиции (*suppositio materialis, suppositio personalis, suppositio simplex*).

Таким образом, серьезные сомнения в оправданности компаративистского исследования схоластики и феноменологии, с нашей точки зрения, представляются чрезмерными. Безусловно, различие исторических контекстов в данном случае является очевидным, поэтому установление каких-либо параллелей между феноменологическим пониманием интенциональности и аналогичными средневековыми теориями должно осуществляться с осторожностью. Достаточно напомнить, что задача феноменолога – это борьба с естественной установкой, с объективизацией в науке, построение правильной концепции субъективности, кропотливая работа в надежде на доступ к структурам сознания. Все это либо выходит за рамки схоластической философии, либо имеет иные модуляции. Сам Гуссерль так обозначает первые шаги своего исследования: «Главнейшая задача настоящей *первой* книги будет заключаться в том, чтобы поискать путей, на каких можно будет, так сказать, фрагментарно, преодолевать слишком уж великие трудности проникновения в этот новый мир» [Гуссерль, 2009, с. 20]. Он уверен, что вступает в область *terra incognita*, поскольку предыдущие поколения мыслителей двигались в иных направлениях. В некоторой мере это справедливо. На различие современных и средневековых теорий указывают многие исследователи. Так, Р. Паснау излагает это следующим образом: «Современные теории познания – фундаменталистские, когерентистские, интерналистские, релейабилитские – в лучшем случае плохо сочетаются со средневековыми подходами к предмету, потому что Средневековье в значительной степени считало само собой разумеющимся, что знание типически касается вещей, по поводу которых можно привести доказательство (предпочтительно, хотя отнюдь не исключительно, демонстративный аргумент)» [Pasnau, 1997, p. 7]. Тем не менее, как мы убедились выше, есть все основания полагать, что базовые интуиции Гуссерля и схоластов лежали в одном направлении. В пользу этого говорит, во-первых, неустраимая связь между ментальными репрезентациями и реальными объектами, которая наблюдается в обоих случаях. Во-вторых, тщательные дистинкции внутренних структур ментальных репрезентаций, что выражается как на терминологически-понятийном уровне, так и на содержательном.

Заключение

Представленный обзор показывает, насколько разнообразны были теории интенциональности в Средние века, а также какой генезис этот концепт проде-

лал. Первым шагом был тезис об уподоблении интеллекта предмету познания. Затем происходит усложнение до концепции интеллекта, выступающего в качестве активного начала, которое конструирует свой предмет познания. В более поздних теориях происходит отказ от интенционального предмета в пользу непосредственной связи между познающим и предметом познания, при этом признается пассивность познающей структуры. Из обзора ясно, что теории интенциональности представляют собой, по сути, попытки решить различные теоретические и концептуальные проблемы.

Несмотря на очевидные различия, современная философия активно проявляет интерес к средневековой философии. Самое простое объяснение для этого – наличие в средневековых теориях релевантных для современности концепций. Например, внимание логиков прошлого века к средневековым концепциям обусловлено тем, что они там находят идеи, которые схожи с их собственными: в частности, идею ментального языка как идеального и первичного по отношению к конвенциональному языку [Копылова, 2013, с. 157]. С нашей точки зрения, главный вывод, которые могут сделать феноменологи из данного обзора, сводится к методологической и концептуальной пролиферации в исследовании феномена интенциональности. Генезис концепций, который мы наблюдаем в средневековой философии, заставляет нас задуматься о многообразии понимания ментального контента и когнитивных процессов. Последователям Гуссерля, таким образом, следует в первую очередь помнить о том, что основатель феноменологии открыл новый путь в эту область, но не задал единственно правильный вектор, а, следовательно, в познании нашей субъективности не существует строгих ограничений.

Список литературы

- Бердаус С. В., Санжеников А. А.** Феноменология: ретроспективный и перспективный подходы (предварительный план исследования) // Сиб. филос. журн. 2020. Т. 18, № 1. С. 40–50. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-40-50
- Берестов И. В.** Дефект в теории передачи форм Аристотеля и Фомы Аквинского // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019. № 439. С. 73–84. DOI 10.17223/15617793/439/9
- Бозций.** «Утешение философией» и другие трактаты / отв. ред. Г. Г. Майоров. М.: Наука, 1990.
- Брентано Ф.** Избранные работы / пер. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги, 1996.

- Вдовина Г. В.** *Species impressa*: об интенциональных формах в когнитивных концепциях постсредневековой схоластики // Филос. журн. 2016. Т. 9, № 3. С. 41–58. DOI 10.21146/2072-0726-2016-9-3-41-58
- Вдовина Г. В.** Интенциональность в средневековой и барочной схоластике // Филос. журн. 2020. Т. 13, № 3. С. 23–37. DOI 10.21146/2072-0726-2020-13-3-23-37
- Гуссерль Э.** Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. первая / Пер. с нем. А. В. Михайлова; Вступ. ст. В. А. Куренного. М.: Акад. проект, 2009.
- Гуссерль Э.** Логические исследования. М.: Акад. проект, 2011. Т. 2. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания.
- Джакоб П.** Интенциональность / пер. М. В. Семиколенных и М. А. Секацкой // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избр. ст. / под ред. Д. Б. Волкова, В. В. Васильева, М. О. Кедровой. URL: <http://philosophy.ru/intentionality/>. (дата обращения 25.12.2021).
- Дунс Скот.** Избранное / сост. и ред. Г. Г. Майоров. М.: Изд-во Францисканцев, 2001.
- Жильсон Э.** Дух средневековой философии / пер. с фр. Г. В. Вдовиной. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2011.
- Инишев И. Н.** Интенциональность и очевидность. Истоки трансцендентальной феноменологии Гуссерля // Изв. Том. политехн. ун-та. 2007. Т. 311, № 7. С. 84–88.
- Копылова А. О.** Гипотеза ментального языка: подходы У. Оккама и Дж. Фодора // Философия. Язык. Культура. Вып. 4 / отв. ред. В. В. Горбатов. СПб.: Алетейя, 2013. С. 154–169.
- Мотрошилова Н. В.** Интенциональность // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С. 133–134.
- Мотрошилова Н. В.** Интенциональность в «Логических исследованиях» Э. Гуссерля // Вопр. философии. 2000а. № 4. С. 138–157.
- Мотрошилова Н. В.** Учение Гуссерля о вещи, восприятии и пространстве (лекции 1907 г.) // Историко-филос. ежегодник'98. М.: Наука, 2000б. С. 301–329.
- Оккам У.** Избранное / пер. с лат. А. В. Апполонова и М. А. Гарнцева. М.: Едиториал УРСС, 2002. 272 с.
- Перлер Д.** Теории интенциональности в Средние века / пер. с нем. Г. В. Вдовиной. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 472 с.

- Фома Аквинский.** Сумма теологии. Вопросы 1–64 / пер. А. В. Апполонова. М.: Издатель Савин С. А., 2006. 817 с.
- Фролов А. В.** Интенциональность и объективность: эволюция понятия интенциональности в феноменологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2013. № 1. С. 33–44.
- Caston V.** Connecting Traditions Augustine and the Greeks on Intentionality. In: Perler D. (ed.). *Ancient and Medieval Theories of Intentionality*. Leiden, Brill, 2001, pp. 23–48.
- Dodd J.** Aristotle and Phenomenology. In: Bloechl J., de Warren N. (eds.). *Phenomenology in a New Key: Between Analysis and History*. Dordrecht, Springer, 2015, pp. 181–207.
- Drummond J.** Aristotelianism and Phenomenology. In: Drummond J., Embree L. (eds.). *Phenomenological Approaches to Moral Philosophy*. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 2002, pp. 15–45.
- Hochschild J. P.** Mental Language in Aquinas? In: Klima G. (ed.). *Intentionality, Cognition, and Mental Representation in Medieval Philosophy*. NY: Fordham Uni. Press, 2015, pp. 29–45.
- King P.** Thinking about Things: Singular Thought in the Middle Ages. In: Klima G. (ed.). *Intentionality, Cognition, and Mental Representation in Medieval Philosophy*. NY: Fordham Uni. Press, 2015, pp. 104–121.
- Kirkland S. D.** Dialectic and Proto-Phenomenology in Aristotle's Topics and Physics. *Proceedings of the Boston Area Colloquium of Ancient Philosophy*, 2014, no. 29 (1), pp. 185–213.
- Klima G.** Introduction: Intentionality, Cognition, and Mental Representation in Medieval Philosophy. In: Klima G. (ed.). *Intentionality, Cognition, and Mental Representation in Medieval Philosophy*. NY: Fordham Uni. Press, 2015, pp. 1–8.
- Knudsen C.** Intentions and impositions. In: Kretzmann N., Kenny A. and Pinborg J. (eds.). *The Cambridge History of Later Medieval Philosophy*. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1982, pp. 479–495.
- Libertson J.** Levinas and Husserl: Sensation and Intentionality. *Tijdschrift Voor Filosofie*, 1979, vol. 41, no. 3, pp. 485–502.
- Panaccio C.** *Le discours intérieur de Platon à Guillaume d'Ockham*. Paris, Éditions du Seuil, 1999.
- Pasnau R.** *Theories of Cognition in the Later Middle Ages*. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1997.

- Perler D.** (ed.). *Ancient and Medieval Theories of Intentionality*. Leiden, Brill, 2001.
- Read S.** *Concepts and Meaning in Medieval Philosophy*. In: Klima G. (ed.). *Intentionality, Cognition, and Mental Representation in Medieval Philosophy*. NY: Fordham Uni. Press, 2015, pp. 1–8.
- Searle J.** *Intentionality*. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1983.

References

- Berdaus S. V., Sanzhenakov A. A.** Phenomenology: retrospective and prospective approaches. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 18, no. 1, pp. 40–50. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-40-50
- Berestov I. V.** Defekt v teorii peredachi form Aristotelya i Fomy Akvinskogo [Deficiency in Aristotle's and Aquinas's Transmission of Forms Theory]. *Tomsk State University Journal*, 2019, no. 439, pp. 73–84. (in Russ.) DOI 10.17223/15617793/439/9
- Boethius.** “Utshenie filosofiei” i drugie traktaty [“The Consolation of Philosophy” and other treatises]. Ed. by G. G. Maiorov. Moscow, Nauka, 1990.
- Brentano F.** *Izbrannye raboty* [Selected works]. Transl. by V. Anashvili. Moscow, Dom intellektual'noi knigi Publ., 1996. (in Russ.)
- Caston V.** Connecting Traditions Augustine and the Greeks on Intentionality. In: Perler D. (ed.). *Ancient and Medieval Theories of Intentionality*. Leiden, Brill, 2001, pp. 23–48.
- Dodd J.** Aristotle and Phenomenology. In: Bloechl J., de Warren N. (eds.). *Phenomenology in a New Key: Between Analysis and History*. Dordrecht, Springer, 2015, pp. 181–207.
- Drummond J.** Aristotelianism and Phenomenology. In: Drummond J., Embree L. (eds.). *Phenomenological Approaches to Moral Philosophy*. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 2002, pp. 15–45.
- Duns Scotus.** *Izbrannoe*. Ed. by G. G. Maiorov. Moscow, Izdatel'stvo Frantsiskantsev, 2001. (in Russ.)
- Frolov A. V.** Intentsional'nost' i ob"ektivnost': evolyutsiya ponyatiya intentsional'nosti v fenomenologii [The intentionality and objectivity: the evolution of intentionality concept in phenomenology]. *Moscow university bulletin. Series 7. Philosophy*, 2013, no. 1, pp. 33–44. (in Russ.)
- Gilson É.** *Dukh srednevekovoi filosofii*. Transl. by G. V. Vdovina. Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 2011.

- Hochschild J. P.** Mental Language in Aquinas? In: Klima G. (ed.). *Intentionality, Cognition, and Mental Representation in Medieval Philosophy*. NY: Fordham Uni. Press, 2015, pp. 29–45.
- Husserl E.** *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy]. Moscow, Akadem. Proekt Publ., 2009. (in Russ.)
- Husserl E.** *Logicheskie issledovaniya*. T. II. Ch. 1: *Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya* [Logical Investigations. Vol. 2. Pt. 1: Investigations in Phenomenology and Knowledge]. Trasl. by V. I. Molchanov. Moscow, Akadem. Proekt Publ., 2011. (in Russ.)
- Inishev I. N.** *Intentsional'nost' i ochevidnost'. Istoki transtsendental'noi fenomenologii Gusserlya* [Intentionality and Obviousness. Origins of Husserl's Transcendental Phenomenology]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2007, vol. 311, no. 7, pp. 84–88. (in Russ.)
- Jacob P.** *Intentsional'nost'* [Intentionality]. *Stanford Encyclopedia of Philosophy: translations of selected articles*. (in Russ.) URL: <http://philosophy.ru/intentionality/> (accessed 25.12.2021)
- King P.** Thinking about Things: Singular Thought in the Middle Ages. In: Klima G. (ed.). *Intentionality, Cognition, and Mental Representation in Medieval Philosophy*. NY: Fordham Uni. Press, 2015, pp. 104–121.
- Kirkland S. D.** Dialectic and Proto-Phenomenology in Aristotle's Topics and Physics. *Proceedings of the Boston Area Colloquium of Ancient Philosophy*, 2014, no. 29 (1), pp. 185–213.
- Klima G.** Introduction: Intentionality, Cognition, and Mental Representation in Medieval Philosophy. In: Klima G. (ed.). *Intentionality, Cognition, and Mental Representation in Medieval Philosophy*. NY: Fordham Uni. Press, 2015, pp. 1–8.
- Knudsen C.** Intentions and impositions. In: Kretzmann N., Kenny A. and Pinborg J. (eds.). *The Cambridge History of Later Medieval Philosophy*. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1982, pp. 479–495.
- Kopylova A. O.** *Gipoteza mental'nogo yazyka: podkhody U. Okkama i Dzh. Fodora* [Mental language hypothesis: W. Ockham's and J. Fodor's approaches]. In: *Philosophy. Language. Culture*. Issue 4. Ed. by V.V. Gorbatov. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2013, pp. 154–169. (in Russ.)
- Libertson J.** *Levinas and Husserl: Sensation and Intentionality*. *Tijdschrift Voor Filosofie*, 1979, vol. 41, no. 3, pp. 485–502.
- Motroshilova N. V.** *Intentsional'nost'* [Intentionality]. In: *New Philosophical Encyclopedia*. In 4 vols. Vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 2010, pp. 133–134. (in Russ.)

- Motroshilova N. V.** Intentsional'nost' v «Logicheskikh issledovaniyakh» E. Gusserlya [Intentionality in E. Husserl's "Logical Investigations"]. *Voprosy filosofii*, 2000a, no. 4, pp. 138–157. (in Russ.)
- Motroshilova N. V.** Uchenie Gusserlya o veshchi, vospriyatii i prostranstve (lektzii 1907 g.) [Husserl's doctrine of things, perception and space (lectures of 1907)]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik'98*. Moscow, Nauka Publ., 2000b, pp. 301–329. (in Russ.)
- Ockham W.** Izbrannoe [Selected Works]. Transl. by A. V. Appolonov, M. A. Garntsev. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, 272 p. (in Russ.)
- Panaccio C.** Le discours intérieur de Platon à Guillaume d'Ockham. Paris, Éditions du Seuil, 1999.
- Pasnau R.** Theories of Cognition in the Later Middle Ages. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1997.
- Perler D.** (ed.). Ancient and Medieval Theories of Intentionality. Leiden, Brill, 2001.
- Perler D.** Teorii intentsional'nosti v Srednie veka [Medieval Theories of Intentionality]. Transl. by G. V. Vdovina. Moscow, Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS Publ., 2016, 472 p. (in Russ.)
- Read S.** Concepts and Meaning in Medieval Philosophy. In: Klima G. (ed.). Intentionality, Cognition, and Mental Representation in Medieval Philosophy. NY: Fordham Uni. Press, 2015, pp. 1–8.
- Searle J.** Intentionality. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1983.
- Thomas Aquinas.** Summa teologii. Voprosy 1–64 [Summa Theologiae. Questions 1–64]. Transl. by A. V. Appolonov. Moscow, Izdatel' Savin S. A. Publ., 2006, 817 p. (in Russ.)
- Vdovina G. V.** Intentsional'nost' v srednevekovoi i barochnoi skholastike [Intentionality in medieval and baroque scholasticism]. *The Philosophy Journal*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 23–37. (in Russ.) DOI 10.21146/2072-0726-2020-13-3-23-37
- Vdovina G. V.** Species impressa: ob intentsional'nykh formakh v kognitivnykh konseptsiyakh postsrednevekovoi skholastiki [*Species impressa*: on the intentional forms in cognitive doctrines of post-medieval Scholasticism]. *The Philosophy Journal*, 2016, vol. 9, no. 3, pp. 41–58. (in Russ.) DOI 10.21146/2072-0726-2016-9-3-41-58

Информация об авторе

Александр Афанасьевич Санжеников, кандидат философских наук
старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН

Information about the Author

Alexander A. Sanzhenakov, Candidate of Sciences (Philosophy)
Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 09.01.2022;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.01.2022*
*The article was submitted 09.01.2022;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.01.2022*

Научная статья

УДК 1(09)

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-136-144

**Первый философ Хакасии
(к 90-летию со дня рождения
Виктора Семеновича Анжиганова)**

Ирина Николаевна Трошкина¹

Саяна Алексеевна Чебодаева²

^{1,2} Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории
Абакан, Россия

¹ i.troschkina2012@yandex.ru

² lib.haknii@mail.ru

Аннотация

Десятого февраля 2021 г. первому философу Хакасии исполнилось 90 лет со дня рождения. Он представляет научную и педагогическую общественность региона, является первым хакасским исследователем национального вопроса народов Сибири, первым специалистом в своей области в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории. Исследования и общественная деятельность юбиляра вызывают особый интерес научной общественности, что связано с актуальностью темы его докторской диссертации, которую ему не пришлось защитить. В этой связи важным является освещение его жизнедеятельности. Главным направлением исследований юбиляра стало формирование социалистических наций (исторический опыт народов Советского Востока). Значительное внимание В. С. Анжиганов отводил вопросам изменения государственности хакасов. Идеи юбиляра сыграли значимую роль в становлении национальной государственности, этнической культуры народа.

Ключевые слова

юбилей философа, философ Хакасии, Виктор Семенович Анжиганов, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Для цитирования

Трошкина И. Н., Чебодаева С. А. Первый философ Хакасии (к 90-летию со дня рождения Виктора Семеновича Анжиганова) // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 4. С. 136–144. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-136-144

© Трошкина И. Н., Чебодаева С. А., 2021

The First Philosopher of Khakassia (On the 90th Anniversary of Viktor Semyonovich Anzhiganov)

Irina N. Troshkina¹

Sayana A. Chebodaeva²

^{1,2} Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

Abakan, Russian Federation

¹ i.troschkina2012@yandex.ru

² lib.haknii@mail.ru

Abstract

On February 10, 2021, the first philosopher of Khakassia turned 90 years old. He represents the scientific and pedagogical community of the region, is the first Khakass researcher of the national issue of the peoples in Siberia, the first specialist in his field at Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. The anniversary celebrant's research and activities are of particular interest to the scientific community, which is due to the relevance of his doctoral dissertation topic, which he did not happen to defend. In this regard, it is important to cover his life. The main direction of the anniversary celebrant's research has become the formation of socialist nations (the historical experience of the peoples in the Soviet East). V. S. Anzhiganov devoted significant attention to the issues of change of the Khakass' statehood. The ideas of anniversary celebrant's played a significant role in the formation of national statehood, ethnic culture of the people.

Keywords

anniversary of the philosopher, philosopher of Khakassia, Viktor Semyonovich Anzhiganov, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

For citation

Troshkina I. N., Chebodaeva S. A. The First Philosopher of Khakassia (On the 90th Anniversary of Viktor Semyonovich Anzhiganov). *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 136–144. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-136-144

Республика Хакасия 10 февраля 2021 г. отмечала юбилей первого философа – Виктора Семеновича Анжиганова, получившего ученую степень по философской науке в начале 1960-х годов. К юбилею ученого были опубликованы статьи коллег, воспоминания родственников. В. С. Анжиганов стоит у истоков философского сообщества региона, занимающегося национальной проблематикой, является ярким представителем хакасской интеллигенции, отстаивающим в третьей четверти XX в. идею изменения статуса региона (признания на правительственном уровне национально-территориальных особенностей территории, высокого статуса Хакасии как субъекта страны). С момента появления первого остепененного философа прошло более полувека, на сегодняшний день философское со-

общество Республики Хакасии насчитывает в своих рядах более 30 человек, в их числе пять докторов наук – Г. Г. Котожеков, В. А. Кузьмин, Л. В. Анжиганова, Р. Н. Ибрагимов, М. Н. Чистанов.

Члены философского сообщества работают в сфере образования и науки, представляют Хакасский государственный университета им. Н. Ф. Катанова (ХГУ им. Н. Ф. Катанова) и Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ).

Виктор Семенович Анжиганов трудился в двух данных учреждениях, начал свою научно-педагогическую деятельность в ХакНИИЯЛИ. За более чем 60-летний период (1958–2021 гг.) с момента появления первого в научном институте философа здесь работало семь специалистов данного научного направления. Большую известность, общественное признание среди них в регионе получили: Анжиганов Виктор Семенович (1958–1961 гг., ученый секретарь ХакНИИЯЛИ, кандидат философских наук), Анжиганова Лариса Викторовна (1994–1998 гг., заведующий сектором социологии и экономики ХакНИИЯЛИ, доктор философских наук), Котожеков Гавриил Гаврилович (1996–1998 гг., директор ХакНИИЯЛИ, доктор философских наук). Общим полем исследований философов ХакНИИЯЛИ являлись проблемы хакасского народа: формирование нации, мировоззрение народа, этнокультурное пространство, национальная культура, этническая стратификация, этническое самосознание, родословные, хакасская семья, семейные ценности и др.

Стоит отметить значимую роль представителей философской науки ХакНИИЯЛИ в развитии Хакасии: Анжиганов Виктор Семенович – ученый секретарь ХакНИИЯЛИ, второй секретарь Абаканского горкома ВЛКСМ; Анжиганова Лариса Викторовна – заведующий сектором социологии и экономики ХакНИИЯЛИ, директор Гуманитарного научно-исследовательского института ХГУ им. Н. Ф. Катанова, заместитель Министра национальной и территориальной политики РХ (заслуженный работник высшей школы РХ, заслуженный деятель науки РХ); Котожеков Гавриил Гаврилович – главный режиссер и главный редактор вещания на хакасском языке Абаканской студии телевидения в Хакасском областном комитете по радиовещанию и телевидению, главный редактор газеты «Ленин чолы», директор ХакНИИЯЛИ (председатель Южно-Сибирского отделения Академии социальных наук, заслуженный деятель науки РХ). Двадцать третьего июня 2022 г. Г. Г. Котожекову исполнится 80 лет.

Сложность становления философской науки в регионе была связана с ее политизированностью, высокими требованиями к освещению национального вопроса в советский период, в том числе в отношении темы «повышение статуса

Хакасии», за что ратовал Виктор Семенович Анжиганов. Это отразилось на судьбе первого философа Хакасии.

Родоначальником философской мысли в Хакасии является Виктор Семенович Анжиганов (10.02.1931 – 25.06.1983) – первый хакасский исследователь проблем национального вопроса народов Сибири [Данькина, 2019, с. 17], в том числе и Хакасии, первый философ, появившийся в рядах ученых института (защита кандидатской диссертации состоялась в 1965 г.). Десятого февраля 2021 г. исполнилось 90 лет со дня его рождения.

Значимую роль в жизни В. С. Анжиганова сыграла семья, которая заложила основы его устремлений к знаниям. Он родился в с. Усть-Камышта Сиявинского сельсовета Усть-Абаканского района Хакасской автономной области в многодетной семье и был самым младшим ребенком из четырех сыновей. Мать, Екатерина Владимировна, в девичестве Костякова, работала в колхозе им. Тельмана Усть-Абаканского района; отец – Семён Константинович Анжиганов являлся председателем сельсовета Усть-Абаканского района, членом ВКП(б), ушел из жизни в тот год, когда родился Виктор Семенович.

О себе в автобиографии ученый написал следующее: «В 1938 г. я поступил в 1-й класс Камыштинской начальной школы, в 1943 г. был принят в 5-й класс Немирской неполной средней школы. Из-за тяжелого материального состояния в 1946–1947 гг. я вынужден был оставить школу и пойти работать. С 1947 по 1951 гг. учился в Хакасской областной национальной школе, в дальнейшем поступил на философский факультет Ленинградского университета, который окончил в 1956 г. В этом же году был принят на работу в редакцию газеты «Хызыл аал» в качестве литературного работника. 13–14 января 1957 г. состоялась очередная конференция комсомола в г. Абакане, где меня избрали членом ГК ВЛКСМ, первый пленум утвердил секретарём ГК ВЛКСМ. В 1958 г. я был освобождён от работы секретаря и был принят заведующим корреспондентской се-

В. С. Анжиганов, 1960-е гг.
(из личного архива
семьи Анжигановых)

V. S. Anzhiganov, the 1960s
(from the personal archive
of the Anzhiganov family)

тью в редакцию Хакасского областного радио»¹. Нужно сказать, что еще в школьный период обучения «юноша зарекомендовал себя как универсальный талантливый ученик: играл на музыкальных инструментах, рисовал, танцевал. Организаторские способности, активная жизненная позиция и прекрасное чувство юмора собирали вокруг Виктора много друзей» [Человек и его время..., 2013, с. 151–152].

В последующем его трудовая деятельность была связана с Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории. На протяжении четырех лет он представлял административный аппарат научного института – работал в должности ученого секретаря ХакНИИЯЛИ, и. о. директора, а также трудился младшим научным сотрудником сектора истории².

Руководящая деятельность В. С. Анжиганова в Хакасском научно-исследовательском институте в период, когда директором учреждения работал Степан Павлович Ултургашев, сопровождалась научной работой. Она была связана с изучением хакасского этноса, в частности, формированием социалистического политического сознания трудящихся хакасов, происхождением хакасов. Дочь Виктора Семеновича Лариса Викторовна Анжиганова вспоминает, что отца волновали проблемы, связанные с состоянием и развитием хакасского народа: его прошлое, настоящее и будущее, изменение государственности хакасов как условие сохранения и развития этноса, факторы вхождения хакасского народа в мировую цивилизацию.

Также он занимался изучением вопросов региональной истории. В списке научных работ младшего научного сотрудника фигурируют следующие труды: «Долголетие» (Долгожители Хакасии), 1960 г. (в соавторстве); «Бригады и ударники комтруда в Хакасии» (в сборнике докладов, посвященных 30-летию Хакасии), 1961 г.; «Коллективы Коммунистического труда в Хакасии» (брошюра), 1961 г.; «Коллективы и ударники коммунистического труда и их роль в формировании человека коммунистического общества» (лекция для Хакасского отделения общества «Знание»), 1961 г.; «За власть Советов» (сборник воспоминаний участников гражданской войны), редакторская деятельность, 1961 г.; «Великий русский мыслитель (к 130-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского)» (статья в газете «Ленин чолы»), 1958 г.³

Стремление к знаниям сопровождало всю его сознательную жизнь. Неслучайно после завершения работы в научном учреждении, он защищает кандидатскую диссертацию по философии на тему «Материально-технические, социаль-

¹ Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. ЛД 83.

² Там же.

³ Там же.

но-экономические и духовные основы становления коммунистического труда» (1965 г., г. Фрунзе). Это событие произошло через год после окончания обучения в аспирантуре Сибирского отделения Российской академии наук СССР (г. Новосибирск). В последующем в 1970-е годы им была подготовлена докторская диссертация «Формирование социалистических наций (исторический опыт народов Советского Востока)», защита не состоялась, монография не увидела свет. Данное обстоятельство связано с событиями начала 1970-х гг., когда им была обоснована необходимость предоставления Хакасии статуса автономной республики, выхода из состава Красноярского края.

В. С. Анжиганов обратился к Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу и Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину с письмом, в котором на высоком научном уровне обосновал необходимость предоставления Хакасии статуса автономной республики. Виктор Семёнович отмечал в письме, что по многим важнейшим показателям социально-экономического развития Хакасская автономная область опередила автономные республики, в связи с чем предложил рассмотреть вопрос о её выходе из состава Красноярского края и «преобразования в автономную республику в пределах существующих границ с включением в неё территории Шарыповского района» [Мамышева, Медведева, 2020, с. 158].

В дальнейшем В. С. Анжиганова ждала серия партийных собраний, на которых он был обвинен в национализме. Он стал невъездным, о научной и административной карьере уже не приходилось мечтать [Человек и его время..., 2013, с. 155].

В 1960-е и с середины 1970-х гг. и до конца своей жизни он работал доцентом, старшим научным сотрудником Абаканского государственного педагогического института. Виктор Семенович скончался в 1983 г. на 52-м году жизни.

Виктор Семенович Анжиганов является яркими представителем философского сообщества Хакасии, первооткрывателем в данном научном направлении, основателей разработки проблематики национального вопроса народов Сибири, известным в регионе исследователем, педагогом. Он внес значимый вклад в развитие национальной проблематики территории, актуализировал значимые вопросы этнокультурной, этнополитической направленности народов Сибири, в том числе и Хакасии. Спустя двадцатилетие его идея о выделении национальной территории в самостоятельный субъект страны реализовалась – 29 января 1992 г. Хакасия стала именоваться республикой, событие являлось важным шагом на пути к национальному самоопределению; 25 мая 1995 г. была принята первая в истории Хакасии Конституция, ставшая отправной точкой к государст-

венному строительству. Данные события дали импульс новому этапу развития региона.

Список опубликованных работ В. С. Анжиганова представлен трудами:

Автореферат диссертации, монография

1. Анжиганов В. С. Материально-технические, социально-экономические и духовные основы становления коммунистического труда: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Абакан, 1961. 22 с.

2. Анжиганов В. С. Учиться работать и жить по-коммунистически / отв. ред. И. И. Матвеевков; Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, лит. и истории. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1963. 64 с.

Научные статьи

3. Коллективы коммунистического труда в Хакасии / В. С. Анжиганов // 30-летие Хакасской автономной области: из материалов научной конференции / Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, лит. и истории; отв. ред. С. П. Ултургашев. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1961. С. 35–46.

4. К вопросу об определении коммунистического труда / В. С. Анжиганов // Учен. зап. Вып. XII / Хакасский научно-исследовательский ин-т языка, литературы и истории. Абакан: Хакас. отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1966. С. 17–31.

5. Некоторые актуальные проблемы развития национальных отношений в Сибири / В. С. Анжиганов // Советский народ – новая историческая общность людей: Тр. межвуз. науч. конф. / отв. ред. П. М. Рогачев. Волгоград, 1969. С. 341–345.

6. Особенности формирования и развития общественной активности хакасов / В. С. Анжиганов // По ленинскому пути / Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, лит. и истории; отв. ред. С. П. Ултургашев. Абакан, 1970. С. 69–82.

7. Некоторые особенности строительства социализма в национальных районах Сибири / В. С. Анжиганов // Учен. зап. Вып. XVI / Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, лит. и истории. Абакан: Хакас. обл. тип., 1971. С. 79–89.

8. Особенности формирования и развития общественной активности народа Сибири (1920–1965 гг.) // Ленинское учение о возможности перехода отсталых народов к социализму и его осуществление / Дагестан. гос. пед. ин-т. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1972. С. 119–125.

9. Формирование и развитие коммунистического сознания хакасов // Торжество ленинской национальной политики: материалы науч. конф., посв. 50-летию образования СССР / Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, лит. и истории. Абакан, 1973. С. 70–81.

10. Интересный труд по истории национально-государственного строительства в Сибири: [рец. на кн.: Санжиев, Г. Л. В. И. Ленин и национально-государственное строительство в Сибири (1917–1937 гг.). Улан-Удэ, 1971. 176 с.] / В. С. Анжиганов, С. П. Ултургашев, М. А. Митюков // Учен. зап. Вып. XIX / Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, лит. и истории. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1974. С. 172–177.

11. Формирование и развитие социалистического сознания трудящихся хакасов / В. С. Анжиганов // 50 лет Хакасской автономной области: материалы науч. конф., посв. 50-летию Хакас. автон. обл. / Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, лит. и истории. Абакан, 1981. С. 161–168.

Список литературы

Данькина Н. А. Анжиганов Виктор Семенович // Учен. зап. Хакас. науч.-исслед. ин-та языка, лит. и истории (к 75-летию ХакНИИЯЛИ): биобиблиогр. справочник. Абакан: ООО «ИПП «Журналист», 2019. С. 17.

Мамышева Е. П., Медведева Н. Н. Виктор Семенович Анжиганов: ученый-философ, педагог, общественный деятель (к 90-летию со дня рождения) // Вестн. Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2020. № 3(33). С. 155–160.

Человек и его время в истории Хакасии и сопредельных территорий. Монография. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2013. С. 151–152.

References

Dankina N. A. Anzhiganov Viktor Semenovich. In: Uchenye Hakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii (k 75-letiyu HakNIYALI): biobibliograficheskij spravochnik. Abakan, Zhurnalist Publ., 2019, p. 17. (in Russ.)

Mamysheva E. P., Medvedeva N. N. Viktor Semenovich Anzhiganov: uchenyj-filosof, pedagog, obshchestvennyj deyatel' (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya) // Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova, 2020, no. 3 (33), pp. 155–160. (in Russ.)

Chelovek i ego vremya v istorii Khakasii i sopredel'nykh territorij. Monografiya. Abakan, 2013, pp. 151–152. (in Russ.)

Информация об авторах

Ирина Николаевна Трошкина, кандидат философских наук
заведующая сектором экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Саяна Алексеевна Чебодаева
заведующая библиотекой Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Information about the Authors

Irina N. Troshkina, Candidate in Philosophy
Head of the Department of Economics and Sociology at Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

Sayana A. Chebodaeva
Head of the Library of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

*Статья поступила в редколлегию 24.12.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.01.2022
The article was submitted 24.12.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.01.2022*

Рецензия на книгу

УДК 165.731

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-145-154

Сила и слабость логического позитивизма Е. В. Булыгина

Рецензия на книгу:

Как возможна логика в праве? / Под общ. ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2021

Елена Альбертовна Баженова

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
Владимир, Россия
yelenabazhenova0304@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0088-6131>

Аннотация

В рецензии представлена развернутая оценка коллективного исследования творчества русско-аргентинского правоведа Евгения Викторовича Булыгина, результаты которого нашли отражение в книге «Как возможна логика в праве?» (под общ. ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2021). Подчеркивается, что участникам исследования удалось всесторонне проанализировать достоинства и недостатки логического позитивизма Е. В. Булыгина. К числу первых большинство исследователей относят разграничение между нормами права и нормативными предложениями, благодаря которому правовые предписания стали поддаваться логическому анализу. Слабые стороны логического позитивизма авторы связывают с его неспособностью обосновать нормативность, а также с недостатками дедуктивизма как модели судебной аргументации.

Ключевые слова

Е. В. Булыгин, право, логика, логический позитивизм, нормы, нормативные предложения, дедуктивная модель правоприменения

Для цитирования

Баженова Е. А. Сила и слабость логического позитивизма Е. В. Булыгина. Рец. на кн.: Как возможна логика в праве? / Под общ. ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2021 // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 4. С. 145–154. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-145-154

© Баженова Е. А., рец., 2021

Bazhenova E. A. Strength and Weakness of E. V. Bulygin's Logical Positivism

Book Review:

Antonov M. V., Lisanyuk E. N., Tonkov E. N. (eds.)

How Is Logic in Law Possible?

St. Petersburg, Aleteia, 2021

Elena A. Bazhenova

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
Vladimir, Russian Federation
yelenabazhenova0304@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0088-6131>

Abstract

The review provides a detailed account of the collective study of the oeuvre of the Russian-Argentinian legal scholar Evgeny Viktorovich Bulygin, the results of which are reflected in the book "How Is Logic in Law Possible?" (M. V. Antonov, E. N. Lisanyuk, E. N. Tonkov (eds.). St. Petersburg: Aleteia, 2021). It is emphasized that the research participants succeeded in carrying out a comprehensive analysis of the merits and deficiencies of Bulygin's logical positivism. Among the merits, most researchers consider the distinction between the rules of law and normative propositions, in virtue of which legal prescriptions came to lend themselves to logical analysis. The authors associate the weaknesses of logical positivism with its inability to justify normativity, as well as with the shortcomings of deductivism as a model of judicial argumentation.

Keywords

E. V. Bulygin, law, logic, logical positivism, norms, normative propositions, deductive model of the application of law

For citation

Bazhenova E. A. Strength and Weakness of E. V. Bulygin's Logical Positivism. Book Review: Antonov M. V., Lisanyuk E. N., Tonkov E. N. (eds.). How Is Logic in Law Possible? St. Petersburg. Aleteia, 2021. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 145–154. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-145-154

Евгений Викторович Булыгин (1931–2021) – один из немногих философов права с мировым именем, имеющих российское происхождение. Булыгин родился в Харькове, учился и преподавал в Университете Буэнос-Айреса, проводил исследования в Оксфорде под руководством Г. Л. А. Харта, писал на испанском, английском и немецком языках, полемизировал с Гансом Кельзенем, Альфом Россом и Робертом Алекси. Эта полемика, как и научная карьера Е. В. Булыгина в целом, отражают интернациональный характер философии права, в противо-

положность распространенному мнению о национальной специфике правовых систем, каждая из которых замкнута на обсуждение собственных уникальных проблем правовой теории и практики. Сложность и многогранность затронутых авторами сборника вопросов погружают читателя в контекст современных мировых философско-правовых дискуссий, и сборник можно рассматривать как важное связующее звено между русскоязычной и мировой философией права.

Книга задумывалась как академический подарок Евгению Викторовичу, которому 25 июля 2021 года должно было исполниться 90 лет. Уже после окончания подготовки книги к изданию пришла скорбная новость о том, что Е. В. Булыгин скончался 11 мая 2021 г. Тем не менее, как отмечают редакторы, книга остается свидетельством уважения и интереса русскоязычного научного сообщества к взглядам и теории русско-аргентинского правоведа.

Как возможна логика в праве? Что может дать логика праву, а право – логике? Этими фундаментальными вопросами редакторы предваряют коллективное исследование творчества Е. В. Булыгина, разработавшего обновленную версию юридического позитивизма – логический позитивизм – на основе деонтической логики Г. Х. фон Вригта. Ряд авторов сборника обращаются к полемике между Е. В. Булыгиным и британским философом Сьюзен Хаак, утверждающей, что логика играет в праве важную, но ограниченную роль [Haack, 2007]. С этим утверждением можно согласиться, как соглашался с ним и сам Евгений Викторович, подчеркивая, тем не менее, успехи применения логики в праве. Думается, что попытка Е. В. Булыгина и его соавтора К. Э. Альчуррона построить теорию нормативных систем («Нормативные системы» – название центрального труда творческого тандема) на основе деонтической логики ценна прежде всего как опыт применения в анализе права революционных достижений логики конца XIX – первой половины XX в.

Одним из важнейших успехов логики в праве Е. В. Булыгин считал разграничение между дескриптивным и прескриптивным пониманиями норм, отталкиваясь от которого, равно как и от идей Г. Х. фон Вригта, он предложил разделять нормы и нормативные предложения. Как отмечает В. И. Павлов, данное разграничение плохо соотносится с принятым в русскоязычном правоведении понятийно-категориальным аппаратом. Е. В. Булыгин исходит из экспрессивной концепции норм, сторонники которой представляют норму как определенный речевой акт – речевое действие (этот аспект подробно рассмотрен в текстах В. В. Оглезнева и А. Б. Дидикина). Связь норм с видами действий используется Е. В. Булыгиным как аргумент в пользу невозможности логических отношений между нормами. Однако такие отношения возможны между нормативными предложениями, к которым применимы критерии истинности / ложности. Со-

ветское правоведение не видело необходимости в выделении дескриптивного аспекта норм, поскольку считалось, что нормы в своем регулятивном качестве отражают общественную деятельность [Баранов, 1989, с. 110–111].

В. Н. Карташов критически оценивает тезис Е. В. Булыгина о разграничении между нормами права и нормативными предложениями. По его мнению, само нормативно-правовое предписание обладает логической структурой – внутренним строением, конструируемым по схеме: «Если..., то..., иначе...». Представляется, однако, что элементы данной схемы не выводятся друг из друга по правилам логики, и осознание этого, возможно, явилось фактором, склонившим Е. В. Булыгина к экспрессивной концепции норм. И. Л. Честнов подчеркивает, что структура нормы права состоит из гипотезы, которая описывается дескриптивными предложениями, и диспозиции, формулируемой прескриптивными предложениями. Если нет логической выводимости долженствования из описания фактического положения дел (дилемма Йоргенсена), то структура нормы права не может быть обоснована правилами формальной логики. Конструирование норм права в таком случае, полагает И. Л. Честнов, основывается на «нелогических» положениях (социальных, культурных, психических факторах, формирующих условия произнесения высказывания). Можно согласиться с Ильей Львовичем в том, что проблема выведения должного из сущего не решается средствами формальной логики. Тем не менее, крайности некогнитивизма в вопросе обоснования нормативности – не единственная опция; современная философия предлагает и рациональные подходы к решению этого вопроса, например, возрождение телеологической схемы Аристотеля А. Макинтайром или упоминаемая И. Л. Честновым делиберативная концепция Ю. Хабермаса.

Н. В. Варламова обращает внимание на свойственный юридическому позитивизму этический скептицизм, который, по ее мнению, лишает позитивистских теоретиков инструментария для обоснования прав человека. Так, Е. В. Булыгин утверждает, с одной стороны, что права человека «лишены твердой почвы», «предварительно не защищены ни посредством естественного права, ни посредством объективной морали», с другой – что права «представляют собой достижение человечества, которое следует оберегать» [Булыгин, 2016, с. 72]. Н. В. Варламова справедливо указывает на противоречивость данных заявлений русско-аргентинского правоведа.

Впрочем, Е. В. Булыгина, как кажется, не интересуют вопросы обоснования нормативности, и в этом он верен программе эмпиризма. В исследовании М. В. Антонова отмечается, что, основываясь на позитивистском тезисе о социальных источниках права, Булыгин критикует теорию двух миров (Сущего и Должного), а также выводимую из нее характеристику правовых норм как

принадлежащих к миру Должного, которой следует Г. Кельзен. С точки зрения юридического позитивизма, полагает Е. В. Булыгин, фактические действия по созданию, промульгации, отмене правовых норм являются условиями существования всех норм права. Для позитивиста Должное в праве не может возникнуть иначе как через те акты и процессы, что протекают в мире Сущего. М. В. Антонов рассматривает критику Булыгиным элементов трансцендентализма, которые Кельзен воспринял из философии Канта. По мнению русско-аргентинского правоведа, эти элементы не согласуются с методологическими принципами юридического позитивизма, приводят к непоследовательности в теории Кельзена, и поэтому их следует исключить. Важнейший идеалистический элемент такого рода – тезис Кельзена об «эпистемологическом создании» норм права, согласно которому наука о праве участвует в создании своего предмета. Этот тезис, по мнению Булыгина, несовместим с позитивистской идеей о социальных источниках права. Нет необходимости, полагает он, прибегать к категориям рас-судка как условию возможности права.

В продолжение дискуссии о нормативных предложениях интерес представляет наблюдение Е. Л. Поцелуева о том, что, хотя в примерах, приводимых Е. В. Булыгиным, норма и нормативное высказывание имеют одинаковые языковые выражения, по смыслу его теории нормативные высказывания выступают результатом дескриптивного толкования нормы и, следовательно, могут отличаться друг от друга и от нормы по формулировкам и значению. Свет на эту проблему проливает исследование И. К. Лавренюка, показывающее, что Е. В. Булыгин разграничивал нормативные предложения как дескриптивные нормы-формулировки и теоретические высказывания о праве, которые также носят дескриптивный характер, но могут сообщать и иную информацию о фактическом положении дел в правовом порядке, помимо описания содержания норм. Тем не менее, простота подобного разграничения лишь кажущаяся, как свидетельствуют размышления Ю. Е. Пермякова о естественно-правовых основаниях доктринальных суждений. По мнению Юрия Евгеньевича, анализ правового мышления весьма часто затрагивает проблематику естественного права, потому что – в отличие от правовых норм – правила толкования и конструирования юридических понятий не устанавливаются государственной властью, и в них невозможно усмотреть наличие политической воли. Обсуждая предложенную Е. В. Булыгиным категорию нормативных предложений как дескриптивных высказываний, Ю. Е. Пермяков подчеркивает, что в праве дескриптивные и смысловые аспекты не так просто разделить. Например, норма не принадлежит фактической реальности, а, скорее, свидетельствует о должном как о человеческом способе бытия, сопряженном с усилием, направленным на признание, узнавание и расставание

с собственной анонимностью, благодаря чему только и возможно вменение действия субъекту в качестве основания моральной и правовой ответственности. Правовые притязания, пишет Ю. Е. Пермяков, не измышляются беспечным сознанием, но обусловлены экзистенциальной необходимостью, и именно поэтому мобилизуют субъекта на встречу с инстанцией. Равным образом, описание нормы не может быть тождественно ее изложению (индикации), но включает в себя характеристику ее принадлежности к целостности, включая суждения о действительности и действенности нормы в рамках правового порядка. Наконец, юридические высказывания, касающиеся каких-либо обстоятельств, всегда располагаются в перспективе предстоящего разрешения дела (обладают перформативным значением), что делает проблематичным их сведение к логической формуле, адресованной безучастному слушателю.

Несколько текстов сборника посвящены пониманию Е. В. Булыгиным действительности и действенности норм права. Н. С. Васильева рассматривает данный вопрос в контексте идей Альфа Росса, от которых Е. В. Булыгин во многом отталкивался в своих рассуждениях. И Альф Росс, и Е. В. Булыгин критикуют идею Г. Кельзена о нормативной действительности права как обязательности постольку, поскольку она указывает на моральную обязанность повиноваться праву. Однако, если Росс связывает действительность норм с психологическими переживаниями, главным образом, правоприменителей, то Булыгин уходит от психологизма, истолковывая нормативную действительность при помощи термина «применимость», который он трактует как правовую обязанность, установленную «нормами применения» (например, нормой Уголовного кодекса, обязывающей судью применить более мягкое наказание [Булыгин, 2013, с. 352]). Нормативная действительность, по Булыгину, не зависит от каких-либо метафизических оснований, подобных Основной норме Кельзена либо системности права (системную действительность Булыгин трактует как исключительно дескриптивную категорию), но зависит лишь от существования в соответствующей правовой системе норм применения. Поэтому и понятие действительности, и понятие действенности права выступают у Булыгина как аспекты применимости.

С. М. Кускова исследует логические свойства правовой нормы, связанные с понятием ее действенности. Определение Е. В. Булыгиным действенности нормы как диспозиционного свойства позволяет обнаружить специфику последнего в умственных действиях судьи и агента, чье поведение норма регулирует. Действенность нормы подобна диспозиционному свойству сахара быть растворимым в воде. На уровне агента (или бытия) действенность означает, что нарушение нормы влечет для агента неблагоприятные последствия, следовательно, норма

направляет волю агента. Судья, действующий на метатеоретическом уровне (уровне познания), использует норму для обоснования решения. Связь между нормой и предпринимаемым на ее основе действием (или судебным решением) не является каузальной, поскольку действия совершаются и решения принимаются в результате умственной деятельности субъектов. По мнению С. М. Кусковой, полезно проводить аналогии между деонтическими и алетическими модальностями, так как эти модальности обладают общими свойствами, однако в алетических модальностях такие свойства менее выражены. Например, истинностная оценка как деонтических, так и алетических высказываний зависит от доступных субъекту средств познания и уровня знаний.

Обсуждение теории правоприменения Е. В. Булыгина представлено исследованиями А. А. Краевского, А. А. Петрова, К. В. Карпенко и И. Ф. Мачина. А. А. Краевский анализирует попытку Булыгина смягчить крайности правового формализма и правового реализма, основные положения которых русско-аргентинский правовед считает вполне совместимыми. Если формализм подчеркивает ведущую роль норм в принятии судебного решения, то реализм рассматривает в качестве ключевых в этом процессе неюридические факторы: политические соображения, моральные и религиозные идеи, личные оценки, эмоции и т.п. По мнению Е. В. Булыгина, одно не противоречит другому, поскольку реализм описывает мотивацию судьи (психологический вопрос), а формализм – нормативное обоснование решения (вопрос логический). Эти аспекты, полагает Булыгин, необходимо разделять. Кроме того, русско-аргентинский правовед не согласен с идеей Г. Кельзена об относительности различия между правотворчеством и правоприменением. Судебное решение, по Булыгину, – не индивидуальная норма (как полагал Кельзен), а логическое умозаключение, в котором мотивировочная часть играет роль посылок, а резолютивная часть – заключения. По мнению А. А. Краевского, имеются серьезные аргументы против такой позиции, в частности, она построена на оригинальном понимании Е. В. Булыгиным правотворчества, которое не подтверждается нормотворческой практикой; кроме того, Евгению Викторовичу не удастся полностью устранить сомнения в логической выводимости из общих норм некоторых категорий решений.

А. А. Петров указывает на недостаточность логического подхода авторов «Нормативных систем» к пониманию и разрешению коллизий правовых норм, поскольку этот подход редуцирует коллизии к логическим противоречиям норм либо утверждениям о соблюдении норм. В то же время, функциональный подход, связывающий конфликт с тем, что нормы влекут адресата к разным целям, содержит, по мнению А. А. Петрова, больше возможностей для идентификации и разрешения нормативных коллизий. К. В. Карпенко обсуждает критику

Е. В. Булыгиным «принципа замыкания» (всё, что не запрещено законом, разрешено), обязательность которого русско-аргентинский правовед признает лишь в случае его явного закрепления в качестве нормы права. По мнению К. В. Карпенко, принцип замыкания не теряет своей обязательности даже в том случае, если подобное закрепление отсутствует, что подтверждается традицией римского права, а также современной конституционно-правовой и международно-правовой практикой. И. Ф. Мачин отмечает, что исследование положения *nullum crimen sine lege* как «правила замыкания», проведенное К. Э. Альчурроном и Е. В. Булыгиным, позволяет посмотреть на систему уголовного права как на одну из замкнутых нормативных систем, отличных от других.

Наконец, следует особо отметить анализ рядом авторов вопросов системности права в теории Е. В. Булыгина. Рассматривая логические аспекты обоснования судебного решения в теории Е. В. Булыгина, Е. Н. Лисанюк и Е. В. Тимошина задаются вопросом о том, возможно ли отождествить обоснование решения с его выведением? Гарантом наличия отношения логического следования между посылками и заключением в нормативной системе выступают полнота и непротиворечивость нормативного множества. Поскольку требования полноты и непротиворечивости Булыгин считает не свойствами нормативной системы в юридическом смысле, а требованиями, обращенными к правоприменителю, конструирующему нормативное множество – нормативную систему в логическом смысле – для обоснования решения по делу, содержательная работа правоприменителя по построению такой формальной реконструкции, включая выбор одних элементов и отбрасывание других, остается за рамками дедуктивной модели, что сводит на нет гарантию учета всех имеющих значение для дела нормативных аспектов. Такой вывод наводит читателя на размышления о необходимости альтернатив дедуктивизму как модели судебной аргументации.

Е. Н. Тонков отталкивается от понятия нормативной системы, находящегося в центре анализа К. Э. Альчуррона и Е. В. Булыгина, и конструирует с его помощью плюралистическую картину юридической жизни, включающей, наряду с правом конкретного государства, нормативные системы судей и индивидуальные нормативные системы субъектов. Е. Н. Тонков обсуждает понятие нормативной системы с точки зрения формирования социально-психологических убеждений правоприменителя. Он солидаризируется с антиформализмом Е. В. Булыгина и К. Э. Альчуррона, однако, оставаясь на позициях юридического реализма, считает необходимым учитывать в теории правоприменения психологические элементы правовой жизни и конкретные жизненные обстоятельства тяжущихся субъектов.

Хотя каждый из авторов сборника рассматривает тот или иной специфический аспект творчества Е. В. Булыгина, «сквозной» характер тем, внимание к полемике, которую вел Евгений Викторович с ведущими правоведами XX столетия, а также разнообразие методологических позиций участников коллективного исследования позволяют читателю составить целостную картину теоретических представлений русско-аргентинского правоведа, включая их достоинства и недостатки. К числу несомненных достижений Е. В. Булыгина большинство авторов относят разграничение между нормами и нормативными предложениями, благодаря которому правовые предписания стали поддаваться логическому анализу. Слабость логического позитивизма Е. В. Булыгина исследователи связывают с неспособностью обосновать нормативность, с недостатками дедуктивизма как модели судебной аргументации, а также с чрезмерным упрощением картины правовой реальности вследствие строгой установки на эмпиризм и отделение описания от оценки.

Участникам коллективного исследования удалось показать, как обсуждение возможностей логики в праве способно вывести на осевые для юриспруденции проблемы понимания права, его рациональности, нормативности, системности, аргументативной природы и способности осуществить задачи правосудия. Результаты исследования, кроме того, демонстрируют, что и право способно влиять на развитие логики. Деонтическая логика, логика норм и некоторые другие неклассические логики работают с юридическим материалом, а развитие аргументативной теории права, как и непрекращающиеся дискуссии юристов об истинности правовых норм и принципов побуждают логику искать новые решения фундаментальных вопросов теории познания. Книга должна быть рекомендована каждому, кто интересуется логикой и философией права.

Список литературы

- Баранов В. М.** Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989.
- Булыгин Е. В.** Проблема действительности по Кельзену / пер. с нем. М. В. Антонова // Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. СПб.: ИД СПбГУ, 2013. С. 344–357.
- Булыгин Е. В.** К проблеме обоснования прав человека // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. СПб.: Алет-Пресс, 2016. С. 66–72.

Как возможна логика в праве? / Под ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетеия, 2021.

Haack S. On Logic in the Law: “Something, but not All”. *Ratio Juris*, 2007, vol. 20, no. 1, pp. 1–31.

References

Antonov M. V., Lisanyuk E. N., Tonkov E. N. (eds.) *Kak vozmozhna logika v prave* [How Is Logic in Law Possible?]. St. Peterburg, Aleteia, 2021. (in Russ.)

Baranov V. M. *Istinnost' norm sovetskogo prava. Problemy teorii i praktiki* [The Truth of the Norms of Soviet Law. Problems of Theory and Practice]. Saratov: Saratov university, 1989. (in Russ.)

Bulygin E. V. К проблеме обоснования прав человека [On the issue of human rights' justification]. In: Bulygin E. V. *Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava* [Selected Works in Theory of Law and Philosophy of Law]. St. Petersburg: Alef-Press, 2016, pp. 66–72 (in Russ.)

Bulygin E. V. Problema dejstvitel'nosti po Kel'zenu [The Problem of Validity According to Kelsen]. Transl. from German by M. V. Antonov. In: Alchourrón C. E., Bulygin E. V. “Normativnye sistemy” i drugie raboty po filosofii prava i logike norm [“Normative Systems” and Other Works on the Logic of Norms]. St. Petersburg, SPbSU Press, 2013, pp. 344–357. (in Russ.)

Haack S. On Logic in the Law: “Something, but not All”. *Ratio Juris*, 2007, vol. 20, no. 1, pp. 1–31.

Информация об авторе

Елена Альбертовна Баженова, кандидат юридических наук
доцент Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Information about the Author

Elena A. Bazhenova, Candidate of Law Science
Docent of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs

*Статья поступила в редколлегию 14.12.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.01.2022
The article was submitted 14.12.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.01.2022*

Рецензия на книгу

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-155-163

**Метафизика как первая наука, снова:
как возможен учебник по метафизике**

Рецензия на книгу:

**Lowe E. J. The Possibility of Metaphysics:
Substance, Identity, and Time. Clarendon Press, 1998**

Никита Владимирович Головко

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

Институт философии и права

Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Аннотация

Джонатан Лоу полагает, что метафизика должна восстановить свое центральное место в философии. Это автономная философская дисциплина, задача которой очертить область реально возможного посредством определения системы фундаментальных онтологических категорий, под которые подпадает все сущее, и отношений онтологической зависимости, в которых объекты различных онтологических категорий находятся друг с другом. Метафизические категории – это то, что задает смысл нашему опыту, однако, в отличие от И. Канта, они не являются следствием априорных ограничений, – наоборот, они подвержены пересмотру перед лицом опыта. Вопрос о том, почему в мире существует нечто, а не ничто, решается с не-витгенштейновским пониманием того, что такое мир (мир есть множество существующих объектов, так как мир как «множество фактов» не обладает определенными условиями тождественности), а также пониманием того, что универсалии должны проявляться актуально в партикуляриях. Не являясь в собственном смысле учебником, эта книга блестящий пример «возвращения Аристотеля» в современную метафизику.

Размышления о книге: Lowe E.J. The Possibility of Metaphysics: Substance, Identity, and Time. Clarendon Press, 1998.

© Головко Н. В., рец., 2021

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 4. С. 155–163
Siberian Journal of Philosophy, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 155–163

Ключевые слова

метафизика, необходимость, существование, категории, онтологическая зависимость, абстрактные объекты, субстанция, идентичность, претерпевание, событие, время

Для цитирования

Головко Н. В. Метафизика как первая наука, снова: как возможен учебник по метафизике. Рец. на кн.: Lowe E. J. *The Possibility of Metaphysics: Substance, Identity, and Time*. Clarendon Press, 1998 // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 4. С. 155–163. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-155-163

Metaphysics as a First Science, Again: How a Textbook on Metaphysics Is Possible

Book Review:

Lowe E. J. *The Possibility of Metaphysics: Substance, Identity, and Time*. Clarendon Press, 1998

Nikita V. Golovko

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Abstract

Jonathan Lowe believes that metaphysics should regain its central place in philosophy. It is an autonomous philosophical discipline, which task is to outline the realm of what is really possible by defining a system of fundamental ontological categories under which everything that exists falls, and relations of ontological dependence in which objects of various ontological categories are related to each other. Metaphysical categories are what gives meaning to our experience, however, unlike I. Kant, they are not the result of a priori constraints – on the contrary, they are subject to revision in the face of experience. The question of why there is something in the world rather than nothing, is solved with a non-Wittgensteinian understanding of what the world is (world is the sum of all existing objects because world as “the totality of facts” lacks determinate identity-conditions), as well as an understanding that universals must be actually instantiated in particulars. Far from being an easy textbook in the proper sense, this book is a brilliant example of the return of Aristotle to modern metaphysics.

Reflections on the book: Lowe E. J. *The Possibility of Metaphysics: Substance, Identity, and Time*. Clarendon Press, 1998.

Keywords

metaphysics, necessity, existence, categories, ontological dependence, abstract objects, substance, identity, persistence, event, time

For citation

Golovko N. V. Metaphysics as a First Science, Again: How a Textbook on Metaphysics Is Possible. Book Review: Lowe E. J. The Possibility of Metaphysics: Substance, Identity, and Time. Clarendon Press, 1998. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 155–163. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-155-163

Приведите пример хорошего учебника по метафизике. Скажем, что не так с компендиумом Р. Кунса и Т. Пикаванса «Атлас реальности» [Koons, Pickavance, 2017], – по-видимому, наиболее полным собранием в одном месте ключевых тем современной метафизики? Ответ на этот вопрос можно найти на первых страницах, в предисловии книги Дж. Лоу: «Ключевые понятия, раскрывающие основную задачу метафизики, – это *субстанция, идентичность и время*. Единство конкретного мира, существующего во времени, в конечном итоге зависит от существования фундаментальных субстанций, которые претерпевают (*persist through*) процессы качественного изменения. И даже абстрактные сущности, такие как объекты математики, в своем существовании зависят от конкретного пространственно-временного мира претерпевающих (*enduring*) субстанций» (р. iv). Дело в том, что традиция писать хороший академический учебник для заданной области философии, – именно учебник, а не авторский трактат с дополнительной образовательной частью, – сложилась давно. Учебник Р. Кунса и Т. Пикаванса, возможно лучший в своем классе, написан в том же стиле, с тем же акцентом на широту охвата и фундаментальность затрагиваемых проблем, что и, например, учебник М. Девитта и К. Стерельни [Devitt, Sterelny, 1999], если бы мы говорили о философии языка. В этом смысле книга Дж. Лоу никогда не задумывалась как хороший учебник. Это книга, которая в большей степени раскрывает содержание метафизической системы Дж. Лоу. С одной стороны, любой учебник всегда есть выражение позиции автора, с другой – в силу своего фундаментального характера метафизика, в отличие от философии языка, не всегда может пониматься как «любая другая» область философского знания, и в этом смысле стремление к полноте представления материала автоматически налагает дополнительные требования к репрезентации содержания именно авторской позиции. Собственно к «учебнику» здесь можно отнести разве что первую главу, все остальные – метафизика в действии.

Подход Дж. Лоу к метафизике инспирирован Аристотелем. Метафизика – это автономная и необходимая дисциплина, предмет которой реально возможное. Это «первая наука» – наука о бытии как таковом, о наиболее фундаментальных характеристиках и структуре реальности. Это не описание того, что мы думаем о реальности, не ее концептуальный анализ, не специальная область философии

языка и не систематизация того, что о реальности говорит наука. Это систематическое исследование и поиск «онтологических категорий, под которые подпадают все возможные сущности (*beings*), а также характерных отношений онтологической зависимости, в которых объекты различных онтологических категорий находятся друг с другом» (р. iv). Все другие науки – логика, математика, естественные науки и т. д. предполагают ее, поскольку «никакое понимание чего бы то ни было невозможно без привлечения онтологических категорий»¹. Примечательно то, как Дж. Лоу дополняет акцент на «субстанции», «идентичности» и «времени» как основных смысловых единицах, раскрывающих содержание метафизики, в своей следующей книге, которая, как он пишет, «прямо направлена на изучающих философию в бакалавриате» [Lowe, 2002, p. v]. Как отмечает Дж. Лоу: «Текст по метафизике, написанный в этом ключе, должен прояснять такие универсальные понятия, как *идентичность*, *необходимость*, *причинность*, *пространство* и *время*, и исследовать доктрины, их включающие... а также предлагать систематический взгляд на то, как соотносятся сущности, принадлежащие разным онтологическим категориям, – такие как *вещи*, *события* и *характеристики*» [Там же]. Не вдаваясь в детали того, как трансформировались взгляды Дж. Лоу между 1998 и 2002 годами, или того, в каком смысле его книга 2002 года гораздо лучше и больше отвечает традиционному представлению о хорошем академическом учебнике, отметим, что у «Возможности метафизики» есть одно важное преимущество. Она посвящена идее обоснования возможности метафизики, ее цель в том, чтобы вернуть метафизике ее центральное место в философии. На наш взгляд, хороший учебник должен не только отличаться

¹ Как отмечает Дж. Лоу, «наиболее полезная служба, которую может сослужить аналитическая метафизика, заключается в том, чтобы очертить возможности сущего и тем самым предоставить концептуальные инструменты, с помощью которых мы будем классифицировать содержание мира как можно лучше в свете имеющегося опыта, и которые дадут возможность сохранить разум открытым для того, чтобы интерпретировать новые эмпирические данные в будущем. Мы должны обратиться к научной теории и эксперименту как к тому, что в определенном смысле говорит нам “что есть”: но ученые могут сказать нам, что, по их мнению, есть только в терминах теорий, которые уже предполагают некоторую категоризацию рассматриваемых сущностей, и задача конструирования этих категорий, в конечном счете, – это задача метафизики, а не задача эмпирической науки. Скромная надежда аналитической метафизики состоит в том, что она может облегчить задачу построения эмпирической теории путем предоставления подходящей категориальной основы для характеризования сущностей, постулируемых теорией. Неадекватная метафизика, например та, которая догматически полагает, что единственно возможными сущностями являются индивидуальные объекты, безусловно, может помешать процессу построения научной теории, – что фактически происходит в ситуации с современной квантовой теорией» (р. 83). Именно в этом смысле наука предполагает метафизику. Предметом метафизики является метафизически возможное, однако то, что из этого «возможного» реализуется актуально, определяет именно наука.

полнотой изложения материала, но и раскрывать более сложный интеллектуальный конфликт, определяющий развитие данной предметной области в целом, освещая соперничающие позиции с четким указанием на то, что даже самые фундаментальные допущения и базовые основания не являются неподвластными критике. Интеллектуальный конфликт, о котором может идти речь, – это развитие традиции, альтернативной доминирующей. Дж. Лоу один из немногих оригинальных авторов, занимающихся «возвращением Аристотеля» в современную метафизику². У Дж. Лоу, если так можно выразиться, несколько другой подход, чем у тех же Р. Кунса и Т. Пикаванса, это подход ученого, который дошел до определенного уровня понимания, зафиксировал его и пошел дальше. В данном случае «учебник» – это не готовые ответы, не обзор всего, что есть по теме, а приглашение к разговору с обещанием того, что дальше будет интересней, с демонстрацией того, что у нас есть инструменты, с помощью которых мы можем замахнуться не только на то, что нам известно сейчас. Если мы хотим говорить о полноте представления метафизики в работах Дж. Лоу, отвечающей широте охвата традиционного учебника, то мы должны вспомнить как минимум четыре его книги: «Виды сущего» (1989), «Возможность метафизики» (1998), «Обзор метафизики» (2002) и «Формы мышления» (2013).

Книга естественным образом содержит анализ и сравнение с альтернативными трактовками большого числа ключевых, по мнению Дж. Лоу, для метафизики понятий, таких как объект, идентичность, время, претерпевание, субстанция, материя, форма, абстрактное, конкретное, факт, событие и т.д. Дж. Лоу хватило шести страниц в первой главе для того, чтобы разобраться со всеми конкурирующими традициями: релятивизмом, сциентизмом (натурализованной метафизикой), (нео-)кантианством и «семантическим приоритетом». В частности, фра-

² Как отмечает Дж. Шаффер: «Существует противоречие (*tension*) в современной метафизике. С одной стороны, куайновский подход остается доминирующим. С другой стороны, возрождается интерес к вопросу, что такое есть фундаментальное, возрождается интерес к традиционной метафизике. Противоречие заключается в том, что постпозитивистский куайновский подход (по определению) не подходит для традиционных вопросов. Возрождение традиционной метафизики требует возрождения традиционного аристотелевского подхода, включающего понятия, которые не найти у Куайна или Карнапа... Например, допуская, что числа существуют, они либо должны считаться как субстанции [фундаментальные объекты], либо требуется объяснить, каким образом они укоренены в [других] реальных субстанциях. Вопросы существования трансформировались... они больше не выражают конец метафизического исследования. Поскольку мы все еще должны определить, является ли существующее (*existent*) укореняющим, отношением укоренения, либо укореняемой сущностью (и если так, то как). ... общая цель построения “аристотелевской” метафизики – построения “порядка вещей”, – определение того, какие вещи являются фундаментальными, какие – зависимыми, чтобы ответить на основной метафизический вопрос, который не о том, существуют ли сущности (*entities*), но только о том, как они существуют» [Schaffer, 2009, p. 353, 354, 363].

за: «Семантическая традиция не отличается фундаментально от того, что я назвал неокантианством, поскольку ее сторонники, такие как Даммит, рассматривают теорию значения как единственное легитимное основание, определяющее структуру и содержание мысли. Семантическая традиция всего лишь облекает в лингвистические одежды ту разновидность метафизики, которую мы уже рассмотрели и отвергли» (р. 7) уверенно ставит на место «фанатов Витгенштейна», демонстрируя, например, что «Логические основания метафизики» М. Даммита [Dummett, 1991] в лучшем случае являются обобщением содержания частной и, по определению, не самой фундаментальной метафизической парадигмы³. Вторая и третья главы книги посвящены анализу, возможно, наиболее фундаментальных из всех понятий метафизики – понятиям «объект» и «идентичность» (тождественность). В частности, Дж. Лоу показывает, что если основная задача метафизики – построить подходящую систему категорий, то «мы должны признать возможность существования объектов, принадлежащим категориям, в отношении которых мы не можем сказать, что их члены обладают определенными условиями тождественности или единства» (р. 58). Четвертая и пятая главы посвящены обоснованию тезиса, что «только имеющий временную форму (*tense*)

³ Мы не хотим сказать, что аналитическая философия, по сути, является не значительной традицией. Однако, есть разница между тем, чтобы считать главными философами XX века не Б. Рассела, например, за «Основания математики», или У. Куайна за «О том, что есть», т. е. за их вклад в развитие аналитической традиции в целом, а, например, С. Крипке, Д. Льюиса и К. Файна за их вклад в развитие представлений в области модальной логики, теории указания, сущности и необходимости, – вклад, который был получен философами, работающими уже в рамках аналитической традиции. Дж. Лоу критикует аналитическую традицию, в частности, концепцию возможных миров Д. Льюиса за ее ненужность: «я утверждаю, что возможные миры, независимо от того, существуют они на самом деле или нет, не могут быть объектами, потому что для них не может быть четко определенных условий тождественности (*identity-conditions*). Сам этот факт не может помешать нам в принципе использовать возможные миры для интерпретации модальных утверждений (например, понимать “Возможно, что *P*” как “В некотором возможном мире, *P* истинно”), но это мешает нам использовать знак тождества между переменными, принимающими возможные миры как их значения. Если “пространство” метафизической возможности не может быть однозначно разделено на единственное множество исчерпывающих и взаимоисключающих альтернатив, независимо от нашего выбора описания этих альтернатив, то это делает бессмысленным приписывание объективные степени вероятности или случайности возможным мирам, понимаемым как такие альтернативы» (р. 258). Однако не редко, сами постановки проблем, риторика, содержание понятий, примеры, которые приводит Дж. Лоу, иллюстрируя свою позицию, например то, что сущность – это пропозиция, или то, что претерпевание есть обретение существования и исчезание устанавливающего истину и т.д., сами по себе продиктованы именно аналитической традицией. Вся современная нео-аристотелевская парадигма (см., например, «Введение в мета-метафизику» Т. Тахко [Тахко, 2016]) с готовностью принимает терминологию и часть содержательного багажа «семантического приоритета», при этом обратное, конечно, не верно, что, в свою очередь, очевидным образом ограничивает проект Г. Фреге, Б. Рассела и Л. Витгенштейна.

способ представления времени может удовлетворительно объяснить то, что значит для вещи существовать во времени и претерпевать изменения» (р. 84). Как следствие, Дж. Лоу приходит к интересному выводу, что такая установка должна отрицать саму идею представить время как измерение, аналогичное измерениям пространства. Пятая, шестая и седьмая главы, в широком смысле, посвящены анализу понятий «субстанция» и «экзистенциальная зависимость». Необходимость существования субстанций обусловлена аристотелевским подходом к метафизике, однако их тождественность во времени можно зафиксировать только в примитивном (не требующем содержательной трактовки) смысле. Субстанция – это то, что не зависит (в метафизическом смысле) ни от чего другого, но, в частности, может «экзистенциально укоренять существование конкретных объектов» (р. 154). Одна из находок Дж. Лоу заключается в обосновании и последующей интерпретации тезиса, что мы не можем априорно сказать, отвечает ли данный объект категории «субстанция», но мы можем сказать, что такие объекты возможны. В восьмой и девятой главах, вместе с развитием представления о возможности разных метафизических категорий, Дж. Лоу обращается к аристотелевским понятиям «материя» и «форма», для того чтобы определить понятие «составной субстанции». Следуя Дж. Лоу, «составные субстанции нельзя рассматривать ни как мерологическую сумму их составных частей, ни как связку (*bundle*) троп или проявленных характеристик» (р. 190). Этот вывод играет решающую роль в обосновании тезиса, что в качестве базовых категории фундаментальной онтологии мы можем рассматривать только четыре: субстанциальные универсалии (виды), субстанциальные партикулярии (вещи), не-субстанциальные универсалии (характеристики) и не-субстанциальные партикулярии (индивидуальные проявления характеристик или «моды»). В десятой, одиннадцатой и заключительной – двенадцатой главе Дж. Лоу последовательно анализирует понятия «абстрактного объекта» и «положения дел», а также отвечает на вопрос: «почему в мире существует нечто, а не ничто?»: «если бы никаких объектов не существовало, то все равно у нас был бы факт, что объектов не существует. И если факт – это “способ, которым мир существует”, то, очевидно, не может быть факта без мира, а, следовательно, и без каких-либо объектов, коллективно составляющих мир. Теперь, если предположить, что единственно возможными *абстрактными* объектами являются универсалии и множества, – а они не могут быть единственно существующими объектами, поскольку универсалии требуют частных проявлений, а множества требуют своих членов, – мы действительно можем сделать желаемый вывод о том, что должны существовать *конкретные* объекты того или иного вида, даже если их существование является контингентным» (р. 258–259).

«Возможность метафизики» точно нельзя назвать книгой для начинающих изучать метафизику. Мы уже должны не только владеть, по крайней мере отчасти, понятийным аппаратом, но и быть готовыми переинтерпретировать знакомые понятия в том виде, как они должны отвечать новой системе метафизики. И она точно не лишена недостатков и недосказанностей. Например, Дж. Лоу полагает, что фундаментальное отношение онтологической зависимости должно быть асимметричным, и на определенном этапе в его определении онтологической зависимости появляется понятие «сущности»: «Идентичность x зависит от идентичности y , если с необходимостью существует функция F , такая что, частью сущности x является то, что x является F от y » (р. 149). Проблема может заключаться в том, что определение сущности может быть связано с уровнем понимания. Почему я должен отдавать предпочтение определению окружности как геометрического места точек, равноудаленных от данной, а не как результат перпендикулярного основной оси сечения плоскостью конуса вращения? Когда Дж. Лоу приводит пример «счетности без определенной идентичности», он апеллирует к квантовой механике: «Электронная оболочка нейтрального атома гелия содержит два электрона, но их идентичность нельзя зафиксировать, потому что они существуют в состоянии суперпозиции» (р. 62), но еще сто лет назад такое понимание было неочевидным. Когда Дж. Лоу говорит о том, что партикулярии не могут быть связкой троп, поскольку он не хочет оказаться в «фатальной» ситуации, когда идентичность троп определяется идентичностью связки, а идентичность связки определяется идентичностью троп (см. р. 206), то почему он априорно отрицает ситуацию, когда идентичности каждого объекта пары могут зависеть друг от друга? Естественно, большая часть подобных вопросов так или иначе либо находит объяснение, либо, по крайней мере, осознается Дж. Лоу как значимые в перспективе дальнейших исследований. И в этом смысле, возможно, наиболее позитивный элемент той парадигмы, в которой выступает Дж. Лоу, связан с тем, что само по себе построение системы фундаментальных метафизических категорий предполагает, что «существует более чем один способ организовать одну и ту же категориальную схему, точно так же как существует несколько различных аксиоматизаций геометрии» (р. 204). «Возможность метафизики» Дж. Лоу – это блестящий пример того, что развитие метафизики не остановилось даже после того, как аналитическая традиция в современной философии стала интерпретироваться как нечто данное свыше и само собой разумеющееся. Ее можно порекомендовать всем, кто хочет по-настоящему серьезно погрузиться в проблемы метафизики.

Список литературы / References

- Dummett M.** *The Logical Basis of Metaphysics*. Harvard University Press, 1991.
- Devitt M., Sterelny K.** *Language and Reality: An Introduction to the Philosophy of Language*. Wiley, 1999.
- Koons R., Pickavance T.** *The Atlas of Reality: A Comprehensive Guide to Metaphysics*. Wiley-Blackwell, 2017.
- Lowe E.J.** *A Survey of Metaphysics*. Oxford University Press, 2002.
- Schaffer J.** On What Grounds What. In: D. Chalmers, D. Manley, R. Wasserman (eds.). *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology*. Oxford University Press, 2009, pp. 347–383
- Tahko T.** *An Introduction to Metametaphysics*. Cambridge University Press, 2016.

Информация об авторе

- Никита Владимирович Головко**, доктор философских наук, доцент
¹ заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки Новосибирского государственного университета;
² ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН

Information about the Author

- Nikita Golovko**, Doctor of Sciences (Philosophy)
¹ Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science, Novosibirsk State University;
² Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

Статья поступила в редколлегию 21.12.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.01.2022
*The article was submitted 21.12.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.01.2022*

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ. Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы с широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематикой, отражая интеллектуальное разнообразие позиций сообщества философов Новосибирского государственного университета и регионального отделения Российского философского общества, совмещающих интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональность аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11236. Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки» («Онтология, гносеология, логика»), «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

09.00.00 – Философские науки;

22.00.00 – Социологические науки.

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети «Интернет», в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Осуществляется рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение 5 лет.

Все статьи проходят обязательное простое слепое (single-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному автором адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также не оригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста. Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись формально делится на два раздела – «основное содержание статьи», соответствующим образом подготовленное для рецензирования, и «дополнительная информация», отвечающая техническим требованиям к публикации материалов. Предоставление полной информации по каждому из разделов является обязательным.

2. К «основному содержанию» относятся: УДК; ФИО автора (полностью); место работы (без сокращений); город, страна; e-mail; ORCID; название статьи на русском языке; аннотация на русском языке (до 100 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); текст статьи (до 40 000 знаков с пробелами); список литературы на русском языке.

3. К «дополнительной информации» относятся: ФИО автора на английском языке; название статьи на английском языке; аннотация на английском языке (до 100 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); список литературы в транслитерации и на английском языке, подготовленный по образцу; место работы, город, страна на английском языке; информация об авторе на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность, а также контактный телефон, электронный адрес автора, коды автора в Scopus, Web of Science (если есть)). ФИО автора, название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За транслитерацию и перевод на английский язык списка литературы редколлегия ответственности не несет.

4. Текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – Обычный. Смещение шрифта – Нет. Поля стандартного листа А4: верхнее – 2 см, нижнее – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см. Авторы, оформляющие материалы в формате .docx, должны выставить в настройках стандартные значения для абзацев: Отступ слева – 0 см. Отступ справа – 0 см, Интервал перед – 0 пт, Интервал после – 0 пт. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, значительно превышающие указанный объем текста статьи (до 40 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

5. Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (если приводится цитата). Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована

(для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), для статей указывается объем публикации (первая и последняя страницы).

Ссылки на архивные документы и документы из сети «Интернет» оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы), для документов из сети «Интернет» кроме URL также обязательно указывается дата обращения.

При оформлении ссылки на документы из сети «Интернет» обязательно указывается: автор, название материала, дата опубликования материала, официальное название ресурса, на котором размещен материал. Если сайт запрещен, указывается дата проверки нахождения сайта в реестре Роскомнадзора (см. образец ниже).

Не допускается указывать ссылки на документы в сети «Интернет», если эти документы имеют стандартные библиографические идентификаторы для печатной продукции (статьи, монографии, grey/green papers и т. д.).

6. При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 120 × 180 мм.

III. Образец оформления рукописи

УДК 101 + 378

Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке

Иван Иванович Иванов

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Humanitarian and Social Research in the 21st Century

Ivan I. Ivanov

Institute of Philosophy and Law
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation
ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

Основной текст статьи

Список литературы / References

Информация об авторах / Information about the Authors

Библиографические ссылки оформляются в следующем формате: в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (при прямом цитировании), например: [Ролз, 1995] или [Horton et al., 2006, pp. 427–428]. В тексте статьи допускается наличие сносок «внизу страницы», пронумерованных по порядку с цифры 1. Например: ...¹. Второй пример². В качестве подстрочных сносок оформляются ссылки на источники в Интернете, например³. В тексте статьи используется тире одного вида – так называемое короткое тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требуются пробелы с обеих сторон, при обозначении интервала используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; но с поясняющими словами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Образцы оформления

NB! Принятая система оформления списка литературы является адаптированной и переработанной версией оформления библиографии в соответствии со стандартом *The Chicago Manual of Style*. Просим учитывать различия в указании на русскоязычные и иностранные источники.

Список литературы / References

Аристид. Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов: В 25 т. / Под ред. А. Г. Дунаева. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 1: Афинские государственные деятели V в. до н. э. С. 290–336.

¹ Здесь мы согласны с мнением В. Е. Петрова [2002, с. 111].

² Подробный анализ самого подхода см. в статье [Rorty, 1979].

³ См.: «Гринпис» (14 марта 2017). Русскоязычная энциклопедия фольклора и субкультур «Луркоморье». URL: <https://lurkmore.to/Гринпис> (дата обращения 01.02.2021). Сайт входит в единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (<https://eais.rkn.gov.ru/>) (дата проверки 07.02.2021).

Aristid. Apologia Sv. Aristida [Apology of St. Aristides]. In: Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov [Works of Ancient Christian Apologists]. In 25 vols. Ed. by A. G. Dunaev. St. Petersburg, Aleteia Publ., 1999, vol. 1: Afinskie gosudarstvennye deyateli V v. do n. e. [Athenian statesmen of the 5th century BC.], pp. 290–336. (in Russ.)

Целищев В. В. Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 12–23.

Tselishchev V. V. Ratsionalisticheskii optimizm i filosofiya Kurta Gedelya [Rationalist Optimism and the Philosophy of Kurt Godel]. *Voprosy filosofii*, 2013, no. 8, pp. 12–23. (in Russ.)

Lee J. Y. God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Possibility. Springer Netherlands, 1974. 323 p.

Sarot M. Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical and Systematic Considerations. *Religious Studies*, 1990, vol. 26, no. 2, pp. 363–375.

Young F. M. Apathos Epathen: Patristic Reflection on God, Suffering, and the Cross. In: Clarke A., Moore A. (eds.). *Within the Love of God: Essays on the Doctrine of God in Honour of Paul S. Fiddes*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2014, pp. 79–94.

Информация об авторе / Information about the Author

Иван Иванович Иванов, кандидат философских наук, доцент

Ivan I. Ivanov, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor